

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

18

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1956

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (отв. ред.), С. Б. БЕРНШТЕЙН, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

Выпуск подготовлен
Сектором славянского языкознания
Института славяноведения Академии наук СССР

С. Б. Бернштейн

ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(ПРОСПЕКТ)

I. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

«Очерк сравнительной грамматики славянских языков» представляет собою конспективное изложение общего курса, который читается в Московском университете (до 1941 г. — в Институте истории, филологии и литературы им. Н. Г. Чернышевского). Основная задача автора — дать в руки студентов учебное пособие, которое в систематизированном виде характеризовало бы праславянские и общеславянские явления и процессы. Как в самом лекционном курсе, так и в данном «Очерке» уделяется большое внимание методологии и методике сравнительно-исторического изучения групп родственных языков.

Учитывая характер и объем пособия, автор дает лишь критическое изложение современного состояния науки по всем затронутым вопросам, не касаясь истории их изучения. В ряде случаев он предлагает собственное их решение. Вот почему после каждой главы дается список литературы, самостоятельное изучение которой поможет студентам познакомиться с историей науки, а также с теми проблемами, которые по различным причинам не нашли отражения в данном «Очерке».

После лингвистической дискуссии 1950 г. сравнительно-историческое изучение родственных языков получило в советском языкознании широкие возможности. После длительного перерыва вновь начала возрождаться сравнительная грамматика славянских языков. В научно-исследовательских планах ряда институтов Академии наук СССР и Академии наук УССР, а также в планах соответствующих кафедр университетов проблемам сравнительно-исторического изучения славянских языков уделяется теперь большое внимание. Естественно, что особенно видное место они занимают в планах Института славяноведения Академии наук СССР — научного центра славяноведческих исследований в нашей стране.

Начиная с 1950 г. в Институте славяноведения разрабатываются многие вопросы из сравнительной грамматики славянских языков, особенно те, которые прежде разрабатывались слабо (вопросы исторической фонологии, синтаксиса и словообразования). Ведется работа по изучению синтаксиса падежей, по глагольному словообразованию, по видам и временам, по истории некоторых фонетических явлений.

Определенное место в плане занимают темы этимологического характера. Завершена работа, посвященная этимологиям названий домашних животных. Пишется диссертация по этимологиям термипов

родства, свойства и древнейшей племенной организации. Планируются темы по этимологиям наименований металлов, древнейших орудий, терминов различных ремесел и др. Важность этих исследований для сравнительной грамматики славянских языков очевидна. Не меньшее значение они имеют для изучения разнообразных проблем из славянского этногенеза. Успешная работа в этом направлении интересует не только лингвистов, но и историков. В настоящее время, после замечательных открытий в области изучения древнейших индоевропейских языков Малой Азии, перед исследователем этимологии открываются новые перспективы.

Большое внимание языковеды всегда уделяли изучению взаимоотношений между отдельными группами (ветвями) индоевропейских языков. Так, по вопросу о славяно-балтийских языковых отношениях существует огромная литература, много внимания уделялось также итало-кельтским отношениям. Тем не менее до сих пор в этом направлении сделано еще мало. Специалиста по сравнительной грамматике славянских языков не может удовлетворить современное состояние, например, славяно-балтийских исследований, в еще меньшей степени — славяно-иранских. Собран обширный материал, однако не выработаны строгие методы и приемы его интерпретации. Вот почему одни и те же факты свободно используются для доказательства диаметрально противоположных взглядов и гипотез. Таковы недавно опубликованные статьи Я. Отрембского — «Славяно-балтийское языковое единство»¹ и А. Зенна — «Die Beziehungen des Baltischen zum Slavischen und Germanischen»². Я уже не говорю о том, что нередко один и тот же исследователь в разное время высказывал по данному вопросу диаметрально противоположные взгляды. Если Отрембский в 1954 г. решительно защищал теорию «славяно-балтийского праязыка», то в 1947 г., в рецензии на книгу Т. Лера-Славинского «O pochodzeniu i praobjęzycznictwie słowian» он писал: «Moim zdaniem, prąjęzyka bałtycko-słowiańskiego nigdy nie było» («Slavia Occidentalis», XVIII, 1939—1947, str. 448).

Особое положение в кругу данных проблем занимает славяно-хеттская проблема. Ее нельзя сравнивать с указанными выше, так как здесь не может стоять вопрос о каких-то особых генетических связях вне общего индоевропейского родства. Значение хеттского языка для слависта определяется тем, что данный язык отражает в ряде случаев очень древнюю стадию развития индоевропейского корнеслова и формативов, некоторых грамматических категорий. Данные хеттского языка дают возможность определить грамматическое значение отдельных славянских словообразовательных элементов, лучше понять древнейшие процессы праславянского языка, установить генезис некоторых сторон грамматического строя. В этом направлении сделаны лишь первые шаги (см., например, статью Т. Милевского — «Paralele hetyccko-słowiańskie w ewolucji kategorii rodzaju»)³. В настоящее время в журнале Института «Вопросы славянского языкознания» публикуется работа «Значение данных хеттского языка для сравнительной грамматики славянских языков». Нет сомнения в том, что для углубленного изучения истории праславянского языка потребуются в самом ближайшем будущем дальнейшие исследования в области этой проблемы.

¹ «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

² «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», begründet von A. Kuhn, Göttingen, 71, H. 3-4, 1954.

³ «Rocznik slawistyczny», XVI, cz. 1, Kraków, 1948.

На основе частных исследований отдельных сторон фонетического и грамматического строя славянских языков можно будет в будущем подойти к решению более общих задач славянского сравнительного языкознания. Главной среди них можно считать написание полной сравнительной грамматики славянских языков. Впервые эта задача сто лет назад была решена Ф. Миклошичем. До сих пор том, посвященный синтаксису, «самый блестящий труд Миклошича по части грамматики» (И. В. Ягич), не утратил полностью своего значения. Критика в свое время отмечала многочисленные недостатки сравнительной грамматики Миклошича. Академик П. С. Билярский справедливо писал, что «материал этой грамматики, собранный из разнородных источников, слишком мало очищен предварительной филологической критикой от примеси и порчи под влиянием различных времен и мест»¹. И тем не менее, при всех своих недостатках, которые находят объяснения во многих ложных и предвзятых теориях Миклошича, в его неумении выделять в языке текста архаичное и нарождающееся, свое и заимствованное, сравнительная грамматика венского слависта на длительный период определила характер и направление сравнительно-исторических исследований.

В 70 и 80-е годы XIX в. вышло капитально переработанное второе издание грамматики. Однако для данного периода, который характеризовался необычно интенсивным развитием новых методологических принципов в области языкознания, принципов, далеких и чуждых Миклошичу, эта грамматика, даже в переработанном виде, уже не соответствовала уровню науки. Создание новой сводной грамматики славянских языков взял на себя чешский славист В. Вондрак. В своей двухтомной «Vergleichende slavische Grammatik» (первый том вышел в 1906 г., второй — в 1908 г.; первый том второго издания — в 1924 г., второй том подготовлен к печати О. Грюненталем в 1928 г.) Вондрак дал сводку на основе многочисленных исследований конца XIX в. Будучи прежде всего специалистом в области старославянского языка и старославянской письменности, Вондрак был далек от проблем сравнительного языкознания. В отличие от грамматики Миклошича грамматика Вондрака никак не повлияла на развитие сравнительно-исторических исследований. Его грамматика является чисто компилятивным трудом и сохраняет некоторое значение как справочное пособие, во многом, конечно, уже устаревшее.

Никто из славистов после Вондрака не взял на себя задачи написания капитальной сравнительной грамматики, несмотря на справедливые указания очень многих, что отсутствие подобной грамматики тормозит дальнейшее развитие сравнительно-исторических исследований в области славянских языков. Частные исследования являются необходимой предпосылкой создания обобщающего труда. Однако на определенном уровне развития науки без обобщающего труда тематика отдельных исследований мельчает, исследователь теряет перспективу, начинается застой в науке. Каждый славист, работающий над проблемами сравнительной грамматики, остро ощущает отсутствие труда, написанного на уровне современной теории языка. В течение последних тридцати-сорока лет велись многочисленные дискуссии по ряду важнейших проблем сравнительной грамматики славянских языков, высказано было немало важных и ценных мыслей и соображений по многим вопросам, сделаны были первые попытки применить в сравнительном

¹ П. С. Билярский. Судьбы церковного языка, I. СПб., 1858, стр. 14—15.

языкознании понятие системы. Но все это до сих пор творчески не обобщено.

Создание капитальной сравнительной грамматики является неотложной задачей современной науки. Но при современном развитии языкознания эту задачу может осуществить только коллектив ученых.

Нет сомнения в том, что в осуществлении поставленной задачи некоторую роль могут сыграть университетские пособия по сравнительной грамматике. В лекционном курсе находит отражение личный опыт ученого, здесь могут быть решены некоторые проблемы, указаны пути для дальнейших исследований. Я уже не говорю о том, что эти пособия необходимы студентам для изучения основ данной науки. Если обратиться к истории русской университетской науки, то здесь прежде всего следует упомянуть курс старославянского языка профессора Московского университета академика Ф. Ф. Фортунатова, опубликованный частично в 1919 г., после смерти автора, и «Некоторые отделы „Сравнительной грамматики“ славянских языков» проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, читанные студентам Казанского университета в 1880/81 учебном году и опубликованные в «Русском филологическом вестнике» за 1881 г. Следует помнить, что именно в курсе сравнительной грамматики славянских языков Бодуэн впервые изложил свое учение о фонемах.

К сожалению, на русском языке отсутствуют полные университетские курсы сравнительной грамматики славянских языков.

В русском славяноведении уже давно утвердился особый тип руководства по славянскому языкознанию. Не будучи в собственном смысле слова сравнительными грамматиками, эти руководства содержали самостоятельные очерки отдельных славянских языков. Такой книгой были «Славянские наречия» В. И. Григоровича, широко известные «Лекции по славянскому языкознанию» Т. Д. Флоринского. По этому же плану написаны «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» и «Славянское языкознание. Западнославянские языки» А. М. Селищева¹. Принципиально эти руководства не отличаются от кратких самостоятельных очерков фонетики и морфологии сербского, болгарского, чешского и польского языков проф. Р. Ф. Брандта. В «Лекциях» Флоринского нет никакой внутренней связи между отдельными очерками, и они могли бы быть изданы самостоятельно. Указанные книги в течение длительного времени служили основными пособиями для подготовки к курсу сравнительной грамматики. «Славянское языкознание» Селищева и в настоящее время рекомендуется студентам. Следует, однако, обратить внимание на то, что при таком построении книги исчезает вся специфика данного курса. Изучение отдельных славянских языков является необходимой предпосылкой успешного изучения сравнительной грамматики. Однако сравнительная грамматика представляет собою совершенно самостоятельную лингвистическую дисциплину. Она тесно соприкасается со старославянским языком, с историей славянских языков, но не растворяется в них. Все же в данном вопросе нет полной ясности. Об этом, между прочим, свидетельствуют многочисленные отклики на мою программу курса «Сравнительной грамматики славянских языков», изданную в 1952, в 1953 и в 1955 гг. Письма пишут лица, читающие на филологических факультетах университетов и в педагогических институтах сравнительную

¹ Имеются аналогичные руководства и за рубежом: Lehr-Spřawiański, W. Kuraczkiewicz, F. Sławski. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954.

грамматику славянских языков. Почти во всех письмах содержатся многочисленные дополнения к программе: не указаны важные явления в кашубских говорах, опущены очень характерные фонетические особенности западных украинских говоров, отсутствует указание на важную особенность словацкого языка и т. д. По этим дополнениям легко догадаться о специальных научных интересах корреспондентов. «Данная программа, — пишет один корреспондент, — не может обеспечить полного и всестороннего изучения отдельных славянских языков».

Курс сравнительной грамматики не может заменить руководств по отдельным славянским языкам. У него есть свои задачи и своя специфика. Внешнее соединение грамматик (даже исторических) отдельных языков не дает еще сравнительной грамматики. Перед читающим данный курс стоит ответственная задача отбора фактов, который определяется общими задачами сравнительной грамматики.

Университетский курс сравнительной грамматики славянских языков имеет три главных задачи:

1) дать студентам ясное представление о сравнительно-историческом методе, о его истории, о принципах реконструкции утраченных форм, о методах установления соотносительной хронологии;

2) изложить историю праславянского языка;

3) проследить на материале различных славянских языков важнейшие общеславянские процессы.

Из всех указанных задач наиболее трудно решается обычно последняя. Нелегко дать готовый рецепт для всех случаев, и многие будут решать эту задачу по-разному, в зависимости от частных задач курса. Так, в общем курсе сравнительной грамматики я не рассматриваю вопроса об аналитизме болгарского склонения. В специальном курсе, посвященном именному склонению, болгарскому аналитизму отводится место. Изучение его дает возможность лучше понять природу падежно-предложного склонения и его эволюцию. В общем курсе дается схематичная картина истории славянской интонации. В специальном курсе по славянской акцентологии в этом направлении возможны разнообразные экскурсы в различные славянские и индоевропейские языки.

В 1950 г. вышел из печати первый том сравнительной грамматики славянских языков («Grammaire comparée des langues slaves») А. Вайана, содержащий введение и краткий очерк фонетики. Автор не останавливается специально на явлениях поздней истории безударного вокализма, а лишь использует отдельные факты для уяснения ряда явлений праславянского языка. В рецензии на этот труд проф. П. С. Кузнецов справедливо указал на некоторые ошибочные аналогии. Однако никак нельзя согласиться с рецензентом в том, что автор сравнительной грамматики должен был специально рассмотреть историю безударного вокализма в отдельных славянских языках. «Следует, кстати, сказать, что явления безударного вокализма, весьма своеобразные для разных славянских языков, вообще должны бы были быть рассмотрены полнее — следовало бы остановиться и на фактах болгарского (о них вскользь упоминается, но неполно и в другой связи), и на фактах словенского языка»¹. Известно, что система восточноболгарского безударного вокализма представляет некоторые аналогии южновеликорусскому вокализму. Однако наблюдается много существенных и принципиальных различий. Важно то, что генетически эти явления не свя-

¹ ОЛЯ, ИАН, X, № 4, 1951, стр. 399.

заны. Академик А. А. Шахматов уже давно доказал, что русское и словенское аканье имеют различную природу и разное происхождение. Сравнение южновеликорусской, белорусской, восточноболгарской и словенской редукции безударных гласных может оказаться полезным и нужным, но не в плане краткого курса сравнительной грамматики.

Тесно соприкасается сравнительная грамматика славянских языков с курсом старославянского языка. Указанная нами выше вторая задача (история праславянского языка) как-то решалась и в этом курсе. «Сравнительная грамматика славянских языков» проф. В. К. Поржезинского содержит характеристику только праславянского языка и часто рекомендуется по курсу старославянского языка. Однако изложение материала праславянского языка в сравнительной грамматике имеет свою специфику.

В курсе старославянского языка имеется большой раздел «Звуки и формы старославянского языка в сравнительно-историческом освещении». Прежде с этого раздела начиналось изучение старославянского языка (именно так построено большинство учебников). Новая программа старославянского языка проф. Р. И. Аванесова и доцента В. К. Чичагова предусматривает сначала изучение собственно старославянского языка IX—XI вв., а затем уже праславянского языка.

В разделе «Формы старославянского языка в сравнительно-историческом освещении» фиксируется история отдельных элементов фонетического и грамматического строя праславянского языка, но отсутствует полная история праславянского языка. Здесь свободно смешиваются различные эпохи в истории этого языка, так как задача состоит в том, чтобы только установить *соотношение* данного факта в старославянском и праславянском (реже — в индоевропейском). Вот почему в программе старославянского языка монофтонгизация дифтонгов рассматривается раньше таких древнейших процессов, как изменение индоевропейских палатальных [k] и [g] в [s] и [z], происходившая еще в дославянский период.

Нельзя сказать, что программа по старославянскому языку лишена серьезных недостатков. В некоторых случаях никак нельзя оправдать искусственное разобщение материала. Так, упрощение групп согласных в праславянском языке, возникновение протез [j] и [v] в начале слова самым тесным и непосредственным образом связаны с тенденцией к открытости слогов. В программе же все эти вопросы рассматриваются изолированно друг от друга. Имеются и другие недостатки. Однако в основном составители программы верно определяют роль праславянского языка в изучении старославянского.

Студенты, приступающие к изучению сравнительной грамматики славянских языков, должны знать старославянский язык, историю специального славянского языка (русского, украинского или белорусского) и один зарубежный славянский язык. Таким образом, им должны быть известны фонетические и грамматические особенности праславянского языка, важнейшие процессы дописьменного периода. Но лишь в курсе сравнительной грамматики в п е р в ы е будет изложена и с т о р и я праславянского языка, начиная с древнейших эпох и кончая периодом его распада.

В курсе сравнительной грамматики особое внимание должно быть уделено диалектным особенностям праславянского языка. Уже в праславянском периоде наметились существенные отличительные черты отдельных групп славянских языков (например, польско-поморской в отличие от чешско-словацкой).

В большинстве случаев диалектные явления возникали в поздний период истории праславянского языка. Однако некоторые диалектизмы нужно отнести к более раннему периоду. Могут указать, например, на судьбу [tj] и [dj]. Нет сомнения в том, что ассимиляция согласных перед [j] началась еще в период до утраты закрытых слогов. Вот почему в случаях типа *konjos* сочетание [on] перед согласным не изменилось в носовой гласный. Таким образом, [tʲ] и [dʲ] возникли на месте [tj] и [dj] до утраты закрытых слогов. Предполагать длительное существование долгих смягченных согласных в праславянском языке невозможно. Однако утрачивалась долгота [t̄] и [d̄] неодинаково: в одних диалектах вторичный палатальный элемент был свистящий, в других шипящий.

Следует решительно избегать термина «доисторический», широко применяемого лингвистами¹. Сравнительно-исторический метод дает возможность представить дописьменный период в истории языков не статично, а именно в движении, в смене различных систем. Конечно, эта история будет очень схематична. Еще более схематичной будет история индоевропейского языка, однако и в этом направлении, благодаря трудам Куриловича, Бенвениста, Кюни и некоторых других лингвистов, достигнуты существенные результаты. Для изучения истории некоторых явлений праславянского языка важно учесть работы Т. Лер-Сплавинского «O dialektach prasłowiańskich»², Т. Милевского «Rozwój fonetyczny wygłosu prasłowiańskiego»³ и Н. Ван-Вейка «Les langues slaves. De l'unité à la pluralité», 1937.

Обращаясь к праславянскому языку, мы видим, что наиболее важными процессами в дописьменный период были следующие: изменения согласных перед [j], гласных после [j] и обнаружившаяся в поздний период его истории тенденция к открытости слога. Слог стал характеризоваться неуклонным возрастанием звучности. Устранялось все, что мешало осуществлению этой тенденции. Этот процесс делит историю праславянского языка на два периода, существенно различавшихся между собой.

Лингвисты, изучавшие праславянский язык, уже давно обратили внимание на эту важную особенность. Однако прежде ей не придавали того значения, которого она заслуживает. Интерес к изучению утраты закрытых слогов усилился в 20-е годы XX в., что было, бесспорно, связано со стремлением к более углубленной трактовке исторических вопросов. Закономерно появление статьи известного финского слависта Микколы «La question des syllabes ouvertes en slave commun»⁴. В «Праславянской грамматике» Г. А. Ильинского (1916 г.) вопросам утраты закрытых слогов уделяется сравнительно мало внимания. Но вот уже в 1926 г., через 10 лет после выхода в свет «Праславянской грамматики», Ильинский в рецензии на известную книгу О. Гуйера «Úvod do dějin jazyka českého» (1924 г.) писал: «По нашему мнению, начиная 4-ю главу — о жизни праславянского языка после распада балтийско-славянского, ему (т. е. автору. — С. Б.) следовало бы, с первых же строк, подчеркнуть то огромное значение, которое имел в этой жизни закон открытых слогов; ведь именно он составляет ключ к важ-

¹ Об этом подробнее см. в нашей статье: «Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». «Вопросы славянского языкознания», вып. 1, 1954.

² «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze», II. Praha, 1931.

³ «Slavia», XI, 1932.

⁴ «Revue des études slaves», 1921, № 1.

нейшим явлениям праславянского языка: монофтонгизации дифтонгов, образования носовых гласных, судьбы чисто плавных сочетаний, ассимиляции и «упрощения» согласных и т. д. Вообще, закон открытых слогов является движущим первым значительной части праславянских фонетических явлений, но значение его в книжке Гуйера осталось более, чем в тени¹. Следует, однако, обратить внимание на то, что признание важности утраты закрытых слогов для истории праславянского языка не пошло дальше статей и рецензий. Ни в одной из существующих сводных работ по праславянскому языку утрата закрытых слогов не рассматривается как «движущий нерв» истории этого языка.

Признание важности «закона открытых слогов» само по себе еще недостаточно для того, чтобы рассмотрение отдельных фактов праславянского языка отвечало требованиям историзма. Так, в своем известном руководстве «Slovanski jeziki» проф. Р. Нахтигал характеризует праславянского языка начиная с «zakona odprtih zlogov», справедливо указывая на то, что утрата закрытых слогов и ее последствия определили важнейшие отличительные черты славянских языков². Однако утрата закрытых слогов произошла в поздние эпохи истории праславянского языка. До нее этот язык пережил длительную и сложную эволюцию. Задача историка состоит не только в признании важности «закона открытых слогов», но и в том, чтобы верно определить его место в истории праславянского языка.

В последнее время наметилась тенденция ограничить значение процесса утраты закрытых слогов. А. Мартинэ в своей статье «Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun» утверждает, что утрата закрытых слогов — не закон, а лишь тенденция, которая проявлялась в разных языках³. П. С. Кузнецов стремится приуменьшить значение этого процесса указанием на то, что он проявлялся в течение длительного времени⁴. Во всех этих замечаниях немало справедливого. И тем не менее, все это не может иметь существенного значения. Может быть, утрату закрытых слогов нельзя называть законом. Важно однако то, что данный процесс (назовем его тенденцией) проявился полностью. Мы не знаем позиций, которые бы ему противоречили. Все противоречащие случаи, указанные отдельными лингвистами, принять невозможно. Они по меньшей мере спорны.

Еще в XIX в. указывали на то, что процесс утраты закрытых слогов не был синхронным. Утрата конечных взрывных происходила раньше, нежели утрата фрикативных. Богородицкий в свое время не без оснований высказал предположение о том, что различные дифтонги монофтонгизировались не одновременно. Прежде монофтонгизировались однородные дифтонги (типа *ou*, *ei*), дифтонг *oi* пережил процесс монофтонгизации позднее. Однако все эти давно известные предположения и гипотезы не ограничивают значения утраты закрытых слогов в истории праславянского языка. Утрата закрытых слогов может быть определена как важнейшая черта в истории праславянского языка, разделяющей его на две эпохи: раннюю, очень длительную, до утраты закрытых слогов, и позднюю, краткую, но насыщенную большим содержанием. Именно в это время сформировались те важнейшие отли-

¹ ИОРЯС, XXXI, 1926, стр. 349.

² R. Nahtigal. Slovanski jeziki, V. Ljubljani, 1952, str. 11.

³ «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Н. 3-4, 1952, S. 145.

⁴ «Вопросы языкознания», № 5, 1952, стр. 41.

чительные признаки славянских языков, которые выделяют их в кругу родственных индоевропейских языков.

Изучение разных периодов в истории праславянского языка имеет свои специфические особенности. Это находит отражение, между прочим, в самом материале и в различных возможностях так называемой «внутренней реконструкции».

История древнейших процессов праславянского языка восстанавливается главным образом на материале родственных индоевропейских языков. Здесь чаще всего преподавателю приходится обращаться к латинскому языку, элементарное знакомство с которым он может предполагать у студентов. Лишь в случае отсутствия соответствующего материала в латинском мы привлекаем данные других индоевропейских языков.

Принципиально иначе решаются проблемы реконструкции, относящиеся уже к позднему периоду истории праславянского языка. Здесь на первое место следует поставить данные самих славянских языков различных периодов их истории. Из индоевропейских языков для этого периода большое значение имеют балтийские языки — главным образом литовский. В большинстве случаев студенты не знают литовского языка. Поэтому целесообразно посвятить некоторое время общей характеристике литовского языка и его графики.

При изучении поздних эпох истории праславянского языка особое значение приобретает «внутренняя реконструкция». Большое значение «внутренней реконструкции» в сравнительно-историческом языкознании понято сравнительно недавно, хотя уже Соссюр указывал, что сравнительный метод является прежде всего ретроспективным¹. Необходимо неуклонно обращать внимание студентов на скрытые возможности, которые мы находим в их родном языке для изучения древнейших процессов. Еще совсем недавно казалось, что наличие носовых гласных в праславянском легче всего доказывается данными польского языка, который, как известно, сохраняет их до сих пор. Это, конечно, не так. Всегда может возникнуть предположение, что в самом польском эти гласные вторичного происхождения (ср., например, французский) и не отражают особенностей праславянского (ср., например, латинский). Для решения этой проблемы важнее использовать данные современных славянских языков. Все они вместе с польским дают точные свидетельства существования в праславянском носовых гласных. Это разнообразные звуковые варианты морфем (ср. в русском — *начать* — *начну*, *взять* — *возьму*, *имя* — *имена*, *запутывать* — *запонка* и много аналогичных). Именно эти варианты и дают самые надежные доказательства существования в праславянском носовых гласных. На древнейшие дифтонги в праславянском раньше всего и лучше всего указывают случаи типа *кую* — *ковать*, *сую* — *совать* или случаи *повойник* — *венѣц* — *вить* и др.

Методически целесообразно при изложении процессов праславянского периода широко привлекать данные «внутренней реконструкции». Во многих случаях именно эти данные явятся самыми важными и ценными источниками. Естественно, что в своем курсе мы опираемся прежде всего на современный русский литературный язык. Нет сомнения, что характер университетского курса по сравнительной грамматике славянских языков будет существенно отличаться в зависимости от родного языка слушателей.

¹ Ф. Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 192.

Следует обратить внимание на то, что при «внутренней реконструкции» мы пользуемся тем же сравнительно-историческим методом, что и при «внешней»¹.

II. ПЛАН КНИГИ

1. Введение

Сравнительная грамматика. Предмет сравнительной грамматики. Место сравнительной грамматики в кругу смежных лингвистических дисциплин.

Современные славянские языки и их общепринятая группировка. Взаимоотношения между отдельными славянскими языками (русский, украинский и белорусский языки, чешский и словацкий, болгарский и македонский, польский и кашубский). Вымершие славянские языки. Язык полабских славян. Судьба славянских языков в Румынии, Венгрии, Греции.

Различные опыты классификации славянских языков в современном языкознании. Их критика.

Место славянских языков среди родственных индоевропейских языков. Славянские и балтийские языки. Теория славяно-балтийского праязыка. Значение данных балтийских языков (литовского, латышского и прусского) для изучения истории праславянского языка. Славяно-иранские языковые отношения.

Праславянский язык. Хронология праславянского языка. Методы установления хронологии (абсолютной и соотносительной). Принципы изучения истории языка дописьменного периода. Сравнительно-исторический метод и проблемы реконструкции утраченных форм. Приемы реконструкции в области фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса. Реконструкция древнейших значений слов. Приемы реконструкции древнейшего словарного фонда. Принципы этимологических исследований.

Проблемы периодизации истории праславянского языка. Утрата закрытых слогов и ее значение в истории праславянского языка.

Праславянский язык и древнейшие судьбы его носителей. Различные теории славянской прародины и их критика. Данные археологии о территории поселения древних славян. Свидетельства древних авторов о славянах. Значение древнейшей топонимии.

Историко-культурные и языковые связи древних славян с родственными и неродственными племенами. Лексические заимствования в праславянском языке и их значение для решения вопросов хронологии.

Славянские племена. Передвижения славянских племен. Заселение новых территорий. Распад праславянской языковой общности. Судьба славянских языков в период феодализма.

Краткий очерк истории изучения сравнительной грамматики славянских языков. Труды Добровского, Востокова и др. Сравнительная грамматика славянских языков Миклошича и ее значение. Энгельс о сравнительной грамматике Миклошича. Сравнительная грамматика славянских языков во второй половине XIX в. Основные направления в изучении сравнительной грамматики. Сравнительная грамматика Вондрака. Сравнительно-историческое изучение славянских языков в первой половине XX в. Современная теория языка и сравнительная

¹ Иначе решает этот вопрос А. И. Смирницкий. См. его брошюру: «Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства». М., 1955, стр. 40.

грамматика. Очередные задачи в области сравнительной грамматики славянских языков. Обзор основных периодических изданий.

Список литературы.

2. Фонетика

А. Праславянский период. Древнейший тип праславянского вокализма. Его отношение к вокализму индоевропейского языка. Долгие и краткие гласные. Гласные в различных позициях слова. Сочетание гласных с сонантами. Чередование гласных и его происхождение. Древнейший тип праславянского консонантизма. Его отношение к консонантизму индоевропейского языка. Группы согласных. Структура слога. Открытые и закрытые слоги. Слогораздел. Ударение и интонация.

История звукового состава праславянского языка до периода утраты закрытых слогов.

История звука [x].

Совпадение звуков [ā] и [ō], [a] и [o].

Смягчение согласных перед [j], задненебных согласных также перед гласными переднего ряда. Смягчение групп согласных перед [j]. Появление сильно палатализованных долгих согласных. Утрата долготы и ее последствия (акустико-физиологические и фонематические). Категория твердости-мягкости согласных и ее выражение. Фонематические отношения между задненебными согласными [k], [g], [x] и палатализованными [č], [ž], [š], между [s], [z] и [š], [ž], между [t], [d] и [tʰ] или [tʰʰ], [dʰ] или [dʰʰ], между [p], [b], [m], [v] и [pʰ], [bʰ], [mʰ], [vʰ]. Согласные перед гласными переднего ряда.

Влияние [j] на последующие гласные.

История звука [ē]. Появление нового гласного переднего ряда [ē]. Изменение [ē] в [ā] после [č], [ž], [š] и [j]. Появление слогов [ča], [ža], [ša]. Изменения в области фонематических отношений.

Изменение [u] и [i] в сверхкраткие (редуцированные) гласные [ɨ] и [ь]. Редуцированные перед [j].

Изменение [ū] в [ȳ]. Фонематическая роль [ȳ].

Смягчение задненебных [k], [g], [x] после гласных переднего ряда в особых условиях. Иной результат смягчения. Хронология данного явления.

Звуковой строй праславянского языка перед утратой закрытых слогов.

Изменение слогораздела и его последствия. Новые группы согласных в связи с изменением слогораздела.

Изменения в группах согласных: утрата согласных, явления диссимилиации.

Утрата конечных согласных. Зияние. Появление протетических звуков.

Монофтонгизация дифтонгов. Изменения в системе вокализма. Судьба задненебных [k], [g], [x] перед [ē] и [i] из дифтонга [oi].

Изменения в области дифтонгических сочетаний. Возникновение носовых гласных, слоговых плавных. Судьба сочетаний **tort*, **tert*, **tolt*, **telt*, **ort*, **olt*. Роль интонации в судьбе этих сочетаний.

Явления конца слова.

Изменения в области количества и интонации. Диалектные явления.

Звуковой состав праславянского языка периода его распада.

Б. Общеславянские процессы. Звуковой состав славянских языков до утраты редуцированных.

Редуцированные гласные. Утрата редуцированных в «слабой» позиции и ее последствия:

- а) возникновение новых закрытых слогов;
- б) появление новых сочетаний согласных;
- в) оглушение звонких и озвончение глухих согласных в различных позициях; изменение фонематических отношений между звонкими и глухими согласными;
- г) полумягкость согласных перед [ь]; непозиционная полумягкость после утраты [ь] в «слабой» позиции перед согласным и в конце слова, история непозиционной полумягкости в различных языках. Согласные перед [j] после утраты [ь] в «слабой» позиции. Своеобразие фонетической системы сербохорватского языка;
- д) изменения в области количества и ударения в связи с утратой редуцированных. Заместительная долгота. Ее последствия;
- е) появление новых слоговых плавных;
- ж) развитие категории нулевой флексии. Отражение утраты редуцированных в системе славянского словообразования.

Судьба редуцированных в «сильной» позиции по славянским языкам. Случаи сохранения редуцированных в «слабой» позиции. Влияние аналогичных образований. Особые условия начального слога. Случаи утраты редуцированных в «сильной» позиции.

Звуковой состав славянских языков после утраты редуцированных.

Важнейшие явления в области вокализма в связи с историей категории твердости и мягкости согласных: судьба гласного [y], изменение гласного [e] в [o], судьба [ě], явления мены носовых, изменения [a] в [e], [u] в [i]. Категория твердости-мягкости согласных и надежные флексии.

Важнейшие изменения в области вокализма в связи с новыми количественными отношениями.

В. Звуковой состав славянских языков в XIV—XV вв. Общее и своеобразное в их звуковом составе.

Список литературы.

3. Морфология

Морфологические категории праславянского языка и их генезис. Части речи. Грамматический род. Число. Падежная система. Глагол. Наклонения. Времена. Вид. Категория лица. Залоги. Индоевропейские именные основы в праславянском языке. Методы определения древнейших именных основ. Следы корней-основ. Основы на согласные, на [-ū], [-u], [-i], [-ā], [-o]. Чередование звуков в именных основах. История именных основ в праславянском языке. Явления переразложения в связи с фонетическими процессами конца слова. Ранние следы влияния грамматического рода на изменения именных основ.

Падежные флексии. Их генезис. Древнейшие индоевропейские флексии и их судьба на почве праславянского языка. Аналогические новообразования. Спорные вопросы происхождения отдельных флексий. Твердые и мягкие варианты склонения. Диалектные явления в области флексий. Черты сходства между восточными и западными диалектами праславянского языка.

История именного склонения в славянских языках. Судьба старых именных основ. Роль грамматического рода в истории славянского склонения. История твердых и мягких вариантов склонения. Двойственное число. Роль флексий двойственного числа в истории именного

склонения. Роль интонации в истории склонения. Формирование новых категорий в именном склонении: категории одушевленности, категории лица. История звательной формы.

Местоименные основы. Происхождение и история местоименных флексий в праславянском языке. Важнейшие явления из истории местоимений в славянских языках.

Прилагательные. Именные прилагательные. Формирование местоименных прилагательных в праславянском языке после изменений конца слова. Значение именных и местоименных прилагательных в праславянском языке. Важнейшие новообразования в области местоименных прилагательных в славянских языках. История употребления именных и местоименных прилагательных. Степени сравнения. Их история.

Числительные. Морфологические особенности числительных в праславянском языке. История формирования числительных как особой части речи в славянских языках.

Глагол. Типы глагольных основ и их история в праславянском языке. Чередования гласных в глагольных основах и их грамматическая роль. История глагольных основ.

Глагольный вид. Различные теории происхождения глагольного вида. Глагольный вид в праславянском языке. Значение приставок в истории глагольного вида. Глагольный вид в истории отдельных славянских языков.

Личные глагольные окончания. Первичные и вторичные глагольные окончания. Их генезис.

Времена. Настоящее время. История личных окончаний настоящего времени. Способы выражения будущего времени в праславянском языке. Их история в отдельных славянских языках. Прошедшие времена. Простые прошедшие времена (аорист и имперфект). Происхождение славянского аориста и имперфекта. История аориста и имперфекта в праславянском языке. Судьба этих времен в славянских языках. Аналитические формы прошедшего времени. Их происхождение и история.

Наклонения. Инфинитив и супин. Их происхождение и история. Условное и повелительное наклонение.

Причастия и их история. Формирование деепричастий.

Список литературы.

III. РАЗЪЯСНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ РАЗДЕЛАМ КНИГИ

1. К разделу введения

После перечисления славянских языков и краткой характеристики их взаимоотношений будет дан на славянских языках, а также на языках литовском и немецком следующий текст из книги Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (отрывок из восьмой главы).

Русский язык

Как закалялась сталь

Смутно поблескивает река в предзвездной дымке; журчат по прибрежным камешкам-голышам. От берегов к середине река спокойная, гладь ее кажется неподвижной, а цвет серый, поблескивающий. На середине темная, беспокойная, видно глазу, движется, спешит вниз. Река красивая, величественная... Крутым обрывом сбегает к воде высокий

правий берег. Он горой надвинулся на Днепр, словно остановился в своем движении перед шириной реки. Левый берег внизу весь в песчаных лысынах. Их оставляет Днепр после весенних разливов, возвращаясь в свои берега.

Украинский язык

Як гартувалася сталь

Каламутно виблискує річка в передсвітанковій імлі; дзюркоче по прибережних камінцях-кругляках. Від берегів до середини річка спокійна, рівна гладінь її не ворухнеться, а на колір вона сіра, блискотлива. На середині темна, неспокійна, видно оку, суне, послішає донизу. Ріка красива, велична... Стрімкою кручею збігає до води високий правий берег. Він горою насунув на Дніпро, немов зупинив свій рух перед широчінню ріки. Лівий берег унизу весь у піщаних лысынах. Їх лишає Дніпро після весняної повені, повертаючись у свої береги.

Белорусский язык

Як гартавалася сталь

Невыразна паблісквае рака ў перадсвітальным золаку; булькоча ў прыбярэжных каменчыках-галышах. Ад берагоў да сярэдзіны рака спакойная, гладзь яе здаецца нерухомай, а колер яе шэры, пабліскваючы. На сярэдзіне цёмная, неспакойная, відаць воку, імчыцца, спяшаецца ўніз. Рака прыгожая, велічная... Крутым абрывом збігае да вады высокі правы бераг. Ён гарой насунуўся на Дняпро, быццам спыніўся ў сваім руху перад шырынёй ракі. Левы бераг унізе ўвесь у пячаных лысынах. Ён пакідае Дняпро пасля веснавых наводак вяртаючыся ў свае берагі.

Болгарский язык

Как се каляваше стоманата

Смьтно проблясва реката в ранната здрачевина, ромоли по крайбрежните изльснати камъчета. От бреговете до средата реката е спокойна, повърхността ѝ изглежда неподвижна, а цветът ѝ изглежда сив, проблясваш. Към средата е тъмна, безспокойна, вижда се, че се движи, бърза напред. Хубава, величествена река... В стръмен насип се спуща към брега високият десен бряг. Като планина е надвиснал той над Днепър, сякаш е спрял движението си пред ширината на реката. Левият бряг долу е цял в пясъчни плешове. Днепър ги оставя след пролетните разливания, на връщане в бреговете си.

Сербохорватский язык

Како се кáлио чéлик

Нејасно светлуца река у магли прасказбрја; жáбори прéко чáстix камéнчићá поред обале. Од обалá прéма срéдини река је мiрна, изглéдá кáо да јој је површина непокрётна, а бóја јој је сива, светлуцајућа. На срéдине је тáмна, нeмирна, видиш кáко се крéћe, жури на нижe.

Rěka je, lěpa, veličanstvena... Strmo se spuštā kā vodi vísokā dēsna ōbala. Ona se kao brdo nādñela nad Dñěpar i kao da se zaustavila ū svōm pōkrětu pred širinōm rěke. Lěvā ōbala je dālě svā u peskōvitim gōlětima. Dñěpar ih ōstavļā pōsle prđelñnih pōplava kad se vraħa ū svoje ōbale.

Словенский язык

Kako se je kalilo jeklo

Nerazločno se pobliskava reka v predjutrnjem čadu in šumlja po pribrežnih kremenčkih. Od bregov do sredine je reka mirna, njena gladina se zdi negibna in barva vode je siva in se svetlika. Na sredi je temna, nemirna, oko vidi, kako se premiče in hiti nizdol. Reka je krasna, viličastna... Visoki desni breg se v skoraj navpičnem strmcu spušča k vodi. Nalik gori se je pomaknil proti Dnjepru, takisto, kakor da bi bil v svojem premikanju obstal pred širino reke. Levi breg je spodaj poln peščenih golin. Dnjeper jih pušča po spomladauskih ruzlivih, ko se spet vrača med svoje bregove.

Чешский язык

Jak se kalila ocel

V předjitřním oparu se nejasně leskne řeka; bublá na obláčcích při břehu. Řeka je od břehů až doprostřed klidná, její hladina se zdá nehybná, sedě lesklá. Uprostřed je tmavá, neklidná, je vidět, že se řine, pospíchá dolů. Reka je krásná, vznešená... Vysoký pravý břeh sbíhá k vodě příkrým srázem. Prudec se přivalil k Dněpru a jako by se ve svém pohybu zastavil překvapením nad šíří řeky. Levý břeh dole je plný písčitých lysin. Dněpr je tu zanechává po jarních povodních, když se vrací zpět do břehů.

Словацкий язык

Ako sa kalila ocel'

Nejasne sa leskne rieka v predsvitnej hmle; žb'ňkoce po kamienkoch na brehu. Od brehov do prostriedku je rieka pokojná, hladina vyzerá nehybná a farby je sivej, ligitavej. Naprostriedku je temná, nepokojná, vidíš aj okom, že sa hýbe, ponáhl'a dolu. Rieka je krásna, vznešená... Vusoký pravý breh sa strmo zvažuje k vode. Navalil sa na Dneper ako vysoký vrch a zrazu akoby sa bol zastavil vo svojom pohube pred šírkou rieky. Nizky ľ'avý breh je samá piesočná plešina. Dneper ich zanecháva po jarných povodniach, keď sa vracia do svojich brehov.

Польский язык

Jak hartowała się stal

Mgliście połyskuje rzeka w przedświtu mgle; szemrząc omywa przybrzeżne, nagie kamyki. Od brzegów aż po środek jest tak spokojna, że tafla jej wydaje się nieruchoma, a kolor ma szary, połyskliwy. Pośrodku zaś jest ciemna, niespokojna; oko widzi, jak się porusza i podąża

w dół. Rzeka piękna, majestatyczna... Stromym urwiskiem zbiega ku wodzie wysoki prawy brzeg. Górą zawisł nad Dnieprem jak gdyby zatrzymawszy się w biegu przed szerokością rzeki. Lewy brzeg w dole cały upstrzony piaszczystymi łysinami. Zostawia je Dniepr po wylewach wiosennych, wracając do swoich brzegów.

Литовский язык

Kaip grūdinosi plienas

Vos vos žvilga upė prieaušrio ūkanoje; čiurlena per apvalius pakrantės akmenukus. Nuo krantų iki vidurio upė rami, rodos, jos plynė nejuda, o spalva pilka, žvilganti. Viduryje tamsi, nerami, akiai matyti, juda, skuba žemyn. Upė graži, didinga... Stačiu skardžiu į vandenį leidžiasi aukštas dešinysis krantas. Jis lyg kalhas užslinko Dnieprą, tarsi sustojo priešais upės platumą. Kairioji pakrantė išmarginta smėlio salelėmis. Jas palieka Dniepras po pavasario potvynių, drįždamas į savo krantus.

Немецкий язык

Wie der Stahl gehärtet wurde

Der Fluss schimmert undeutlich im Vordämmerungsnebel; er rauscht über die glatten Ufersteine. Von den Ufern bis zur Mitte ist der Fluss ruhig, seine glatte Oberfläche scheint unbeweglich, und ihre Farbe ist grau, glitzernd. In der Mitte ist er dunkel, unruhig, man sieht, wie er sich bewegt, wie er nach unten eilt. Der Fluss ist schön, majestätisch... In steilem Hang läuft das hohe rechte Ufer zum Wasser hinab. Wie ein Berg ragt es in den Dnjepr hinaus, als wäre es mitten in seiner Bewegung stehengeblieben, von der Breite des Flusses eingeschüchtert. Unten ist das linke Ufer mit Sandglätzen bedeckt. Die läßt der Dnjepr nach dem Hochwasser im Frühling zurück, wenn er wieder in seine Ufer zurückkehrt.

В этом тексте находим много важных для сравнительной грамматики славянских языков слов и морфем, дающих возможность в самой общей форме представить как праславянские, так и общеславянские явления. Он наглядно покажет студентам степень родства славянских языков между собою и родство — более отдаленное — с литовским и немецким языками. Этот текст ознакомит студентов с графикой и правописанием славянских языков. Наш многолетний опыт преподавания сравнительной грамматики свидетельствует, что текст целесообразно разобрать со студентами на практических занятиях (6 часов). После проведения этих занятий студенты более активно участвуют в лекционном курсе. К элементарному анализу данного отрывка студенты должны быть подготовлены еще до изучения сравнительной грамматики.

Как известно, в науке существует много различных классификаций славянских языков. Много раз ученые выступали с критикой общепринятой классификации на восточные, южные и западные славянские языки. Известны многочисленные опыты по-иному определить место отдельных славянских языков в их общей классификации (например, отнесение словацкого к южной группе, стремление установить особые

древние связи между украинским и сербохорватским языками и многие другие). Существуют разногласия и по вопросу о том, считать ли данную группу говоров самостоятельным языком или группой говоров другого языка.

Одни ученые считают, что нет самостоятельного кашубского языка, а есть кашубские говоры польского языка, нет македонского языка, а есть македонские говоры болгарского языка. Известны в науке теории о внутриславянских связях, построенные на основании произвольно избранных языковых черт (например, сближение южновеликорусских говоров, украинского и белорусского языков с чешским и словацким языками по переходу [g] в [h], по утрате начальной группы — *ъ* или сближение украинского с польским в связи с явлением заместительной долготы в новых закрытых слогах после утраты редуцированных).

Нет сомнения в том, что все эти вопросы должны найти подробное и всестороннее освещение в полной сравнительной грамматике славянских языков. Однако в кратком университетском пособии это сделать невозможно, так как этим вопросам пришлось бы уделить слишком много времени и места. Здесь будет дан очень краткий обзор основных теорий. Практически мы будем всюду следовать общепринятой классификации славянских языков на три группы: восточнославянские (русский, украинский, белорусский), южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский) и западнославянские языки (чешский, словацкий, лужицкие языки, польский, кашубский).

В «Очерке» много внимания будет уделено балтийским языкам (главным образом литовскому). Во введении в самой общей форме будут определены связи между славянскими и балтийскими языками. До сих пор в науке нет единого мнения о причинах особой близости между славянскими и балтийскими языками (см. основную литературу в книге Френкеля «Die baltischen Sprachen. Ihre Beziehungen zueinander und zu den idg. Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft», 1950). Важно учесть статью Лер-Славинского «Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian»¹. Однако вне зависимости от определения характера генетических связей между этими языками можно смело утверждать, что ни одна группа индоевропейских языков не дает так много для древнейшей истории праславянского языка, как балтийская. Вот почему даже противники теории славяно-балтийского праязыка, например Мейе, широко привлекают материал балтийских языков (см. его «Общеславянский язык»). Следует, однако, обратить внимание на то, что слависты очень часто некритически используют балтийский языковой материал. Передко с праславянской формой сопоставляется близкая ей литовская или латышская, историю которой славист не знает. Из истории науки известны примеры, когда сравниваемое явление в литовском языке представляло собою новообразование. Делались далеко идущие выводы и на основе славянских заимствований в балтийских языках.

Всегда следует помнить, что в балтийских языках на протяжении их истории появилось много новообразований и что в них имеется много заимствований из славянских языков. Кроме того, нужно строго различать общие особенности, восходящие к глубокой древности и свидетельствующие в какой-то степени об общности происхождения славянских и балтийских языков, и позднее параллельные новообразования (например, формирование местоименных прилагательных). Лингвистиче-

¹ «Slavia Antiqua», IV, 1953.

ская показательность их различна. Между тем, это упускают из виду многие лингвисты. Так, Гуйер¹ утверждает, что начало формирования местоименных прилагательных следует отнести к периоду славяно-балтийского единства. Между тем, местоименные прилагательные в праславянском возникли в поздний период, уже после утраты закрытых слогов и связанных с ней явлений конца слова (ср. вин. п. ед. ч. *dobrъ + jь*, а не *dobron + jь*). Да и сам литовский язык свидетельствует как будто о сравнительно позднем формировании прилагательных типа *geràsis*. Здесь, конечно, мы имеем дело с типичным примером независимого параллельного развития.

Нет сомнений в том, что сторонники теории славяно-балтийского языка очень часто опираются на общие явления, возникшие параллельно и независимо друг от друга в славянских и балтийских языках.

Во введении будет охарактеризовано современное состояние славяно-иранской проблемы, указаны главнейшие черты, свидетельствующие о древних генетических связях славянских и иранских языков. Вместе с тем будут подвергнуты критическому анализу работы Г. Гирта (см. первый том его «Indogermanische Grammatik», 1921) и особенно Аригца (см. «Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch», 1933), в которых искусственно преувеличиваются специально славяно-балто-иранские языковые генетические связи.

В «Очерке» не будут затронуты проблемы славяно-германских связей, восходящих к периоду распада индоевропейского языка. Нет никаких оснований говорить о них, и это уже давно было установлено А. Лескиным и др. Новейшие попытки пересмотреть этот вопрос нельзя признать удачными².

Во введении будут кратко затронуты вопросы так называемой «прародины», древнейшие славянские передвижения. В аспекте сравнительно-исторических исследований важно познакомить студентов с методами решения данных вопросов на лингвистическом материале. Здесь существенное значение приобретает топонимия, этимологический анализ некоторых разрядов лексики (например, названий растений). Полезно остановиться на отдельных ошибках, допущенных в свое время различными исследователями (ошибочные этимологии, незнание палеоботаники и др.). Важно подчеркнуть, что на основании одних лингвистических данных невозможно решать вопросы «прародины», древнейших передвижений, взаимосвязей с соседними родственными и неродственными племенами и всего того, что обычно включается в общую проблему славянского этногенеза.

Необходимо во введении определить время и характер взаимосвязей с родственными и неродственными народами. В этом плане большое значение приобретают славяно-германские взаимосвязи первых веков нашей эры, особенно для установления абсолютной хронологии ряда важнейших праславянских процессов. Дело в том, что древнейшие германские заимствования, относящиеся по времени не ранее чем к II—III вв. н. э., свидетельствуют, что в это время праславянский язык еще не переживал утраты закрытых слогов. Гласная [ū] в заимствованных германских словах отражена в виде [ȳ]: *tūn* > *tȳn*, *mūt* > *mȳt*, *hūs* > *hȳs* и т. д. Переход [ū] в [ȳ] происходил до моно-

¹ Н у j е r. Úvod do dějin jazyka českého. Praha, 1946, str. 39; русский перевод, 1953, стр. 49.

² См., например, статью: Е. Георгиев. Балто-славянско-германското езиково родство. «Известия на Семинара по славянска филология», т. VIII—IX, София, 1948.

фонгизации дифтонгов [ou] и [eu]. Известно, что [n̄], возникшее на почве указанных дифтонгов, уже в [ȳ] не изменялось. Германские заимствования отражают так называемую вторую палатализацию. Правда, в отдельных словах германского происхождения находим результаты первого смягчения (ср. *šelmъ*, звательная форма *kъnъžę*). Однако в данном случае следует видеть не живой фонетический процесс, а явления субституции, которая осуществлялась в определенных фонетических условиях¹.

Очень важный и ценный материал для установления хронологии дают славянские заимствования в финских языках².

Существенно важным представляется вопрос о хронологических рамках праславянского языка. Ранний период (т. е. до утраты закрытых слогов) продолжался очень длительное время. Поздний был значительно короче, и именно в это время произошли существенные преобразования фонетической и грамматической структуры праславянского языка. Для нас, конечно, особенно важна хронология периода от утраты закрытых слогов до распада праславянского языка на отдельные и самостоятельные группы славянских языков. В этом отношении между лингвистами существует расхождение. Так, О. Гуйер начало праславянского периода относит ко времени распада славяно-балтийского языка на праславянский и прабалтийский. Это, по его мнению, произошло во II—I тысячелетиях до н. э. (он ссылается на мнение Я. Розвадовского и присоединяется к нему). Конец праславянского периода, по Гуйеру, падает на первые века н. э., «когда отдельные славянские диалекты начинают обособляться и жить своей собственной жизнью»³. Иную хронологию дает Мейе. По его мнению, на праславянском языке говорили «в одной, точно не установленной, области Восточной Европы, в эпоху, также не поддающуюся уточнению — значительно позже I века и значительно раньше IX века н. э.»⁴. Таким образом, Мейе отводит для праславянского языка очень краткий период в несколько сот лет. Здесь не все ясно. Известно, что Мейе отрицал существование славяно-балтийского праязыка. Стало быть, праславянский выделился непосредственно из индоевропейского. Но в таком случае, как понимать утверждение Мейе, что на праславянском говорили «значительно позже первого века»?

Мне представляется, что хронология Мейе верна, но только не для всего периода истории праславянского языка, а лишь для периода после утраты закрытых слогов. У нас есть все основания предполагать, что процесс утраты закрытых слогов и все связанные с ним явления имели место между III—VIII вв. н. э. Для этой хронологии очень важно, что первый контакт славянских и германских языков начался до монофонгизации славянских дифтонгов (II в. н. э.).

Когда завершился праславянский период? Последним процессом праславянского языка Н. С. Трубецкой считал падение редуцированных, т. е. доводил этот период до XI—XII вв. С этим трудно согласиться, так как задолго до этого древняя этническая и языковая

¹ Об этом см. в статье: Le hr-Spławiński. Próba datowania tzw. II palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w języku prasłowiańskim. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», Warszawa, 1955, str. 379.

² См. статью: V. Kiparsky. Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises. «Revue des études slaves», XIX, 1948.

³ «Úvod do dějin jazyka českého», стр. 41. — В русском издании книги (см. стр. 53) это место переведено неточно: «Этот период можно отнести приблизительно к I в. н. э.». В оригинале: «...do prvých století po Kr.»

⁴ Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 1.

общность славян была нарушена. Праславянский период ушел вместе с патриархально-общинным строем. В период феодализма славянские языки переживали общие процессы (так называемые общеславянские), что определялось длительной историей праславянского языка. Следует обратить внимание на то, что общеславянские процессы в области звукового строя проходили более интенсивно, нежели в области грамматического строя. Вот почему рассмотрение фонетических процессов мы заканчиваем XV веком. Что касается морфологии, то здесь необходимо привлекать материал значительно более позднего времени. В некоторых случаях мы доводим изложение до наших дней.

Близость славянских языков между собою объясняется не только общностью их происхождения, но и теми глубокими историко-культурными связями между славянскими народами, которые устанавливались в эпоху феодализма и успешно развивались в более позднее время. Это наложило глубокий отпечаток на славянские литературные языки. Сравнительное изучение славянских литературных языков может дать очень много для истории отдельных литературных языков, для выяснения процессов формирования народных и национальных языков, для решения вопросов о соотношении книжной традиции и разговорного языка, опирающегося в своей основе на определенные диалекты. Здесь можно указать на труды Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Б. А. Гавранка и др. В настоящее время постепенно создается новая лингвистическая дисциплина — сравнительная грамматика славянских литературных языков — со своими методами и своей проблематикой. Нет сомнения в том, что в будущем она займет важное место в системе высшего филологического образования.

2. К разделу фонетики

Начинается раздел фонетики с краткой характеристики звукового состава праславянского языка древнейшей эпохи. Здесь задача состоит в том, чтобы охарактеризовать древнейший звуковой строй праславянского языка, не привнося в него того, что было еще в дославянский период. Так, у нас нет оснований говорить о праславянских палатальных $[\hat{k}']$ и $[\hat{g}']$. Эти звуки существовали в индоевропейском языке и из него перешли в те, которые входят в группу *centum*. Переход $[\hat{k}']$ в $[s']$ и $[\hat{g}']$ в $[z]$ происходил задолго до выделения праславянского языка. Вот почему нельзя признать удачным то место в существующей ныне программе старославянского языка, где говорится об «изменении» заднебных палатальных в $[s]$ и $[z]$ (стр. 14). Здесь следует говорить не об изменении, а о соотношении, соответствии в некоторых случаях праславянских $[s]$ и $[z]$ индоевропейским $[\hat{k}]$ и $[\hat{g}]$. Однако историку праславянского языка уместно обратить внимание на то, что в отдельных словах сохраняются заднебные. Это может объясняться либо заимствованием (так обычно объясняют **melk*), либо какими-то древними скрещиваниями диалектов, переживавших разную судьбу $[k']$ и $[g']$.

От подобных процессов нужно отличать такие, которые начались еще в дославянский период, но продолжались длительное время на почве праславянского языка. Речь идет об изменении $[s]$ и $[x]$ в известных позициях, совпадении $[\bar{a}]$ и $[\bar{o}]$, $[a]$ и $[o]$. Важно обратить внимание на то, что продолжительность этих процессов была различной. Так, процесс изменения $[\bar{o}]$ в $[\bar{a}]$ закончился гораздо раньше, нежели изменение $[a]$ в $[o]$.

При характеристике отдельных фонетических процессов праславянского периода (равно как и более поздних) не следует упускать из виду главной задачи, которая состоит не только в строгом соблюдении хронологии, но и в изучении изменений звуковой системы изучаемого языка. Для этого необходимо изучать не только отдельные звуки и их эволюцию, но и те соотношения (корреляции), в которые они вступают между собою в различные периоды их истории.

Изменение [ĕ] в [ā] после задненебных и [j] существенно изменило коррелятивные связи [ā] в системе праславянского вокализма. Звук [ĕ] из [ē] возник еще до монофтонгизации дифтонгов. Позже тот же звук [ĕ] возник из дифтонга [oi]. В связи с этим процессом коренным образом изменилось место [ĕ] в системе вокализма, так как возникли новые корреляции [ĕ].

В течение определенного времени в праславянском языке отсутствовал гласный [ū], так как он изменился в [ȳ]. Звук [ū] появляется позже из дифтонгов [ou] и [eu]. Однако фонематическое значение нового звука [ū] было совсем иным.

При изложении вопроса о монофтонгизации праславянских дифтонгов будет обращено внимание не только на фонетические последствия этого процесса, но и на его фонематическое значение. Дело в том, что древнейшие дифтонги и дифтонгические сочетания представляли собою сочетания двух самостоятельных фонем, так как с [j], [u], [r], [l], [m], [n] могли сочетаться различные звуки. В положении перед гласными дифтонги и дифтонгические сочетания отсутствовали, потому что в таком случае слогораздел шел между гласными и сонантами. Понятно, что монофтонгизация существенным образом видоизменила систему корреляций праславянских фонем.

Итак, отдельные фонетические изменения в нашей книге будут рассматриваться не изолированно от всей системы языка, а в их внутренней взаимообусловленности.

Как известно, иногда приходится иметь дело с важными фонематическими изменениями при отсутствии акустико-физиологических (фонетических), так как в результате ряда причин могут изменяться корреляции фонем.

Современная история языка требует не только анализа фонетических изменений, но и всестороннего изучения тех отношений, в которые вступают между собою фонемы в различные периоды истории системы языка.

На этом пути нас встречает много трудностей, которые необходимо преодолеть. Одна из главных — формально-этимологический метод анализа фактов исторической фонетики, глубоко и прочно вошедший и в учебные пособия, и в специальные исследования. Суть его состоит в том, что на язык смотрят через готовую схему звуковых отношений древнейших эпох и забывают, что каждая из эпох существенным образом перерабатывала, видоизменяла эти отношения. Нельзя изучать историю звука [ĕ] от начальных эпох праславянского языка до сегодняшнего дня, так как этот звук характеризовал славянский вокализм лишь определенного периода, в течение которого существенно изменялись его коррелятивные связи. «Основными героями» исторической фонетики у нас до сих пор являются фонетические «индивидуумы». Отсюда и основные главы исторической фонетики русского языка — история носовых, история редуцированных, история ѣ и т. д. Между тем ее главным «героем» должна стать сама фонетическая система, а ее главной задачей — изучение эволюции фонетической системы, возникновения,

развития и смены фонетических систем на почве того или иного языка или группы языков»¹.

В нашем «Очерке» дана характеристика фонетической системы праславянского языка до утраты закрытых слогов, после утраты закрытых слогов, периода его распада; характеристика фонетической системы славянских языков до утраты редуцированных в «слабой» позиции, после утраты редуцированных; наконец, характеристика фонетической системы XIV—XV вв. Именно к этому времени завершаются основные общеславянские процессы в области звукового строя, связанные с количественными отношениями, с категорией твердости и мягкости согласных и другими явлениями.

3. К разделу морфологии

В структуре глав «Фонетика» и «Морфология» имеется существенное различие. В главе «Фонетика» четко обособлено изложение праславянских и общеславянских процессов. Вот почему многие явления (например, носовые гласные, редуцированные гласные, категория твердости и мягкости согласных и др.) характеризуются в разных разделах главы. Последовательно нами различаются праславянские и общеславянские процессы и в области грамматического строя. Однако здесь в целях экономии места (соответственно в целях экономии времени строится и лекционный курс) праславянские и общеславянские процессы различаются внутри каждой грамматической категории. Таким образом, в главе «Морфология» членение материала на разделы основано не на хронологическом принципе, а на языковом, хотя внутри каждого раздела «Морфологии» мы стремимся последовательно различать периоды в истории данного явления.

При характеристике морфологических явлений праславянского языка задача состоит в том, чтобы прежде всего точно определить их отношение к соответствующим явлениям индоевропейского языка. Здесь важно воспользоваться латинским языком, с которым слушатели должны быть знакомы.

Мы стремимся избежать всякой модернизации, с которой приходится сталкиваться постоянно как в общих курсах, так и в специальных исследованиях. Так, по мнению некоторых лингвистов, славянский глагольный вид имел четкие морфологические признаки уже в праславянском языке, с чем согласиться невозможно.

Характеризуя древнейшую надежную систему праславянского языка, мы не будем излагать вопросов происхождения этой системы. Это является предметом сравнительной грамматики индоевропейских языков. Однако на некоторых фактах, находящихся отражение в материале славянских языков, целесообразно остановиться. Здесь особенно важно привлечь данные балтийских языков.

При рассмотрении вопроса о древних именных основах и об их отражении на почве праславянского языка важно не просто привести различные аргументы, но дать их в определенной и последовательной системе. Определяя происхождение той или иной основы, авторы учебных руководств часто смешивают различные принципы и не излагают последовательно всю систему доказательств. Этот методический недостаток может иметь существенные последствия: студент не получает

¹ Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник Московского университета», 1947, № 1, стр. 42.

ясного представления о различных приемах сравнительно-исторического метода и об их взаимоотношении. При решении вопроса происхождения именных основ, скажем, в словах *дом*, *мед*, *ремень*, *небо* и так далее, целесообразна следующая система доказательств:

1. Современные славянские языки (литературный и диалекты). Здесь важно проследить слово в различных формах (ср. русское — *небо* — *небеса*), обратить внимание на словообразование, отдавая предпочтение тем случаям, где трудно предположить явления аналогии. В этом отношении ценнее пример *домовой*, нежели *садовый*. Важно учесть для решения вопроса о старой основе в слове *ремень* болгарское *ремик* (из *ремы-къ*). Особое внимание следует обратить на композиты типа *медведь*.

2. Материал современных языков подлежит проверке на основе данных древнейших славянских текстов. Следует, однако, обратить внимание на то, что в ряде случаев более древний материал дают памятники XIV—XV вв., нежели XI—XII вв. Например, некоторые основы на согласный сохранились лучше в польских текстах начала XV в., чем в старославянских памятниках.

3. Данные родственных индоевропейских языков. Здесь не следует давать много примеров. Они должны быть вполне надежными и взятыми из авторитетных источников¹.

Аналогичную систему доказательств мы применяем во всех случаях.

В «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» будет отсутствовать синтаксис в виде самостоятельного раздела. Полагаю, что при современном состоянии науки изложить основы сравнительного синтаксиса в кратком очерке невозможно. В разделе «Морфология» будут даны в самой общей форме основные сведения об употреблении отдельных форм. Так, в главе о прилагательных будет рассмотрена не только морфология прилагательных, но и их синтаксическое употребление. Большое внимание будет уделено синтаксису падежей и употреблению времен.

В книге не будет особого раздела, посвященного словообразованию. В своем курсе я затрагиваю вопросы словообразования только на материале чередования гласных.

Обычно древние чередования гласных, возникшие еще на почве индоевропейского праязыка, рассматриваются при характеристике звукового строя. Это ошибочно. Нет сомнения, что старые чередования гласных уже в праславянском языке не были обусловлены позиционно. Они представляли собою непозиционные чередования различных фонем в одних морфемах. Различные ступени чередования характеризовали именные, местоименные и глагольные основы в различных грамматических условиях. Так, в глагольных основах ступень долготы характеризовала так называемые итеративные глаголы, ступень редукции — определенную группу глаголов в повелительном наклонении. Корневые морфемы древнего и нового сигматического аориста последовательно различались долготой гласного. Задача состоит в точном определении словообразовательной роли чередований гласных².

¹ Очень часто авторы общих руководств по славянскому языкознанию примеры из других индоевропейских языков извлекают не из первоисточников, а из работ своих предшественников. Это приводит к тому, что в течение долгого времени в пособиях сохраняются случайные ошибки. Кроме того, многие примеры и сопоставления устаревают в связи с успехами сравнительной грамматики индоевропейских языков.

² Подробнее см. в статье: П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском языке-основе. «Вопросы славянского языкознания», вып. 1, 1954, стр. 24—54.

Сложнее обстоит дело с чередованием согласных. В определенный период истории праславянского языка они были фонетическими, т. е. определялись позицией. Так, задненебные [k], [g], [x] в положении перед гласными переднего ряда смягчились и изменили свою артикуляцию: во всех диалектах праславянского языка они изменились в [č], [ž], [š]. Этот процесс был чисто фонетическим до тех пор, пока в результате различных фонетических изменений новые согласные [č], [ž], [š] не оказались перед гласными заднего ряда (ср., например, *ger...* > *žar...*, *keud...* > *čud...*, *sluxeti* > *slušati*). В этом случае были утрачены условия, определявшие изменения задненебных [k], [g], [x] в [č], [ž], [š], так как этот процесс не мог происходить перед гласными заднего ряда. На этой стадии соотношения между [k̂] и [č] из области фонетики перешли уже в словообразование. Это нашло отражение и в том, что прежде [k] и [č] представляли собою варианты одной фонемы, теперь они в фонематическом отношении стали вполне равноправными, т. е. стали самостоятельными фонемами. Итак, здесь обнаруживается тесная связь между фонетикой, с одной стороны, и словообразованием — с другой. И эти вопросы в нашем «Очерке» найдут подробное освещение.

Конечно, здесь мы излагаем данный вопрос схематично. Следует учитывать различные переходные стадии. Это, например, находит выражение в том, что уже после завершения определенного фонетического процесса возможны разнообразные случаи фонетической субституции.

В книге не будет специальной главы, посвященной словарному составу. Во введении ему будет посвящен один параграф, в котором в самой общей форме будет сказано о задачах изучения словарного состава, о значении лексики для решения вопросов славянского этногенеза, будут определены задачи, стоящие перед специалистами в области славянской этимологии.

В. В. Бородич

НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ ТИПА *НОЩЕС*, *ВЕЧЕРТА* И *НОЩЕМ*,
ВЕЧЕР В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди наречий времени в современном болгарском языке можно выделить две группы: «а) Наречия для указания положения во времени: *днес*, *нощес*, *снощи*, *довечера*, *отзарана*, *вчера*, *утре*, *завчера*, *вдругиден*, *пролетес*, *летос*, *есенес*, *наесен*, *зимас*, *лани*, *догодина*, *по-лани*, *позавчера*, *по-вдругиден* и др. б) Наречия для обозначения времени как сопутствующего обстоятельства или состояния: *денем*, *нощем*, *вечер*, *сутрин*, *утром*, *зиме*, *лете*, *пролети* (*пролет*), *есени* (*есен*) и др.»¹.

Некоторые из этих наречий образуются от одного и того же корня, так что получаются следующие противопоставления наречий двух групп:

<i>днес</i> (-ка)	—	<i>денем</i> (вариант <i>деня</i>)
<i>нощес</i> (-ка)	—	<i>нощем</i> (вариант <i>нощя</i>)
<i>зимас</i> (-ка)	—	<i>зиме</i>
<i>лятос</i> (-ка)	—	<i>лете</i>
<i>пролетес</i>	—	<i>пролети</i>
<i>есенес</i>	—	<i>есени</i>
<i>вечерта</i>	—	<i>вечер</i>
<i>сутринта</i>	—	<i>сутрин</i>
<i>заранта</i>	—	<i>заран</i> ²

Попытаемся уяснить различие в значении между парными наречиями одного и того же корня разных групп.

Днес — сегодня. *Денем* — днем.

Понякога тя приближаваше до него, слагаше хладната си ръка върху челото му и питаше огрижено: «Как си днеска, бате, — по-добре ли се усещаш?» Райч., 150, 28³. «Иногда она приближалась к нему, клала свою холодную руку ему на лоб и озабоченно спрашивала: «Ну, как ты себя чувствуешь сегодня, братец, лучше ли тебе?»

И днес, след дълго обмисляне и задружни събрания, е сложено начало на много инициативи... Ел.-Пел., IV, 39, 27. «И теперь (буквально — сегодня) после долгого размышления и общих собраний положено начало...».

¹ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка (русский перевод). М., 1949, стр. 311.

² Остальные из указанных наречий первой группы, такие, как *лани*, *догодина*, *вчера*, *утре* и другие, не имеют себе пары во второй группе и здесь рассматриваться не будут.

³ Первая цифра здесь и далее обозначает страницу, вторая — строку. Список принятых условных сокращений фамилий авторов и названий произведений см. в конце статьи.

Отвѣн до стаята беше прилепнато одѣрче, дѣто дѣне Рада работеше и четеше на сянка. Ваз., П. И., 278, 16. «Снаружи дома было приделано крылечко, где Рада обычно днем работала и читала в тени».

Тя работеше в другото отделение само денем и виждахме се съвсем рядко. Райч., 187, 41. «Она работала в другом отделении только днем, и мы виделись редко».

Следовательно: *днем* — сегодня, т. е. определенный конкретный момент времени.

Денем — днем, т. е. собирательное понятие о времени, как о ряде отрезков времени, когда совершаются повторные или обычные действия.

Нощес (вариант *нощеска*) — сегодня или вчера ночью.

Нощем (вариант *ноще, ноця*) — ночью, по ночам.

Тая утрина беше силен студ и фѣртуна. Нощес бе паднал сняг и побелил тревите и клоните на дѣрветата. Ваз., П. И., 147, 15. «В это утро был сильный холод и вьюга. Ночью (именно этой, определенной, ночью) выпал снег и побелил траву и ветки деревьев».

Когато се завърнах нощес, намерих почти целия си гардероб изпразнен. Ваз., Разк., 87, 27. «Когда я вернулся сегодня ночью (рассказывает герой на утро следующего дня), я нашел почти весь свой гардероб опустошенным».

Иногда *нощес* понимается как определенная ночь, следующая за описываемым днем.

Щеши ли да излезеш, Лило, нощеска в градината, за да се повидиши с Павлина?» — попитала сестра ми. Карав., 129, 26. «Лила, не хочешь ли выйти сегодня ночью в сад, чтобы повидаться с Павлином? — спросила моя сестра».

Някой път нощес... Войка излизаше предпазливо през ниското прозорче на стаичката си и отиваше в гѣсталака край реката... Ел.-Пел., 1, 89, 3. «Иногда ночью (или по ночам)... Войка осторожно вылезала через низенькое окошечко своей комнаты и шла в кустарник к реке».

Форма имперфекта показывает также, что здесь речь идет о действиях повторявшихся:

Други... (селяни)... слушаха легенди за скрито имане, ходеха нощем и копаеха земята. Калч., 20, 11. «Иные крестьяне слушали рассказы о спрятанном кладе и ходили по ночам копать землю».

То же значение и в следующих примерах:

Накрай стигна дотам, че много пъти, нощем, не съвсем случайно, той минаваше покрай залостената врата на тяхната стаица, дебнеше, вслушваше се. Райч., 147, 37. «В конце концов дошло до того, что часто ночью не совсем случайно он проходил...».

Это значение обстоятельства времени, не указывающего на какой-либо конкретный момент, в который совершается данное конкретное действие, а только приблизительно, собирательно определяющего время для действий повторяющихся или длительных, хорошо видно из примеров, где наречия *денем* и *нощем* употребляются вместе:

Гората живееше и нощем, и денем. Никой не забелязваше как става това. Калч., 243, 25. «Лес жил и днем и ночью. Никто не замечал, как это происходило».

Денем и нощем вися над нея (картата). Не мога да спя. Калч., 192, 10. «Днем и ночью я сижу (вишу) над картой, не могу спать».

То же и в следующих примерах:

Сега... той не се делеше нито за час от ротата — живееше с нейната подготовка и деном и нощем. Веж., 118, 3. «... он жил ее (роты) подготовкой днем и ночью».

Времето се справи... Деном грееше ярко слънце, а нощем трептяха хладни звезди. Дим., 586, 5. «Погода стала лучше... Днем светило ярко солнце, а по ночам трепетали холодные звезды».

<i>Есенес</i> — этой осенью	<i>есени</i> — осенью вообще
<i>Зимас</i> — этой зимой	<i>зиме</i> — зимой, по зимам
<i>Лятос</i> — этим летом	<i>лете</i> — летом, по летам
<i>Пролетес</i> — этой весной	<i>пролети</i> — весной, по веснам

«Помниш ли есенес, когато те попитах, защо не отвърна?» Райч., 153, 34. «Помнишь, осенью, когда я тебя спросил, почему ты не ответила?» (имеется в виду определенная осень данного года).

С какво свири? — Не знам... едно такова, с уста... Купи го зимас от един немец. Райч., 222, 30. «На чем он играет? — Не знаю... Что-то такое губами... купил этой зимой у одного немца».

Лете... това голо, без зеленина и почти без дървета село добива нерадостен вид. Ел.-Пел., I, 10, 13. «Летом... это голое, без зелени и почти без деревьев село выглядит нерадостно». Летом, т. е. по летам.

Баща ѝ и зиме и лете ходеше с кожух, кашляше и псуваше неопределено. Кар., 113, 36. «Ее отец зимой и летом ходил в шубе...».

В полите на планината, между ниски заоблени хълмове, които пролет и лете зеленееха от тютюн, се гущеше село Средорек. Дим., 236, 33. «У подножья горы, между низкими округлыми холмами, на которых весной и летом зеленел табак, ютилось село Средорек» (т. е. по веснам и по летам).

Вечерта — этим вечером (данного определенного дня). *Сутринта, заранта* — этим утром (данного определенного дня).

Вечер — вечерами, вечером вообще. *Сутрин, заран* — по утрам, утром вообще.

Върна се късно вечерта, когато Дико и дядо Петър бяха се прибрали вече от полето. Райч., 158, 35. «Он вернулся поздно вечером» (имеется в виду определенный конкретный вечер).

Вечерта в деня на литията Еньо се прибра в къщи по-рано. Ел.-Пел., III, 98, 9. «Вечером, в день литии Еньо вернулся домой пораньше». Определенный вечер, характеризующийся следующим обстоятельством — в день литии.

То же и в следующих примерах:

Същия ден вечерта тя се реши да иде в къщи. Ваз., К. Ц., II, 71, 8. «В тот же день вечером она решила идти домой».

Вечерта Еньо се напи като никога. Ел.-Пел., III, 145, 4. «Вечером (имеется в виду конкретный определенный вечер) Еньо напился как никогда раньше не напивался».

Вечерта в деня на представлението никой не дойде при нея. Ст., 166, 4. «Вечером, в день представления, никто не пришел к ней».

Старият железар знаеше, че ще дойде при него. Пена му беше казала още вечерта. Даск., Път, 421, 4. «Старый слесарь знал, что он придет к нему. Пена ему сказала еще вечером» (имеется в виду вечер накануне описываемого дня).

Иногда *вечерта* понимается как вечер, который должен наступить непосредственно, вечер определенного дня. Например:

Върнах се и след малко получих заповед от щабата: нареждаха вечерта да отведе свободните войници на кино. Райч., 223, 10. «Я вернулся и немного погодя получил приказ из штаба: приказывали вечером (т. е. данным вечером) отвести свободных бойцов в кино».

По града бяха залепени големи червени афиши, в които се съобщаваше, че вечерта срещу Богоявление, в единствения градски салон някакво дружество цяло да даде вечеринка. Райч., 193, 19. «Вечером накануне Крещенья (т. е. определенным вечером) в единственном городском салоне какое-то общество устраивает вечеринку» (вернее — собирается устроить).

«Получаваме нареждане, — казва той, — веднага да тръгнем вечерта в осем часа със знамето и пушки всичките тридесет души...» Даск., Път, 410, 28. «Мы получаем распоряжение, — сказал он, — отправиться сегодня вечером в восемь часов...»

Наречию *вечерта* противопоставляется наречие *вечер*:

Водеше ги вечер и в празничен ден на разходка, псеше и играеше с тях... Ваз., К. Ц., I, 63, 40. «Она водила их вечерами и по праздникам на прогулку...» В вечернее время вообще, а не каким-либо определенным вечером.

Той обичаше природата, особено вечер, останеше сам. Ст., 64—65, 1. «Он любил природу, особенно вечерами (или в вечернее время), когда бывало оставался один».

... Ако беше денем, веднага се залавяше за работа, ако беше вечер — отиваше сред овцете. Йов., Веч., 102, 20. «... Если это было днем, он принимался за работу, если вечером, шел к овцам».

Денем стоеше в кръчмата или ходеше по полска работа, а вечер се връщаше късно, когато тя уморена от чакане, вече спеше. Ел.-Пел., III, 136, 6. «Днем (или буквально — днями) он оставался в корчме или ходил на полевую работу, а вечером (или вечерами) возвращался домой поздно, когда она, устав от ожидания, уже спала».

Те же отношения мы наблюдаем при употреблении наречий *сутринта* и *сутрин*:

Рано сутринта поручик Манев изненада ротния фелдфебел в квартирата му. Веж., 81, 32. «Рано утром (имеется в виду конкретное, определенное утро) поручик Манев неожиданно зашел к ротному фельдфебелю на его квартиру».

На другия ден сутринта Еню излезе да отиде в кръчмата. Ел.-Пел., III, 167, 5. «На другой день утром Еню отправился в корчму».

Грешка ли беше станало при измерването, но это — шест часа сутринта — предвидените атаки минаха, а пробив нямаше. Даск., Дев., 377, 16. «Ошибка ли произошла при расчете, но вот уже шесть часов утра — предусмотренные атаки прошли, а прорыва не было».

Тоя ден започна тревожно. Сутринта постът бе чул глух гърмеж... Свър. бълг. п., 9, 14. «Этот день начался тревожно. Утром постовые слышали выстрел».

Аз благодарих. Но цяла нощ не спях... На сутринта аз и двамата ми приятели се качихме от Сиркеджискелеси на лодка... Ваз., Разк., 32, 4. «Я поблагодарил... Но всю ночь не спал... На утро я и двое моих друзей сели с пристани Сиркеджискелеси в лодку».

Как подир малко? Още сутринта съм го поръчал... Ел.-Пел., IV, 23, 29. «Как недавно? Еще утром я его заказал...»

Во всех этих примерах речь идет об определенном конкретном утре. Иногда данное, определенное утро понимается как будущее, еще не наступившее:

Сутринта го чакаха прозаични грижи тази мисъл изстуди възторга му. Ст., 67, 21. «На утро (следующего дня) его ждали прозаические заботы, эта мысль остудила его восторг».

С таким же значением, как *сутринта*, выступает и наречие *заранта*:

На другия ден заранта Иван Аспазиевич Дормидолски получи такава призовка от съдилището... Ваз., Разк., 171, 34. «На другой день утром Дормидолский получил такую повестку из суда...»

На заранта, колкото и ранобуден да беше бай Илия, щом се събуди, липна леглото на Симо... Съвр. бълг. п., 130, 37. «Утром, хотя Илья и просыпался всегда рано, как только проснулся, ощутил постель Симо...»

Форма *сутрин* имеет общее, собирательное значение.

Сутрин тя се разхождаше в гората, а следобед четеше и спеше. Дим., 586, 7. «По утрам она обычно гуляла в лесу, а после обеда читала и спала».

Сутрин той напуцаше къщата рано, бързо и закусваше в крчмата. Ел.-Пел., III, 136, 8. «По утрам он рано торопливо уходил из дома и завтракал в корчме».

Итак, в значениях рассмотренных групп наречий наблюдается четкое различие. Наречия первой группы говорят об определенном, конкретном моменте времени, когда совершается данное определенное действие. Этот момент может относиться как к прошедшему, так и к будущему. Наречия второй группы означают собирательное общее понятие времени: не в данный момент, не данным утром или вечером, а вообще вечерами, днем, летом, по утрам и т. д. В таком случае эти наречия соединяются с формами имперфекта или настоящего времени, означающими действия, которые могут повторяться.

Однако иногда эти наречия употребляются и для отдельных конкретных случаев. Например:

В Тинтявино стигнаха нощем. Калч., 189, 24. «В Тинтявино они прибыли ночью». Здесь речь идет не об определенной конкретной ночи, а о ночном времени вообще как сопутствующем обстоятельстве.

Говореха тихо, шепнешком, понеже беше нощем и лесно можеха да чуят гласовете им. Калч., 179, 24. «Они говорили тихо, шепотом, потому что дело было ночью, и их голоса легко можно было услышать». Здесь такое же общее неконкретное представление о времени — разговор происходил ночью, а не днем.

Тая Венда се казвала. Тръгнала, ноще, тъмно... Ами нали дала дума. Пък и може да са любили с Божила. Йов., Ако мож., 114, 23. «Ее звали Вендой. Она отправилась ночью, в темноте. Ведь она дала слово. А может быть, они с Божилом любили друг друга». Здесь также речь идет не о какой-либо определенной ночи, а о ночи вообще, т. е. о ночном времени.

Тя реши без друго да я види тая вечер — дәне не смееше да влезе в къщи. Ваз., К. Ц., 71, 33. «Она решила увидеться с ней этим вечером, днем она не смела придти домой» (днем, т. е. в дневное время вообще).

С таким же отвлеченным значением употребляются эти наречия и при сравнении. Например:

Като московското метро няма друго на света. С мраморни колони, със статуи, светло като денем. Даск., Дев., 297, 8. «Такого, как московское метро, нет другого на свете. С мраморными колоннами, со статуями, светло, как днем». Т. е. светло так, как бывает в дневное время.

Но електрическите лампи осветляваха улиците като денем. Даск., Път., 286, 28. «Электрические лампы освещали улицы, как днем» Т. е. было так светло, как бывает в дневное время.

... А то несмутимо седна трикракото столче край огъня... и се заприпича като че е зиме. Даск., Път., 5, 26. «... Он не смущаясь сел на треножный стульчик около огня... и стал греться, как будто дело было зимой», т. е. в зимнее время вообще, а не какой-либо конкретной зимой.

Иногда наречия второй группы употребляются для обозначения вполне конкретного отрезка времени, но относящегося к будущему. Например:

«Да, — отговори Виктор Ефимич, — ризите ще бъдат готови утре вечер». Дим., 495, 29. «Да, — ответил Виктор Ефимыч, — рубашки будут готовы завтра вечером».

«Да, утре вечер ще намина при стария и ще поема по реката нагоре». Ст., 252, 7. «Да, завтра вечером я пойду к своему старику...».

«Остави ме да си легна, че заран ще ставаме рано», — поскара се бай Илия. Съвр. бълг. п., 130, 27. «Оставь меня, я лягу, потому что утром (завтра) мы встанем рано...».

«Хм... — кимна глава Хайдутов, след като помисли. — Ама ще трябва да тръгнем утре заран». Даск. Път., 159, 15. «Хм... — кивнул головой Хайдутов, подумав. — Нужно отправиться завтра утром».

Интересен следующий пример:

Идват вечер, како Мико. Ако не нощес, заран са тука. Съвр. бълг. п., 38, 26. «Они уже идут, Мика. Если не сегодня ночью, то утром (предполагается завтра) будут здесь». Время в данном примере обозначается двумя наречиями времени: определенным — *нощеска* — сегодня ночью — и неопределенным — *заран* — утром (завтрашним), что подтверждается всем контекстом. Женщина спрашивает о Красной Армии, прихода которой ожидают в болгарском селе. Спрашивает она уже поздно вечером, скорее даже ночью, поэтому *нощеска* — это настоящий момент, сегодняшняя ночь, а *заран* относится уже к следующему дню.

Таким образом, наречия второй группы употребляются при обозначении будущего момента времени, потому что этот момент воспринимается сознанием как неопределенный, поскольку он еще не наступил.

Есть, однако, случаи, когда наречия второй группы относятся к прошедшему конкретному моменту:

И една субота вечер скришом тръгнаха за Шумен... Ваз., К. Ц., I, 101, 25. «И однажды в субботу вечером они потихоньку отправились в Шумен...».

Едвам днеска вечер, по тъмно, Огнянов можа да тръгне от манастира, за да посети Рада. Ваз., П. И., 278, 13. «И только в этот день вечером, когда стемнело, Огнянов смог выйти из монастыря, чтобы посетить Раду».

Оба эти случая вполне объяснимы. В первом случае говорится о вечере какой-то одной из суббот; более конкретно эта суббота не выделяется, поэтому и вечер этой субботы, как часть ее, не может быть представлен определенным.

Употребление неопределенного наречия во втором примере, повидимому, вызывается тем, что выражение *днеска вечер* рассматривается как одно целое. И поскольку первая часть этого выражения вполне определена, вторая не нуждается в уточнении.

С другой стороны, есть случаи, когда наречия первой группы употребляются в предложениях с отвлеченно-собирательным значением. Например:

След осем часът вечерта той нямаше право да прави обиск. Ст., 296, 36. «После восьми часов вечера (вообще) он не имел права делать обыск».

Лятно време ходеше с овцете сам, зиме мъкнеше тор, носеше сено... Понякога си лягаше вън и на сутринта от разголените си меса изтърсваше снега, който го беше навалил през нощта. Йов., Веч., 102, 10—14. «... Иногда он ложился спать на дворе и наутро со своего голого тела стряхивал снег, насыпавшийся на него ночью».

В первом примере точное определение времени — *осем часът* — вызывает и определенное наречие — *вечерта*, так же как существительное *час* в сочетании с числительным-определением всегда употребляется с членом: *осем часът, в девет часа* и т. д.

Во втором примере, при повторяющихся действиях, употреблена форма с членом, потому что здесь говорится о вполне определенном утре — утре следующего дня, когда герой ложился спать на дворе.

Таким образом, нельзя сказать, что наречия первой группы означают только конкретный момент времени, а наречия второй группы только время как отвлеченно-собирательное понятие... Между наречиями времени указанных двух групп, повидимому, существуют отношения, напоминающие отношения между определенными (членными) формами существительных и неопределенными (нечленными).

Первая группа наречий (определенных) обозначает такой момент времени, который выделяется из ряда других моментов как единственный в своем роде и как-то отмечается (индивидуализируется), потому что в данный момент совершается то или другое действие. Т. е. эта группа наречий соответствует членным формам существительных.

Вторая группа наречий (неопределенных), напротив, обозначает время или отвлеченно или указывает на какой-то момент времени, не выделяющийся среди других моментов, как имена существительные без члена. Так как в болгарском языке нет неопределенного члена, то и в группе неопределенных наречий объединяются общие, собирательные значения, когда член не может быть поставлен, и такие случаи, когда говорится о каком-то одном моменте среди других таких же моментов (*една събота вечер*), здесь ставится неопределенный артикль в тех языках, где он существует¹.

Наречия времени формируются преимущественно из имен существительных. Так как в болгарском языке имена существительные не склоняются, процесс образования наречий из имен существительных еще более ускоряется. Существительные отличаются от наречий только наличием определения. Например:

Тази вечер леля му пак го беше причакала дома... Райч., 142, 9. «В этот вечер его тетка опять ждала его дома».

¹ «Если неопределенный артикль обозначает предмет на фоне множества равных ему, то определенный обозначает предмет, мыслимый вне этого фона, т. е. обозначает некоторую единственность без окружающего его множества». Пропп. Проблема артикля в современном немецком языке. «Сборник памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951, стр. 219.

Тази нощ тя беше особено разговорлива. Райч., 188, 18. «В эту ночь она была особенно разговорчива».

Ще вечеряме ли тая вечер или не? Ел.-Пел., IV., 23, 24. «Будем ли мы ужинать сегодня вечером или нет?».

Если во всех этих случаях откинуть указательное местоимение, заменив его членной формой, мы получим определенное наречие. Например: *Вечерта леля му*, т. е. данным определенным вечером. *Ще вечеряме ли вечерта* — смысл предложения от этого не изменится.

Една утрин той лежеше върху простия си дървен креват. . . Райч., 150, 31. «Однажды утром он лежал на своей простой деревянной кровати. . .».

. . . *А една утрин той беше поздравен и от веселите подсвирквания на завърналите се жители на старата училищна сграда косовете.* Райч., 154, 32. «. . . А одно утро (или однажды утром) его приветствовал веселый свист возвратившихся жителей старого школьного здания — дроздов».

Скоро след това, една вечер, когато Стан се прибираше от корчмата, по пътя го настигна чичото на Елка. Райч., 141, 18. «А вскоре после этого, однажды вечером, когда Стан шел домой из корчмы, его нагнал по дороге дядя Елки».

А късно една нощ той беше събуден от виковете на леля си Петка. Райч., 174, 23. «И однажды ночью, поздно (буквально — одной ночью), он был разбужен криками своей тетки Петки».

Во всех этих примерах употребляются имена существительные с определением (*тази, една* и т. п.), но по своему значению они близко подходят к наречиям. Это скорее наречные выражения, которые без определения легко могут превратиться в наречия.

Итак, повидимому, образуясь из различных форм имен существительных, членных и нечленных, наречия времени сохраняют отношения определенности-неопределенности. Это ясно видно на таких наречиях, как *вечерта, сутринта, заранта*, образованных из имен существительных с членной формой, означающих конкретный определенный момент во времени: данный вечер, данное утро.

Наречия, образованные от существительных без члена, — *вечер, сутрин, заран*, — сохраняют, как мы уже видели, свое неопределенное значение.

Наречия типа *нощес, лятос* и тому подобные по своему происхождению более древние, чем наречия типа *вечерта*¹. Они встречаются во всех славянских языках. Есть они, например, и в русском языке: *утрось, ночесь, летось, осенесь, зимусь* и т. д. В сербском языке: *јутрос, вечерас, ноћас, јесенас* и т. д. В словенском языке: *јутрос, ноќс*. В чешском языке *jitros*. В польском языке *lat s*².

Образовались эти наречия из сочетания указательного местоимения с соответствующим существительным и везде имеют приблизительно одно и то же значение определенного отрезка времени, относящегося к прошлому. Но ни в одном из славянских языков, кроме болгарского, они не получили особого развития и сохраняются по говорам только как архаизмы.

В болгарском языке эти наречия вошли в одну группу с наречиями типа *вечерта*, потому что они стали восприниматься как членные

¹ О том, что *вечерта* — новообразование, свидетельствует женский род, который это существительное получило сравнительно поздно. Так, до сих пор сохраняются застывшие выражения с мужским родом: *бъдни вечер* (сочельник), *добър вечер*.

² См. Долобко. *Ночь — ночесь. . .* «Slavia», V, № 4, стр. 678.

формы. Болгарский артикль, как известно, сформировался из постпозитивных указательных местоимений, причем первоначально артиклем могло служить любое указательное местоимение, стоящее после определяемого существительного и утратившее самостоятельное ударение. Об этом свидетельствует наличие тройного артикля в некоторых болгарских говорах¹. Только потом из ряда указательных местоимений выделилось одно, принявшее на себя исключительно роль артикля.

Наречиям, образованным от членных форм, — *нощес*, *лятос* и тому подобных, стали противопоставляться наречия от существительных без члена: *ноще* или *нощем*, *денем*, *лете* и др. Повидимому, по аналогии с корреляцией *нощес*—*нощем* стала формироваться корреляция: *вечер*—*вечерта* и т. д.

Таким образом, по существу, отношения между *нощес*—*нощем*, *вечерта*—*вечер* — это отношения между членными и нечленными формами имен существительных, перенесенные в область наречий.

В других типах наречий (в наречиях образа действия) встречаются также параллельные формы, образованные от форм с членом и без члена. Таковы, например, наречия, образованные от глагольных основ (старые формы причастий) типа *тичешком*—*тичешката*, *бързешком*—*бързешката*, или наречия, образованные от имен прилагательных: от форм с членом женского рода и от формы без члена среднего рода, например, *здравата*—*здраво*, *хубавата*—*хубаво*. Но это только варианты синонимического порядка без различия в значении и функции. Сравните:

Тя се озърна на гласа и, като позна Бойча... тичешком отиде при него. Ваз., П. И., 402, 33. «Она оглянулась на голос и, узнав Бойча, бегом направилась к нему».

Юрдан се запъти тичешката към стаята, дето беше Стефчов. Ваз., П. И., 233, 18. «Юрдан бегом бросился в комнату, где был Стефчов».

Повидимому, отношения определенности-неопределенности по самому своему характеру выделения данного предмета как единственного в своем роде не могут быть перенесены на характеристику образа действия.

В обозначении же времени действия выделение одного определенного отрезка времени из ряда других вполне возможно, поэтому отношения определенности-неопределенности, характерные для имен существительных болгарского языка, перенесенные в область наречий времени, уживаются там и продолжают развиваться, своеобразно преломляясь в новых условиях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ваз., П. И. — Ив. Вазов. Под игото. М., 1950.
 Ваз., Разк. — Ив. Вазов. Неотдавна. Немили-недраги. Митрофан и Дормидолски. М., 1949.
 Ваз., К. Ц. — Ив. Вазов. Казаларската царица. Съчинения, т. 26, ч. I—II, София, 1922.
 Веж. — П. Вежинов. Повести и разкази. М., 1951.
 Даск., Път. — С. Даскалов. Път. София, 1948.
 Даск., Дев. — С. Даскалов. Девойката от прохода. София, 1949.

¹ См. Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1953, стр. 118.

- Дим. — Д. Димов. Тютюн. II-е изд., София, 1953.
Ел.-Пел., III — Елин-Пелин. Земя. Събрани съчинения, т. III, София, 1949.
Ел.-Пел., I — Елин-Пелин. Летен ден. Събрани съчинения, т. I, София, 1949.
Ел.-Пел., IV — Елин-Пелин, Аз, ти, той. Събрани съчинения, т. IV, София, 1949.
Йов., Веч. — Й. Йовков. Вечери в Антимовския хан. София, 1949.
Йов., Ако мож. — Й. Йовков. Ако можеха да говорят, София, 1945.
Калч. — К. Калчев. В края на лятото. София, 1945.
Кар. — Г. Караславов. Татул. М., 1952.
Карав. — Л. Каравелов. Българе от старо време. София, 1954.
Райч. — Г. Райчев. Избрани повести и разкази. София, 1953.
Ст. — Л. Стоянов. Зазоряване. София, 1945.
Съвр. бълг. п. — Съвременни български писатели. Разкази. М., 1950.
-

Н. И. Толстой

**КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКЕ¹**

Наличие двух форм прилагательных, краткой и полной, было свойственно в прошлом всем славянским языкам. Однако далеко не все славянские языки сохранили эту характерную для общеславянского языка-основы особенность. Западнославянские языки почти полностью утратили краткие формы. В восточнославянских (в частности, в русском) они уцелели в реликтовом виде в предикативной функции и только южнославянские — сербохорватский и словенский — до сих пор сохраняют в известной мере прежнюю корреляцию кратких и полных форм. В остальных южнославянских языках (болгарском, македонском) эта корреляция утеряна.

Древнейший зафиксированный памятниками письменности славянский язык — старославянский — полнее других отражает исконное соотношение кратких и полных форм прилагательных, дает достаточно ясное представление об их первоначальном значении, что в свою очередь во многом облегчает исследование дальнейших процессов их развития и утраты в отдельных славянских языках.

Вопросу о категории кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, об их взаимообусловленности и значении до сих пор не было посвящено специального исследования. Имеются лишь довольно многочисленные, но часто очень краткие, лишенные большого фактического материала наблюдения и выводы по нашему вопросу, изложенные в различных руководствах и грамматиках старославянского языка. Кроме того, существует ряд статей о прилагательных в древнерусском языке, где затрагивается также вопрос о судьбе кратких и полных форм в старославянском языке.

Относительно значения исследуемых форм прилагательных в этих работах господствуют в основном два мнения. Первое — полные и краткие формы выражают категорию определенности и неопределенности, причем сама определенность и неопределенность некоторыми исследователями толкуется различно, и второе — полные и краткие формы выражают отношения атрибутивности и предикативности, при этом понятие предикативности определяется также неодинаково. Среди последователей первой теории довольно широкое распространение получил взгляд Ф. Миклошича, согласно которому «сложные формы указывают на обозначенный прилагательным и существительным предмет как на уже упомянутый или ранее известный . . . именные формы указывают на предмет,

¹ Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, 1954.

обозначенный прилагательным и существительным как на неизвестный заранее»¹. Ф. Миклошич, а вслед за ним и ряд других ученых (С. М. Кульбакин, В. Н. Щепкин, Т. Лер-Сплавинский, Я. Лось и др.) приравнивали значение полных и кратких прилагательных к значению артикля в западноевропейских языках (добрь человек — un bon homme, добрыи человек — le bon homme). А. Лескин, а также А. Мейе, В. Вондрак, Н. Ван-Вейк и другие лишь отмечали, что «прилагательное, являющееся атрибутом существительного, употребляется с членом тогда, когда атрибут относится к определенному известному самому по себе или из контекста предмету»².

Несколько иное объяснение рассматриваемой категории дал чешский ученый И. Курц. Он конкретизировал понятие определенности, считая, что полную форму — *řь* «не следует рассматривать исключительно как член», а следует понимать как средство выражения специального оттенка, «подчеркивающего особое индивидуальное свойство предмета, выделяющего его из предметов с подобным свойством, сосредотачивающего внимание на прилагательном», или, в иных случаях, как средство субстантивации («прилагательное, выступающее в роли существительного, чётко означающего данное лицо как индивидуума с постоянным, определенным качеством *starřь řь mořь* подобно *řlovecř grěřnik*»)³. К этой точке зрения был близок и А. М. Селищев.

Мнение, согласно которому корреляция полных и кратких форм шла по линии наличия или отсутствия в определении предикативности, было впервые выдвинуто Е. С. Истриной применительно к фактам древнерусского языка. С ее точки зрения, «значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное... в случаях, где определение выражено именной формой, обозначаемый предмет имеет существенное значение в общем смысле предложения, с чем связывается и энергичность его проявления, между тем в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предложении, проявление его не отличается энергичностью»⁴. Выводы Е. С. Истриной, оспариваемые рядом ученых (С. П. Обнорским и др.), могли бы остаться вне нашего рассмотрения как не относящиеся непосредственно к теме, если бы некоторые исследователи (например, В. Л. Георгиева) не считали их правомерными не только для древнерусского языка, но и для старославянского языка. Это принудило нас провести специальное рассмотрение старославянского материала также и под углом зрения Е. С. Истриной.

Из отдельных работ по нашему вопросу важно отметить еще статью Л. П. Якубинского «Из истории имени прилагательного»⁵. В ней в принципе принимаются положения Ф. Миклошича, но выдвигается также и ряд новых моментов. Наиболее важным, по нашему мнению, является утверждение, что «ошибкой всех исследователей, занимавшихся

¹ Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Wien, 1883, S. 132.

² Leskien A. Grammatik der althbulgarischen Sprache. Heidelberg, 1909, S. 142.

³ J. Kurz. Složena pridevska forma u praslovenskom jeziku i njeno osnovno značenje. «III Меународни конгресс слависта», I, Београд, 1939, стр. 46.

⁴ Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. ИОРЯС, XXIII, кн. 1, 1918, стр. 52.

⁵ Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1, 1952, стр. 56.

нашей категорией, было то, что они понимали ее узко синтаксически, контекстно, смешивая понятия лексико-семантической определенности с понятием «вышеупомянутости» и поэтому, дескать, определенности. Они забывали, что понятие определенности есть лексико-синтаксическое понятие, поскольку определенность может быть дана в самом лексическом значении слова¹.

Таким образом, вопрос о значении кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (так же как и в других славянских языках) до сих пор остается спорным и неразрешенным до конца. Основным недостатком почти всех указанных работ было известное игнорирование фактов других славянских языков, в первую очередь сербохорватского, а также нередко недостаточный объем привлеченного материала.

* *
*

При работе над диссертацией были исследованы древнейшие дошедшие до нас тексты нового завета — Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия и Саввина книга. Эти тексты в силу их каноничности полнее других отражают язык первых кирилло-мефодиевских переводов. Была произведена сплошная выборка прилагательных из текстов и проведено сличение славянского материала из четырех разных кодексов между собой и с греческим оригиналом. В диссертации во многих случаях приводятся все зафиксированные примеры сполна (при субстантивации, при дополнительных, определяющих употреблении в атрибуте полных или кратких форм, языковых факторах, например, с указательным местоимением, числительным единъ и другими, затем темпоральные и локативные прилагательные, прилагательные на -ьскъ и др.), при этом всегда наряду со старославянским приводится пример из греческого оригинала. Кроме того, в качестве иллюстрации широко приводится материал современных славянских языков и в первую очередь сербохорватского, где корреляция полных и кратких форм сохраняется до сих пор. Особое внимание обращается на случаи разночтения в разных кодексах, а иногда и на несоответствия славянских полных и кратких прилагательных греческим прилагательным с членом и без члена.

Число таких несоответствий греческому оригиналу достаточно велико, что позволяет нам отрицать возможность механического употребления славянских полных и кратких форм по образцу греческих конструкций с членом и без члена. Нам поэтому представляются неправильными положения Г. Павского и Г. Гунпарсона, согласно которым корреляция полных и кратких форм возникла исключительно под воздействием греческого языка. Этому положению противоречат и морфологическая структура старославянских прилагательных, и факты западнославянских языков, развивавшихся вне сферы греческого влияния.

* *
*

Задачей нашего исследования является выяснение значения кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, определение принципа их корреляции. В связи с этим материал распределен по главам в соответствии с различными синтаксическими функциями прилага-

¹ Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1, 1952, стр. 56.

тельных и с наличием или отсутствием корреляции полных и кратких форм в этих функциях. Первая глава: прилагательные в атрибутивной функции — наличие корреляции; вторая глава: прилагательные в предикативной функции — отсутствие корреляции; третья глава: субстантивированные прилагательные — отсутствие четкой корреляции.

Решающее значение для разрешения поставленной задачи имеет материал, вошедший в первую главу. В основу его классификации положен принцип, согласно которому в первую очередь рассматриваются случаи, когда употребление полных или кратких форм обусловлено каким-либо дополнительным языковым средством, фиксирующим характер той или иной формы, а затем уже рассматриваются случаи, в которых подобная фиксация отсутствует. Так, полная форма прилагательного последовательно без разночтений употребляется с указательным местоимением (ѣко вдовица си оубогаа мьнож. е всьхъ вьврже. Мф., XIII—43), краткая форма с числительным единъ в функции неопределенного местоимения, или етеръ видъ же единъ вдовицъ оубогъ. Л., XXI—2. Краткая форма употребляется также совместно с местоимением вськъ (и рекътъ вськъ зьль гль. Мф., V—II), с вопросительной частицей ли при наличии двух определений (ѣко не можеша власа единого бьла ли чьрна сътворити. Мф., V—36), в составе конструкции родительного части — родительного неопределенного объекта (напоить единого оть малыхъ сихъ чашъ студены воды. Мф., X—42), с качественным наречием (пакы подтъ и диаволь на горъ высокъ з. лѣ. Мф., IV—8) и др. В этих случаях наличие краткой resp. полной формы обязательно. Есть случаи, когда другие дополнительные языковые средства имеют большое, но не всегда определяющее значение для наличия той или иной формы. Так, с глаголами им.ти и подобати (оуподобити), как правило, употребляется краткая форма (отъ кждъ оубо имаши водъ живъ. И., IV—11; подобень есть члюку домовитю. Мф., XIII—52; уоподоблю его мжжеви мждру. Мф., VII—24), но в тех случаях, когда прилагательное входит в состав фразеологического единства (се члькъ единъ имы водьныи трждъ бь пр.дъ нимъ. Л., XIV—2) или относится к определенной лексической группе, достаточно конкретной по своей семантике (абь прозабе зане не имаше глѣбины земьныа. М., IV—5), фиксируется полная форма. В последних примерах более важными, определяющими оказываются другие факторы, среди которых и фактор лексического значения прилагательного.

В связи с этим в диссертации подробно рассматриваются отдельные лексические группы прилагательных. Среди них особенно выделяются прилагательные темпорального и локативного значения, почти всегда выступающие в полной форме. Прилагательные, образованные от наречий места и времени, никогда не употребляются в краткой форме (последьнии, ближнии, пр.дьнии). Ближе к ним примыкают прилагательные, образованные от существительных темпорального и локативного значения (оутрѣни, дьневы, земьны, небесьны); в этой группе полная форма абсолютно преобладает — примеры с употреблением краткой формы единичны и относятся только к прилагательным локативным. В современном сербохорватском языке все прилагательные темпорального и локативного значения без исключения употребляются только в полной форме (последьни, ближньи, дневни, небесни).

Далее рассматриваются прочие группы относительных прилагательных: прилагательные, означающие отношение детали или части предмета к его целому (опона цркьвнаа), прилагательные, характеризующие

предмет по его предназначению (камень жрьновны), где в общем преобладает полная форма, и прилагательные, означающие отношение к предмету или его содержание (пещь огьна), а также прилагательные, означающие материал (водонось камень), где преобладает краткая форма.

Преобладание полной формы в первых двух группах, помимо прочего, можно объяснить также некоторой близостью встречающихся в них конструкций (прилагательное + существительное) к фразеологическим единствам, в которых последовательно фиксируется полная форма. В качестве фразеологических единств в исследуемых кодексах отмечены термины родства (дъщи іnochдая), термины, означающие род занятий (стратигъ црквынь), имена, прозвища (пѣковъ малыи), названия болезней (водьныи трждъ) и др. В них прилагательное указывает на то, что определяемое существительное — предмет существенно отличается от прочих предметов своего рода. В составе фразеологического единства прилагательное придает ему часто значение предмета совершенно иного рода (ср. сербск.: *ветар* — ветер; *црвени ветар* — краснуха).

В звательном «падеже», т. е. при обращении говорящего к определенному лицу, лицу, к которому направлена речь, как правило, употребляется полная форма прилагательного (рабе лжжавы. Мф., XVIII—32). Значительно реже, хотя и вполне равноправно с полной формой, употребляется форма звательного падежа (добры рабе благы вѣрьне. Мф., XXV—21). Краткая форма отмечена лишь в двух случаях (ω роде невѣрьнь ѿ развраштень. Л., IX—41; то же, М., IX—19), однако в Саввиной книге всегда лишь полная форма (невѣрьны ѿ развраштены).

Качественные прилагательные не подразделяются в диссертации на отдельные группы; они выступают в краткой форме чаще относительных, притом употребление полной resp. краткой формы, так же как и для относительных прилагательных, зависит от того, выделяется ли существительное — предмет, определяемый прилагательным, из ряда ему подобных как единичный, определенный или нет. Иллюстрируя это положение, приведем все отмеченные нами случаи с прилагательным зълъ. Краткая форма: въ тѣ часѣ исцѣли мнѡгы отъ недѣжъ і ранъ и дхъ зълъ. Л., VII—21 (аналогичн. Л., VIII—2); несть бо дрѣво добро твора плода зѣла ни дрѣво зѣло твора плода добра. Л., VI—43; ли сътворите дрѣво зѣло и плодъ его золь. Мф., XII—33. Полная форма (зѣлы члкъ отъ зѣлааго съкровища срѣца своего износитъ зѣлое. Л., VI—45) — генерализующая функция — объединение всего класса при противопоставлении другим классам предметов. Разночтения: родъ золь и прелюбодѣи знаменѣи ищетъ. Мар. к., Мф., XVI—4; зѣлы — Зогр. к.; отъ срѣца бо исходитъ помышленѣи зѣла. Мар. к., Мф., XV—19; зѣла в — Зогр. к. С указательным местоимением: аще ли речеть зѣлы тѣ рабѣ въ срѣдци своемъ. Сав. к., Зогр. к., Ассем. к., Мф. XXIV—48; зѣлы рабѣ — Мар. к. Звательный «падеж»: глѣ емоу отъ оустъ твоихъ сжждѣ ти зѣлы рабе. Л., XIX—22; гѣ его рече емоу зѣлы рабе и лены. Мф., XXV—26. С местоимением всѣкъ: тако всѣ ко дрѣво добро плоды добры творить а зѣло дрѣво плоды зѣлы творить. Мф., VII—17; и рекжѣтъ вамъ всѣкъ зѣль глѣ на вы лѣжжѣ мене ради. Мф., V—11. С глаголом имѣти: и приведоша емоу всѣ болашѣа, и мѣсачныа злы недѣжы имѣща. Зогр. к., Мф., IV—24; злыа — Мар. к.

Отдельно рассматриваются случаи, в которых прилагательное может быть воспринято как постоянный эпитет. Отмечается, что к исследуемым

старославянским евангельским текстам, всего на столетие отстоящим от первых кирилло-мефодиевских оригинальных переводов, близким к ним по языку в силу своей каноничности, трудно применимо понятие постоянного эпитета; тем не менее в работе выделяются отдельные, наиболее подходящие под данную категорию примеры (напр., *дхъ истиннь*, *дхъ нечистъ*, *крвь прав дьна*). Анализ показывает, что в этих примерах обе формы употребляются в соответствии с теми же закономерностями и условиями, что и в остальных случаях, т. е. когда прилагательное не имеет характера постоянного эпитета. Поэтому для старославянского языка неправомерно выделение особого стилистического фактора — эпитета, определяющего употребление полных и кратких форм, как это делают некоторые исследователи применительно к материалу древнерусского языка.

Наконец, специально выделены все случаи вышеупомянутости, т. е. вторичного употребления одного и того же сочетания (прилагательное + существительное) в контексте (в акте речи). При этом в диссертации различается вышеупомянутость лица (живого существа) и предмета. Если для первой группы сочетаний употребление полной формы при вторичном употреблении более или менее закономерно, то для второй группы (вышеупомянутость предмета) такую закономерность установить трудно.

В особом разделе первой главы рассматриваются прилагательные с суффиксом *-ьск* и притяжательные прилагательные на *-жь* (и), *-овь*, *-инь*. Отмечается, что в старославянском языке прилагательные на *-ьскъ* имеют, в основном, значение или локативное, или близкое к значению притяжательных прилагательных (родовая принадлежность). Характерной особенностью этой группы является отсутствие четкой корреляции кратких и полных форм, вызванное, видимо, семантикой прилагательных на *-ьскъ*. Наиболее определенные по своему лексическому значению прилагательные, образованные от имен собственных (типа *сидоньскъ*), выступают чаще в краткой форме (укажем также, что именно на них падает наибольшее число несоответствий с греческим оригиналом), остальные преимущественно в полной форме. С этими прилагательными (типа *сидоньскъ*) употребление полной формы в старославянском языке было необязательно, а с притяжательными на *-овь*, *-инь* и вовсе невозможно: их лексическая определенность была столь четкой, что не возникло необходимости в ее грамматическом оформлении. Притяжательные прилагательные, по определению В. В. Виноградова, «не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца»¹.

Таким образом, краткие и полные формы прилагательных в атрибутивной функции выражают отношения определенности и неопределенности существительного-предмета, к которому относится прилагательное. Корреляция полных и кратких форм в старославянском языке не шла по линии атрибутивности и предикативности или «энергичности» и «неэнергичности» признака предмета. Активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного, указывающая на то, что предмет, к которому относится прилагательное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 191.

отличный от множества равных ему по роду, или как представитель своего рода при противопоставлении его другому роду. Поэтому полная форма употребляется и в тех случаях, когда другими языковыми средствами подчеркивается это неравенство (с указательным местоимением, звательный «падеж»), когда нужно подчеркнуть, что предмет единичен и не имеет себе подобных (с числительным единь «единственный»), и в тех случаях, когда это неравенство вытекает из того, что конструкция прилагательное + существительное означает фактически иной предмет или понятие (в фразеологических единствах — термины родства, названия болезней и т. п.), наконец, и в тех случаях, когда просто выделяется предмет по указанному принципу.

Зафиксированы также отдельные примеры употребления полных форм и в так называемой нейтральной позиции; в ряде положений не всегда можно провести четкое разграничение полных и кратких форм (укажем, что наибольшее число разночтений по кодексам относится именно к этим случаям). Краткая форма, в отличие от полной, указывает на то, что существительное-предмет, определяемое прилагательным, ничем не отличается от множества равных ему по роду. Она выступает и в тех случаях, когда нужно подчеркнуть это равенство (с числительным единь «один из многих», с местоимением вськъ), и в тех случаях, когда это равенство не подчеркивается, но вытекает из того, что предмет не выделяется из ряда ему подобных (с глаголом подобати, в составе родительного части и др.), наконец, она преобладает в нейтральных позициях. Краткая форма прилагательного чаще всего просто указывает на то или иное свойство (качество) предмета, не давая ему при этом какой-либо дополнительной характеристики.

В связи с этим основным значением кратких и полных форм момент вышеупомянутости выступает как второстепенный, подчиненный, как частный случай более универсальной категории определенности прилагательных. При вторичном упоминании предмета часто возникает необходимость в указании, что он «тот же самый», но в иных случаях такое выделение не обязательно. Отсюда — случаи употребления краткой формы при вышеупомянутости.

Одной из характерных особенностей старославянского языка, сохранившейся в полной мере в современном сербохорватском языке, является тесная связь полной формы с прилагательными определенных лексических групп. Семантика прилагательного в иных случаях играла огромную, подчас решающую роль при употреблении исключительно полной формы. К таким прилагательным относились темпоральные, локативные и некоторые другие группы прилагательных.

В дальнейшем в отдельных славянских языках (в том числе и сербохорватском) сфера прилагательных, имеющих только полную форму, расширялась. Без учета семантического момента нельзя объяснить наличие одной полной формы, а тем самым и отсутствие корреляции в целом ряде случаев так же, как и ее отсутствие в группе притяжательных прилагательных.

* *
*

Во второй главе рассматриваются основные типы синтаксических конструкций с прилагательным в предикативной функции. Выделяются различные конструкции с глаголом-связкой (быти, есмь), с глаголами движения или пребывания в состоянии, конструкции с причастием

настоящего времени сы, съшти (или прошедшего бвьъ), образующие обособленный оборот, а также оборот, именуемый дательным самостоятельным.

Во всех случаях в предикативной функции достаточно последовательно выступает краткая форма. Этот факт получил различное толкование среди ученых-славистов. Употребление исключительно краткой формы в указанной функции А. Белич объяснял тем, что «краткая форма, употребляющаяся в сказуемом, означает нечто проходящее, случайное», по отношению к которой полная форма «должна обозначать свойство постоянное»¹. Однако исследуемый материал показывает, что в сказуемом может быть выражен не только временный, но и постоянный признак предмета (гла же имь ꙗсѣ время мое не оу приде а время ваше вьсегда есть готово. II., VII—6; бѣ же нѣсть мрътвыхъ нѣ живыхъ вьси бо томоу живи сътъ. Л., XX—38), — постоянство и временность признака не определяли в старославянском языке наличие полной или краткой формы. В противоположность А. Беличу Л. П. Якубиский считал, что наличие только краткой формы в предикативной функции «объясняется тем, что предикат в именном сказуемом выступает сам по себе, как признак, приписываемый или открываемый в уже известном, определенном предмете; в этом случае... подлежащее оказывается всегда определенным для высказывающегося. Член здесь решительно излишен»². С этим положением также трудно согласиться. Применительно к исследуемой нами категории подлежащее может быть как определенным, так и неопределенным. Причину наличия исключительно краткой формы в предикативной функции следует искать в самом характере предикативной связи. Последняя в отличие от атрибутивной, «выражающей отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления»³, ведет к расчленению сложного представления, к выделению субъекта и предиката. При таком расчленении в предикате нельзя выразить определенность предмета, нельзя употребить полную форму, точно так же, как в современном русском языке указательное местоимение не может выступать в предикативной функции.

В современном сербохорватском языке, так же как и в старославянском, прилагательные, имеющие в атрибутивной функции две формы, полную и краткую, в предикативной имеют только краткую. Только прилагательные, полностью утратившие краткую форму (темпоральные, локативные, прилагательные, означающие отношение к частям тела, прилагательные на -ски и др.), выступают в современном сербохорватском языке в предикате в полной форме. Утрата корреляции в атрибутивной функции влекла за собой одновременно потерю краткой формы в предикативной функции. На начало этого процесса указывают отдельные факты старославянского языка. Нами отмечен всего один пример: тако бждѣтъ послѣднии прѣвии прѣвии послѣднии оѣтѣс ѣсѣтѣи оѣ ѣсѣтѣи прѣѣтѣи иѣи оѣ прѣѣтѣи ѣсѣтѣи. Мф., XX—16. Прилагательное послѣднии относится к группе темпоральных и локативных прилагательных, образованных от наречий, выступающих в атрибутивной функции только в полной форме. Случаи употребления прочих прилагательных этой группы в предикативной функции не зафиксированы.

¹ См. рецензию на работу Г. Гуннарсона: А. Белич. Recherches syntaxique sur la décadence de l'adjectif nominal dans les langues slaves. Paris, 1931; «Лужнословенский филолог», кн. XIII, Београд, 1933—1934, стр. 215.

² См. там же, стр. 57.

³ А. А. Шахматов в Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 29.

* *
*

В третьей главе рассматриваются случаи употребления кратких и полных форм субстантивированных прилагательных. Материал классифицируется сначала путем распределения субстантивированных прилагательных по лексическим рядам (ряды лиц, ряды предметов и т. п.), затем уже внутри каждого ряда разграничиваются случаи, где субстантивированные прилагательные выступают с единичным (определенным) и неединичным значением; при этом так же, как и в первой главе, учитываются дополнительные языковые средства (указательное местоимение, местоимение *всѣкъ* и т. п.), фиксирующие характер той или иной формы. Сплошное обследование всех примеров с субстантивированными прилагательными показало, что в тех примерах, где предмет выступает как единичный (определенный), независимо от лексического ряда последовательно употребляется полная форма, в тех же примерах, где предмет не выделяется как единичный, в случаях нейтральности и неопределенности, употребляются обе формы. Краткая форма последовательно выступает лишь тогда, когда неопределенность предмета (лица) подчеркнута другим словом (*единъ нищъ*), в остальных случаях, в общем, преобладает полная форма. Однако удельный вес полных форм по отношению к кратким неодинаков в различных лексических рядах. Наибольший процент кратких форм зафиксирован в лексическом ряду, характеризующем лицо по его физическим качествам (*слѣпъ*, *хромъ*), меньший процент — при характеристике по индивидуальному (*прѣмъдръ*) или социальному (*богатъ*) признакам. В лексических рядах, характеризующих лицо в отношении его родства (*іпочады*), его близости или отдаленности от другого лица (*ближъшии*), в рядах, характеризующих лицо по локативному (*вышънии*, *послѣдънии*) и темпоральному (*древънии*) признаку, зафиксирована только полная форма.

Употребление кратких и полных форм субстантивированных прилагательных обуславливается, в основном, теми же факторами, что и в атрибутивной функции, с той лишь довольно существенной разницей, что в нейтральной позиции (случаи неединичности) субстантивированные прилагательные употребляются в полной форме чаще, чем в краткой.

В дальнейшем в отдельных славянских языках, в том числе и в сербохорватском, за субстантивированными прилагательными закрепилась исключительно полная форма. Факты старославянского языка свидетельствуют лишь о начале этого процесса.

Е. И. Демина

**ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН
В ПАМЯТНИКАХ БОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
XVII—XVIII веков¹**

Настоящая работа посвящена одному из важных вопросов истории болгарского глагола, а именно вопросу о значении и употреблении прошедших времен в XVII—XVIII вв.

XVII—XVIII столетия — интересный, но мало исследованный период истории болгарского языка. Именно в этот период в Болгарии появляется и достигает особого расцвета письменность на основе живого общенародного языка, сменившая далекую от разговорной речи, создававшуюся под сильным влиянием церковнославянской книжной традиции письменность более раннего периода. Среди памятников новоболгарской письменности в первую очередь должны быть названы дамаскины — сборники поучительных слов, апокрифов, проповедей, сыгравшие большую роль в деле культурного возрождения Болгарии и способствовавшие «превращению болгарского народного языка в орган литературы»². В дамаскины включались как переводы греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита, так и оригинальные произведения болгарских авторов. Наиболее значительными являются Тихонравовский, Коприштенский, Люблянский, Белградский, Григоровичев дамаскины (XVII в.), Свиштовский дамаскин (XVIII в.).

Простым болгарским языком стремились писать поборники народности болгарской литературы Иосиф Брадатый (XVIII в.), видные деятели болгарского Возрождения Паисий Хилендарский (1722—1798) и Софроний Врачанский (1739—1814). Существенные особенности живого общенародного языка отражены в таких памятниках, как «Катехизис XVII века», «Повесть о падении Цариграда в 1453 году» (XVIII в.), Зографская история (XVIII в.) и др.

Многие из памятников новоболгарской письменности привлекали к себе внимание ученых-славистов. Было осуществлено издание ряда памятников. Прделана значительная работа по установлению их хронологии, диалектной принадлежности, дана общая характеристика фонетических и морфологических особенностей языка отдельных текстов. Однако в целом грамматическая система болгарского языка XVII—XVIII вв. изучена крайне недостаточно. В частности, интересующий нас вопрос о значении и употреблении прошедших времен остается до сих пор полностью неисследованным.

¹ Автореферат кандидатской диссертации. Институт языкознания АН СССР, 1954.

² Б. Цонев. Новобългарската писменост преди Паисия. «Български преглед», година I, кн. VIII, София, 1894, стр. 13.

* *
*

Как известно, в болгарском языке наряду с достаточно развитой категорией глагольного вида широко представлена целая система прошедших времен как простых, так и сложных. Живыми формами болгарского глагола являются аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, так называемое давнопрошедшее («минало отдавна»). Исследователи современного болгарского литературного языка не отмечают какой бы то ни было тенденции к утрате одних форм времени за счет расширения функций других форм, например, к вытеснению простых прошедших времен, как это имеет место в современном сербохорватском языке и что осуществилось в процессе исторического развития глагольной системы других славянских языков (русского, украинского, белорусского, чешского, польского). Таким образом, сосуществование сложной системы прошедших времен с развитой категорией вида является специфической особенностью грамматического строя болгарского языка, отграничивающей его от других славянских языков, в которых процесс становления категории вида привел к падению системы прошедших времен, к переосмыслению перфекта как единой формы прошедшего времени.

Другой характерной особенностью болгарского глагола является тенденция к морфологическому выражению одной из модальных оценок действия, передаваемой в других славянских языках описательно, а именно указания на то, что говорящий не был очевидцем действия, а сообщает о нем с чужих слов, подчеркивая, что он не берется судить о достоверности передаваемого. В связи с этим перфект и «минало отдавна» в ряде случаев утрачивают свое основное значение и переходят в систему форм пересказывания.

Вопрос о причинах, обусловивших своеобразное развитие болгарского глагола, является одновременно вопросом о внутренних законах развития болгарского языка. Поэтому вполне оправдан выбор темы, являющейся одним из предварительных, но необходимых этапов в решении этого сложного, имеющего большой научный интерес вопроса. Мы стремимся дать по возможности более полное описание всего разнообразия случаев употребления прошедших времен, исходя непосредственно из материала памятников болгарской письменности XVII—XVIII вв. Такое описание, а также сопоставление закономерностей употребления различных времен должно позволить нам выявить функциональную специфику каждого времени, определить общие и разграничивающие моменты в значениях отдельных времен и, в итоге, представить основания, на которые опирается система употребления прошедших времен болгарского глагола XVII—XVIII вв. Наше внимание прежде всего привлекает вопрос о том, что лежит в основе разграничения простых и сложных времен, поскольку именно в наличии и функциональном разграничении этих форм заключается специфика болгарского глагола. Для решения поставленной задачи было необходимо не только изучить употребление прошедших времен в отдельных предложениях, содержащих сообщение об одном действии, но и установить, «как используются различия форм времени и их значений для выражения синтаксических отношений между предложениями»¹. Поэтому значительное место в работе уделяется анализу взаимоотношений между действиями, обозначенными формами одного

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 543.

и того же времени или формами различных времен. Ту же цель преследует описание употребления прошедших времен в составе сложносочиненных или сложноподчиненных предложений. Отдельно рассматривается модальное употребление имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта.

Исследование показало, что уже в памятниках XVII—XVIII вв. представлено употребление форм перфекта и давнопрошедшего времени в качестве так называемых форм пересказывания. Однако вопросы, связанные с пересказыванием, с историей его возникновения и становления, представляют самостоятельный интерес и должны решаться на материале более широком, чем материал письменности XVII—XVIII вв. и чем материал прошедших времен. Тема данной работы ограничена рассмотрением случаев так называемого «прямого» употребления времен в пределах изъявительного наклонения.

Вопрос о соотношении категорий вида и времени также не является непосредственной задачей нашего исследования и затрагивается нами лишь постольку, поскольку это связано с выявлением функциональной специфики той или иной формы прошедшего времени. В принципиальной постановке этого вопроса мы близки к Ю. С. Маслову¹.

К исследованию привлечен фактический материал всех основных памятников XVII—XVIII вв., в том числе и некоторых рукописных (Тихонравовский дамаскин). В качестве дополнительных использовались тексты начала XIX в.

* *
*

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении освещены задачи работы, охарактеризован привлеченный к исследованию материал, определены приемы исследования и принцип изложения, дан краткий критический обзор литературы по вопросу о формах прошедшего времени в современном болгарском литературном языке.

Для выявления системы употребления времен большое значение имеет установление правильных, отражающих существо значения каждой формы критериев их разграничения. В исследованиях по современному болгарскому литературному языку единая точка зрения по данному вопросу отсутствует. Существующие мнения могут быть сведены к следующим:

1. Прошедшие времена разделяются на «определенные» и «неопределенные» в зависимости от того:

а) определяется или нет говорящим момент совершения действия. В первом случае употребляются аорист, имперфект, плюсквамперфект, во втором — перфект (Ю. Трифонов);

б) является ли известным, определенным или неизвестным, неопределенным для самого говорящего момент совершения действия. В первом случае употребляются аорист, имперфект, плюсквамперфект, во втором — перфект, давнопрошедшее время (Б. Цонев).

Формы пересказывания рассматриваются отдельно.

¹ См. Ю. С. Маслов. Критические заметки по болгарской грамматике. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», IV, М., 1951, стр. 369—370. Его же. Из наблюдений над категориями вида и времени в современном болгарском языке. «Доклады и сообщения филологического ф-та ЛГУ», вып. I, 1949.

2. Прошедшие времена разделяются на «определенные» и «неопределенные» в зависимости от того, является ли говорящий очевидцем прошедшего действия или нет:

а) это противопоставление мыслится охватывающим все случаи употребления прошедших времен, включая употребление их в качестве форм пересказывания. «Определенными» временами являются аорист, имперфект, плюсквамперфект, «неопределенными» — перфект, давно-прошедшее и сложные формы прошедшего времени с имперфектным причастием (М. Иванов, Ст. Младенов, Л. Больё);

б) формы пересказывания выделяются в особую группу. «Определенными» временами являются аорист и имперфект, «неопределенными» — перфект и плюсквамперфект (В. Бородич).

3. Прошедшие времена разделяются на «определенные» и «неопределенные» в зависимости от того, происходило ли действие в определенное для говорящего время и было ли оно воспринято им лично или же действие происходило в неопределенное для говорящего время и не наблюдалось им.

«Определенными» в этом отношении временами являются аорист, имперфект, плюсквамперфект, «неопределенными» — перфект и давно-прошедшее время (П. Калканджиев, Дм. Попов).

4. Прошедшие времена разделяются на абсолютные и относительные в зависимости от того, соотносят ли они действие непосредственно с моментом речи или же с другим, прямо или косвенно обозначенным моментом. Аорист является временем, выражающим «простые хронологические отношения», имперфект, перфект, плюсквамперфект — временами, выражающими двоякое, сложное отношение во времени. Формы пересказывания выделяются в особое наклонение (Л. Андрейчин, А. Теодоров-Балан).

Анализируя материал XVII—XVIII вв., мы стремились рассмотреть его также со всех указанных точек зрения, критически их осмыслить.

В первой главе, включающей в себя два раздела («Аорист» и «Имперфект»), рассматривается значение и употребление простых прошедших времен. Основанием для объединения анализа аориста и имперфекта в одной главе послужил тот факт, что некоторые существенные признаки значения этих времен являются общими. Для выявления специфики значения и употребления форм времени, образующих от глаголов совершенного или несовершенного вида, для установления собственно временного значения аориста и имперфекта анализ «перекрестных» образований — аориста глаголов несовершенного вида и имперфекта глаголов совершенного вида — выделяется в особые подразделы.

В подразделе «Аорист глаголов совершенного вида» проводится сопоставление примеров употребления этого времени от глаголов совершенного вида, по-разному определяющих способ осуществления действия, от глаголов, представляющих действие с различной степенью абстракции от его конкретного проявления. Это позволяет «очистить» значение аориста от различных лексических наслоений и выявить то существенное, что лежит в его основе. Анализ показал, что общим для всех случаев употребления аориста является значение законченности данного действия, значение отнесенности этого действия в прошлое. С целью выяснить, вносится ли значение законченности действия видовым значением основы или же оно является характерным признаком значения аориста как формы времени, проводится сопоставление примеров употребления аориста глаголов совершенного вида, импер-

фекта глаголов совершенного вида и аориста глаголов несовершенного вида. Представление о законченности действия, выраженного имперфектом глаголов совершенного вида, отсутствует. В то же время аорист глаголов несовершенного вида, не выражая внутренней завершенности действия, представляет его законченным в прошлом. Следовательно, значение законченности действия является одним из существенных признаков временного значения аориста. Выбор основы совершенного вида позволяет указать на внутреннюю завершенность законченного действия.

Аорист образуется как от глаголов конкретного, единичного действия, так и от глаголов множественного действия. О последнем свидетельствует возможность употребления аориста в предложениях, содержащих сообщение о действии, которое осуществилось в несколько приемов в различные моменты прошлого, или о действии, осуществленном различными лицами в различные моменты прошлого. Повторяющееся действие может быть выражено аористом совершенного вида только в том случае, если в предложении имеются специальные обстоятельственные слова, указывающие на количество проявлений действия, а поэтому позволяющие подвести итог и представить действие законченным в прошлом. Напр., *Единадесет пъти яви се хс на учениците си* (Тихонр., 288).

Интересно отметить примеры употребления аориста глаголов совершенного вида, не имеющих значения ограничения длительности, в конструкции с определениями продолжительности действия. Напр., *И отидоха в черкова... и сичка ноцъ въздадоха благодарение светому и думиха...* (Любл., 527).

Формы аориста совершенного вида, следующие одна за другой в повествовании о прошлом, передают, как правило, последовательные события. Исключение составляют следующие случаи:

1. Если в предложении имеются определения момента или периода, к которому приурочено совершение нескольких действий, выраженных формами аориста, действия эти воспринимаются как одновременно законченные или как законченные в один и тот же период прошлого (более точные хронологические отношения между этими действиями не устанавливаются).

2. Если в предложении имеется обобщающее слово, подчеркивающее, что содержанием высказывания является сообщение о качественном разнообразии действий, связь данных действий по времени их завершения не устанавливается.

Аорист глаголов несовершенного вида употребляется относительно редко и в большинстве случаев образуется от непарных в видовом отношении глаголов (*стоя, лежа, сна, царува, дествува, би «бить», държа, има, няма, учи, плава* и т. п.) и от глаголов двойственного видового значения (*седя, плака, бысть, яде, ни* и т. п.). Характерным является тот факт, что аорист несовершенного вида, как правило, выступает в конструкции с определениями продолжительности действия, степени развития действия, количества проявлений действия или в контексте, содержащем иные указания на ограниченность развития действия каким-то предлом. Это подтверждает правильность определения значения аориста глаголов несовершенного вида как формы, выражающей законченное действие, длившееся в прошлом и представленное во всей своей целостности как единый, непрерывный акт. Аорист несовершенного вида имеет иногда другое значение, а именно выражает сам факт наличия или отсутствия действия в прошлом

безотносительно к длительности или недлительности, законченности или незаконченности действия. Напр., ... *Яде Хс по въскрєние или не яде?* (Тихонр., 290).

В отличие от аориста глаголов совершенного вида формы аориста глаголов несовершенного вида сами по себе не могут передавать последовательности действий. Действие, ими обозначенное, является одним из очередных действий в последовательной цепи только в том случае, если предшествующее и последующее действия выражены аористом глаголов совершенного вида. Напр., *Разболе сѧ пупадѧ, леже болна шесть мѧци и прѣстави сѧ* (Автобиогр., 53). Несколько смежных в контексте действий, выраженных аористом несовершенного вида, являются одновременными между собой.

В отличие от аориста глаголов несовершенного вида имперфект глаголов несовершенного вида, представляя действие длившимся в прошлом, никогда не выражает действия в его целостности, не устанавливает его законченности. Действие, выраженное имперфектом глаголов несовершенного вида, может фиксироваться лишь в какой-то один из моментов или отрезков своей длительности, прямо или косвенно обозначенный в предложении. В редких случаях, когда имперфект глаголов несовершенного вида выступает с определениями точной продолжительности действия, употребление его обусловлено необходимостью представить действие в процессе его осуществления, как уже начавшееся и незаконченное в любой из моментов фиксируемого периода, а не стремлением подчеркнуть его законченность. Обычно длительность протекания действия определяется в предложении лишь приблизительно (например, употребление наречия *вчера* показывает лишь, что действие не осуществляется и сегодня и не осуществлялось ранее) или же никак не устанавливается.

Имперфект несовершенного вида образуется как от глаголов конкретного, единичного действия, так и от глаголов множественного и повторявшегося действия. Понятия множественного и повторявшегося действия не следует смешивать. О повторявшемся действии можно говорить в тех случаях, когда приходится иметь дело не со многими актами единого, прерывисто осуществлявшегося, но связанного с конкретной ситуацией действия, а с повторением ситуации, при которой совершается действие. В работе дается подробное описание случаев употребления имперфекта для выражения повторявшегося действия, представленного с большей или меньшей степенью абстракции от его конкретного проявления: имперфект с определениями регулярной повторяемости действия, с определениями количества проявлений действия, имперфект, выражающий обычное действие, действие совершавшееся постоянно, всегда.

Если несколько смежных в контексте действий выражены формами имперфекта глаголов несовершенного вида, между этими действиями устанавливаются отношения одновременности. Исключение составляют те случаи, когда о длившихся или повторявшихся действиях сообщается с целью подчеркнуть их качественное разнообразие, а также те случаи, когда осуществление этих действий приурочивается говорящим к различным, отстоящим один от другого периодам прошлого. В повествовании о конкретном факте в прошлом действие, выраженное имперфектом несовершенного вида, вступает в следующие взаимоотношения с действиями, выраженными аористом совершенного вида:

1. Во вступлении к повествованию имперфект выражает действие, о котором сообщают с целью конкретизировать, определить в какой-то

мере момент осуществления действия, выраженного аористом. Напр., *Сѣдѣх си днѣка азъ дома си и дойде нѣкои мужь младъ* (Коприщ., 39). «Я сегодня сидела дома (т. е. сегодня, когда я сидела дома), и пришел какой-то молодой мужчина».

2. В отступлении от основной линии повествования имперфект несовершенного вида обозначает действие, фиксируемое в момент, о котором говорится и в который завершилось действие, выраженное аористом.

3. Имперфект может выражать действие, представляющее интерес для воспроизведения последовательного развития событий, поскольку благодаря сообщению о нем раскрывается поведение действующего лица в период между моментами завершения двух последовательных действий, выраженных аористом совершенного вида. Напр., *И влезе врѣху водата и ходѣше и приближи се при краи* (Тихоур., 175).

Согласно традиционному мнению, имперфект в болгарском языке является относительным временем, прошедшим одновременности. Выступая против этого, Ю. С. Маслов указывает на возможность употребления имперфекта в качестве абсолютного времени¹. Анализ материала XVII—XVIII вв. показал, что имперфект в основной массе случаев выступает как абсолютное время, т. е. выражает действие, соотношенное непосредственно с моментом речи. Об относительном употреблении имперфекта следует говорить лишь в тех крайне редких случаях, когда он обозначает побочное действие, одновременное с другим, т. е. выступает фактически в функции деепричастия. Напр., *И младъх са на султану да ма поцади, а онъ, сѣдѣше на коня своего, викна...* (Автобиогр., 59).

Имперфект глаголов совершенного вида выражает действие, повторявшееся в прошлом в течение какого-то длительного, точно не определяемого времени, не устанавливая законченности ряда повторений. Специфическим в значении и употреблении данной формы является следующее:

1. При употреблении имперфекта глаголов совершенного вида достигается представление о завершенности повторявшегося действия каждый раз при его конкретном проявлении.

2. Имперфект глаголов совершенного вида употребляется, как правило, в соотносительных конструкциях для выражения постоянной связи между действиями внутри повторявшегося цикла. Формы этой связи, меняющиеся в зависимости от конкретного содержания высказывания, детально анализируются в работе. В тех случаях, когда необходимо установить качественное разнообразие повторявшихся действий, связь между ними не устанавливается.

3. Имперфект глаголов совершенного вида не употребляется в независимых предложениях при сообщении об одном действии.

В заключении к главе определяются общие черты в значении аориста и имперфекта, позволяющие объединить их в группу прошедших времен.

Аорист и имперфект в болгарском языке XVII—XVIII вв., как и в других славянских языках, «взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому, как они представляют сходство по форме»². Если аорист всегда выражает действие законченное в прошлом, то имперфект, представляя

¹ См. Ю. С. Маслов. Критические заметки по болгарской грамматике, стр. 369—370.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. IV, М.—Л., 1941, стр. 157

действие длившимся в прошлом, никогда не устанавливает его законченности. Действие, обозначенное аористом или имперфектом, представляется прошедшим непосредственно по отношению к моменту речи, что позволяет рассматривать их как формы «абсолютного» времени. И аорист, и имперфект употребляются в повествовании, обозначая действие, непосредственное осуществление которого связано с тем временным планом, о котором повествует говорящий.

Все случаи употребления простых прошедших времен были подвергнуты анализу с точки зрения того, выражается ли ими действие, определенное во временном отношении, или нет, можно ли, соглашаясь с мнением ряда лингвистов, видеть специфику значения этих времен в определенности действия, ими обозначенного. Факты не подтвердили этой теории. Как аорист, так и имперфект в равной мере выражают и определенные и неопределенные во временном отношении действия.

Вторая глава, посвященная сложным прошедшим временам, состоит из четырех разделов.

Основной задачей раздела о перфекте является определение специфики значения и употребления этого времени по сравнению с простыми прошедшими временами и, в первую очередь, по сравнению с аористом. Поэтому мы постоянно проводим сопоставление примеров употребления указанных форм. Уже предварительное исследование позволяет установить некоторые характерные особенности употребления перфекта. Перфект, как правило, употребляется в высказываниях, содержащих прямое или косвенное указание на настоящий момент, в частности, в придаточных предложениях, если в главном речь идет о настоящих или будущих событиях. Он не может передавать последовательные действия или процесс осуществления действия, т. е. не может выступать в качестве времени повествования. Это сразу же отграничивает перфект от простых прошедших времен.

Исследование перфекта глаголов совершенного вида мы начинаем с тех примеров его употребления, в которых каждый составной элемент данной формы — причастие прошедшего времени на *-л* и вспомогательный глагол — сохраняет известную самостоятельность, имеет свое временное значение: вспомогательный глагол указывает на отношение к моменту речи и имеет значение настоящего времени, причастие выражает определенное качество, возникшее в результате завершения прошедшего действия. Как отмечал А. А. Потебня, значение сочетания «-ль + ксьмъ» в данном случае является древнейшим. «По отношению к глаголу и за устранением времени причастия *-ль ксьмъ* равносильно сочетанию имени с *ксьмъ*. Оно выражает «событие прошедшее (причастие) по отношению к настоящему (глагол)», устанавливает «каков кто есть»¹.

Функциональная самостоятельность отдельных составных элементов формы перфекта особенно ясно воспринимается в тех случаях, когда вспомогательный глагол одновременно вступает в сочетание не только с причастием на *-л*, но и с какой-либо иной формой. Напр., *И като нѣкои, кога е уморень от дльгъ путь и прогорѣль от некъ и ожднѣль и найде кладенць студень или е огладнѣль... и не пуца го нѣкои силникъ да дойде на трапезата, ... така е и в днь судныи* (Коприщ., 68).

Наличие примеров, в которых еще ясно ощущается морфологическая структура формы перфекта, позволяет глубже понять его значение.

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I-II. Харьков, 1888, стр. 257.

При дальнейшем рассмотрении перфекта мы разграничиваем случаи его употребления в различных по содержанию типам контекста. Это позволяет нам установить оттенки значения перфекта и уяснить его основное значение. Перфект может обозначать:

1. Факт совершения действия, рассматриваемый в настоящий момент как качество, свойство, признак действующих лиц. Функцией его является установление причинной связи между современным качеством лица и действием, в силу которого возникло это качество. Напр., *Георгия христїанина, потьпкаль е наша дръжава и псузаль е боговете наши и строшилъ е идолыте, повелѣвамъ да му отсѣкъть главѣта* (Любл., 519). «Георгию христианину, поправшему нашу державу, обругавшему наших богов и разрушившему идолов, повелеваю отсечь голову».

2. «Состояние, последовавшее за действием как его результат и существующее в настоящее время»¹. Напр., *«Живь ли е твои баща?» И онзи момакъ рече: «Не е, ами е умрѣль»* (Коприщ., 176). Перфект в данном случае образуется от глаголов совершенного вида, означающих достижение видимого результата действия или изменение состояния действующего лица. Аорист указанных глаголов перфектного значения не получает. Он обозначает сам акт наступления состояния, действие, в результате которого достигнут определенный результат. Следовательно, связь между прошедшим действием и современным состоянием субъекта устанавливается благодаря употреблению формы перфекта; результирующий характер этой связи обусловлен лексическим значением глагола.

3. Законченное действие, являющееся актуальным для настоящего момента. Грань между аористом и перфектом в данном случае установить значительно труднее, чем в первых двух случаях, поскольку аорист также выражает законченное действие. Поэтому при анализе подобных примеров мы опирались не только на реальное содержание высказывания, но и на факторы, уже выявленные нами в ходе исследования. При этом мы исходили из убеждения, что отдельные функции каждого времени являются тесно связанными и взаимообуславливающими одна другую.

Общим для всех случаев является следующее: в отличие от аориста, относящего факт совершения действия непосредственно в прошлое, перфект выражает факт совершения действия в его отношении к настоящему, т. е. выступает как форма относительного времени. Материал XVII—XVIII вв. не позволяет видеть специфику перфекта в том, что он выражает неопределенное во времени отношение или не воспринятое лично говорящим действие, как это утверждается некоторыми лингвистами применительно к современному болгарскому языку. Контекст значительной массы примеров показывает, что действие, обозначенное перфектом, является и определенным для говорящего во времени отношении, и лично воспринятым или осуществленным им. Правда, в тех случаях, когда перфект обозначает современное состояние действующего лица или присущие ему в данный момент качества, мы действительно не получаем представления о том, когда осуществилось само действие, о последствиях которого говорится, был ли говорящий его очевидцем. Однако это лишь несущественные, второстепенные оттенки в значении перфекта, вытекающие из его значения, а не определяющие последнее.

¹ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка, изд. 2, М., 1939, стр. 199.

При определении специфики того или иного времени нужно исходить из того, на чем фиксируется внимание при его употреблении, а не из того, что в его значении является несущественным и может быть установлено лишь путем дополнительных рассуждений. Вполне естественно, что, отмечая одну, главную сторону явления, человеческая мысль может не останавливаться одновременно на фиксации других, не интересующих ее в данный момент сторон. В том и состоит сила языка, как основного средства общения между людьми, что в его грамматическом строе благодаря абстракции от частного и конкретного, от побочного и несущественного находят свое выражение различные стороны объективной действительности.

Нет оснований видеть специфику временного значения перфекта также и в том, что им, как правило, обозначается действие, не связываемое говорящим с определенным моментом в прошлом. Отсутствие подобной приуроченности действия является особенностью контекста, связанной со значением перфекта как относительного времени: поскольку внимание говорящего сосредоточено на настоящем моменте, нет оснований указывать на связь действия с определенным периодом в прошлом. Более того, если требуется уточнить момент, о котором говорится, при форме перфекта употребляется наречие *сега*. Не приуроченное к определенному моменту в прошлом действие могут передавать также и простые прошедшие времена.

Перфект глаголов несовершенного вида употребляется:

1. При описании качеств, присущих действующему лицу в настоящий момент. Перфект в этом случае выражает фактически не действие как таковое, а отличительный признак действующего лица, признак, возникновение которого находится в прямой причинной связи с фактом осуществления этим лицом в прошлом определенного действия;

2. При сообщении о длившемся или повторявшемся, обычном действии, представленном в его отношении к настоящему моменту. Характеризуя болгарский перфект в ряде случаев его употребления как прошедшее «неопределенное» время, Ю. Трифонов видит подтверждение этому прежде всего в возможности употребления перфекта для выражения многократного действия в прошлом, поскольку многократное действие «может происходить и в разное время, причем неопределенное»¹. Однако Ю. Трифонов не дает никакого объяснения тому факту, что для обозначения многократного действия могут употребляться и простые, «определенные» прошедшие времена. Это лишает убедительности его доводы. Мы считаем, что перфект глаголов несовершенного вида, как и перфект глаголов совершенного вида, выступает в качестве относительного времени предшества настоящему моменту.

Отдельно рассматриваются случаи употребления формы перфекта в придаточных предложениях, относящихся к глаголам типа *уещам*, *мисля*, *казвам*, когда они стоят в прошедшем времени. Своеобразное употребление перфекта в этих случаях обусловливается самим характером указанных глаголов, позволяющих определить момент совершения действия придаточного предложения или с точки зрения момента речи, как обычно, или же с точки зрения действующего лица. В последнем случае достигается буквальная передача слов, чувств или мыслей действующих лиц. Интерес представляет употребление перфекта для выражения действий, предполагаемых говорящим на основании каких-то

¹ Ю. Трифонов. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език. Псп БКД, 66, София, 1905, стр. 163.

имеющихся у него данных. Примеры подобного употребления перфекта можно рассматривать как переходный этап к употреблению его для выражения действия невосприимчивым и передаваемым с чужих слов, т. е. к употреблению его в качестве формы пересказывания.

Как относительное время предшества функционирует и плюсквамперфект, представляя в этом отношении точную параллель с перфектом. При употреблении перфекта внимание сосредоточено на настоящем моменте, плюсквамперфект употребляется при сообщении о состоянии действующего лица в отмеченный момент прошлого, возникшем как результат осуществленного им ранее действия, или при сообщении о прошедшем действии, представленном в его отношении к последующему, также прошедшему моменту. О генетической близости перфекта и плюсквамперфекта свидетельствует возможность употребления последнего в контексте, позволяющем признать функциональную самостоятельность вспомогательного глагола *беше* и причастия на *-л*. Характерно, что при форме плюсквамперфекта также не употребительны обстоятельственные слова, связывающие осуществление действия с определенным моментом в прошлом. Наречия типа *тогази* или *понапред* определяют момент, о котором говорится, или подчеркивают предшествующий характер действия. Особое внимание было уделено анализу случаев употребления простых прошедших времен для выражения прошедшего действия, предшествующего другому. Материал позволяет прийти к выводу, что предпрошедшее действие выражается формой плюсквамперфекта лишь в тех случаях, когда важно установить соотношение между двумя прошедшими действиями, подчеркнуть, что одно из них именно предшествует другому.

Как известно, исследователи современного болгарского литературного языка объединяют плюсквамперфект с аористом и имперфектом в группу «определенных» прошедших времен, противостоящую группе «неопределенных» прошедших времен (перфект и давнопрошедшее время) по признаку определенности или неопределенности действия во временном отношении или по признаку наличия или отсутствия личной осведомленности о действии. Основываясь на материале XVII—XVIII вв., мы не можем согласиться с подобным разграничением. В тех случаях, когда перфект и давнопрошедшее время не выступают в качестве форм пересказывания, значение их в существенных чертах сближается со значением плюсквамперфекта. В свою очередь плюсквамперфект как относительное время по существенным признакам отличается от аориста и имперфекта.

Анализ показал, что давнопрошедшее время («минало отдавна») *съм бил оставил* в тех случаях, когда оно выступает как форма изъявительного наклонения, также принадлежит к группе относительных времен предшества. Оно выражает качество или состояние действующего лица отнесенным в прошлое в том случае, если речь идет о настоящем моменте. В других случаях значение его сближается со значением плюсквамперфекта. Как относительное время функционирует и трижды встретившееся нам сочетание типа *беше бил доходил*.

В последнем разделе главы дается краткий обзор основных случаев употребления перфекта и давнопрошедшего времени в качестве форм пересказывания.

В главе определяются также общие черты в значении и употреблении сложных прошедших времен, позволяющие объединить их в группу относительных времен предшества.

* *
*

Система употребления прошедших времен болгарского глагола XVII—XVIII вв. в целом представляется нам в следующем виде:

1. Прошедшие времена в системе изъявительного наклонения разделяются на абсолютные (аорист, имперфект) и относительные (перфект, плюсквамперфект, давнопрошедшее). По этому признаку разграничиваются группа простых и группа сложных времен.

2. Перфект и давнопрошедшее время, выступая с модальным значением для выражения предполагаемого действия, объединяются в группу форм, противостоящих формам, выражающим действие очевидное, бесспорное.

3. Перфект и давнопрошедшее время, выражая прошедшее действие как передаваемое с чужих слов, включаются в систему форм пересказывания. Как формы пересказывания они противостоят временам «прямого» высказывания в целом. В пределах прошедших времен перфект как форма пересказывания противостоит аористу, а в западноболгарских говорах также и имперфекту, давнопрошедшее — плюсквамперфекту.

А. С. Посвянская

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(Место одиночного определения, выраженного именем прилагательным)¹

Грамматический строй языка, составляющий наравне с основным словарным фондом основу языка, невозможно изучать без внимательного и тщательного рассмотрения отдельных грамматических явлений. В настоящей работе делается попытка изучить те особенности, которые свойственны современному литературному польскому языку в способах соединения слов в определительном словосочетании.

Порядок слов играет большую роль в нашей речи. Он представляет собою одно из важнейших средств, с помощью которого мы имеем возможность с наибольшей точностью донести до читателя или слушателя наши мысли, передать их в предложениях, грамматически организованных путем определенного соединения слов.

Правила соединения слов вырабатываются в соответствии с грамматическими правилами и законами, свойственными данному языку, и представляют основу синтаксиса того или иного языка. Таким образом, порядок слов является формой грамматического построения предложения или словосочетания.

Рассматривая порядок слов как одно из грамматических средств выражения и сообщения наших мыслей, отражения в языке объективной действительности, автор работы исходит из марксистского положения о неразрывном единстве языка и мышления. Это позволяет обосновать фактами языка, в частности, исторически сложившимися законами сочетания компонентов атрибутивного комплекса в польском языке, связь логических и синтаксических категорий.

Основным значением порядка слов, обуславливающим соотносительное размещение и следование членов предложения, является его грамматическое значение.

Синтаксическая функция порядка слов выражается в том, что порядок слов указывает, в каких синтаксических отношениях друг к другу находятся члены данного предложения, обеспечивает смысловое выделение того или иного слова в предложении.

Основное значение смысловой функции порядка слов заключается в том, что при его помощи выражается нечто «данное», известное из ситуации или контекста, и то «новое», что является основной целью сообщения, основным ядром высказывания, составляющим его познавательную ценность.

¹ Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, 1954.

В значении «нового» может выступать любой член предложения, поэтому при помощи порядка слов и интонации любое слово в предложении может стать основным центром высказывания.

Средства словопорядка дают возможность поставить член предложения, заключающий в себе смысл «нового», на менее обычное для него место. Это привлекает к нему наибольшее внимание, дает возможность выразить самые разнообразные оттенки значения, обуславливает выделяющую интонацию. Порядок слов, таким образом, обеспечивает подчеркнутость, особую значимость члена предложения, оказавшегося на менее обычном для него месте и потому имеющем на себе логическое ударение. Он обеспечивает, следовательно, наиболее точную передачу наших мыслей, наших представлений об объективной действительности и тем самым способствует выполнению важнейшей задачи нашей речи — коммуникативной.

В языковой практике синтаксическая и смысловая функции порядка слов никогда не выступают изолированно; они всегда переплетаются, образуя подлинное диалектическое единство, отражающее единство языка и мышления, так как порядок расположения членов предложения или словосочетания является грамматической формой выражения и сообщения мыслей в процессе общения.

Совершенно ясно, что, изучая определенное грамматическое явление, нельзя не замечать, что внешние формы грамматики всегда связаны с грамматическими значениями, что научное изучение языка предполагает рассмотрение не только его формальной стороны, но и тех смысловых отношений, которые находят свое выражение в тех или иных формах. Только изучение формальных и смысловых сторон грамматики в их единстве может привести к успешному разрешению как общих, так и частных проблем.

Смысловая сторона грамматики всегда находит для своего выражения соответствующие внешние формы, а эти формы, в свою очередь, участвуют в развитии и выражении смысловой стороны, и новые грамматические значения развиваются на базе уже существующих в языке и постепенно совершенствующихся форм.

Следовательно, поскольку синтаксические способы соединения слов в предложениях являются способами, обеспечивающими выражение определенных смысловых отношений, в которые вступают друг с другом слова, образуя предложения, то выражение семантических отношений при помощи словопорядка по самой своей сути является грамматическим. Это тем более правильно, что при помощи порядка слов, выступающего в связи с фразовым ударением и интонацией, мы в целом ряде случаев можем передавать те же синтаксические отношения, что и при помощи морфологических средств.

Таким образом, порядок слов и морфологические средства выражения не только нередко могут замещать друг друга в своих функциях, но обычно взаимно дополняют и уточняют друг друга, с чем мы постоянно сталкиваемся в языковой практике. Следовательно, и по смысловой функции, и по характеру тех отношений, которые можно отметить между порядком слов и интонацией — с одной стороны, и морфологическими средствами выражения — с другой, словопорядок следует признать грамматическим средством, выступающим в польском языке (как и в других славянских языках) чаще всего в охарактеризованной выше семантико-синтаксической функции.

Значительную роль играет порядок слов и как стилистическое средство. Тогда он находится в зависимости от жанра и даже тема-

тики произведения, отражает литературную манеру писателя. Используя его, писатель стремится расположить слова в предложении таким образом, чтобы способ соединения слов способствовал наиболее полному раскрытию его мыслей и чувств, отражению понимания описываемых им явлений и событий. В таких случаях словорасположение несет в себе тонкие стилистические оттенки, отражающие отношение автора к изображаемому.

Очень важно подчеркнуть, что порядок слов не является средством передачи того или иного значения в уже готовом предложении. Он выступает как основное средство формирования предложения. Структурно оформляя предложение, словопорядок одновременно формирует и его значение.

* *
*

Диссертация посвящена изучению одного из интересных, мало разработанных вопросов польского порядка слов — места определения, выраженного именем прилагательным. Нормы расположения членов атрибутивного комплекса отражают наиболее характерные особенности и специфику польского словопорядка.

Место определения по отношению к определяемому слову в польском языке не является постоянным. Согласуемое определение, выраженное именем прилагательным, может непосредственно примыкать к своему определяемому, но может быть также отделено от него другими словами; оно может предшествовать своему определяемому, но может также и следовать за ним.

Наиболее распространенным является такое расположение членов определительного словосочетания, при котором определение расположено непосредственно рядом с определяемым.

Как препозитивное, так и постпозитивное расположение определения является обычным и нормальным, поскольку оба типа порядка слов в современном польском языке обусловлены грамматически или стилистически.

При решении вопроса о месте, занимаемом определением, выраженным именем прилагательным, для современного польского литературного языка принципиальное значение имеет отнесенность прилагательного к группе качественных или относительных имен прилагательных.

Это важно в связи с тем, что только относительные прилагательные выступают в постпозиции, выражая в этом положении чисто атрибутивные отношения, не осложненные предикативным значением. Это важно также в связи с тем, что качественные прилагательные, выступая в препозиции, выражают только атрибутивные отношения. Положение их в постпозиции обязательно связано с получением ими значения или хотя бы оттенка предикативности.

Таким образом, качественные прилагательные несут в предложении как атрибутивную, так и предикативную функцию. Основной же синтаксической функцией относительных прилагательных является выражение атрибутивных связей.

Это, несомненно, связано с их лексическим значением: относительные прилагательные выражают признак постоянный и потому не мыслимый во временных или причинных отношениях.

Грамматика строит свои правила и законы, которым подчиняются слова, сочетаясь внутри предложения или словосочетания по определенным нормам, абстрагируясь от конкретного содержания языкового

материала и выражая те широкие отвлеченные категории, которые объединяют однородные явления в языке и таким образом получают грамматическое значение.

В данном случае при помощи порядка слов находят свое выражение не конкретные лексические значения отдельных прилагательных, а обобщенные, грамматические значения атрибута или атрибутивно-предикативного определения.

С другой стороны, и лексический материал, подчиняясь грамматическим правилам и законам, в свою очередь, также оказывает на них воздействие. Так, принадлежность прилагательных к той или другой лексической группе подчиняет себе в какой-то мере грамматическую структуру предложения, например, сохраняя за постпозитивностью возможность выражения атрибутивных связей только для относительных прилагательных. Кроме того, лексические значения прилагательных, определяющие их принадлежность к группе качественных прилагательных, обусловили возможность выражения ими различных синтаксических значений: атрибутивных или предикативных, что связалось соответственно с их препозицией или постпозицией.

Эти закономерности расширяют количество грамматических признаков, характеризующих в польском языке принадлежность прилагательных к группе относительных или качественных. К ряду морфологических признаков, отличающих каждую группу (например, формы степеней сравнения, соотносимость с глаголом, с категорией времени — для качественных прилагательных, отсутствие этих признаков — для относительных), можно добавить и некоторые синтаксические особенности, характеризующие тот или иной разряд прилагательных. Так, для качественных прилагательных препозиция является выразителем значения атрибута, постпозиция определяет изменение синтаксической функции, приобретение предикативного значения. Для относительных же прилагательных постпозиция выражает чисто атрибутивные связи с определяемым; это же значение все шире выражается в современном литературном польском языке и средствами препозиции. Предикативными относительные прилагательные могут быть только в функции именной части составного сказуемого; никаких других связей с предикатом они не имеют, что обусловлено опять-таки спецификой их значения: они выражают признак постоянный, «неподвижный».

В связи с указанными особенностями локализации определения, выраженного именем прилагательным, в современном польском литературном языке, диссертация состоит из трех глав, введения и заключения.

Во введении освещаются общие проблемы порядка слов, уточняется понимание грамматического значения словопорядка, а также стилистического его использования. В нем дается также критический анализ лингвистических работ, посвященных вопросам польского словорасположения.

В первой главе анализируются определительные словосочетания, в которых определение выражено качественными прилагательными. Вторая глава посвящена анализу атрибутивных комплексов с определением, выраженным относительными прилагательными. В третьей главе рассматриваются случаи локационного отрыва определения от определяемого.

В заключении даются основные выводы, являющиеся результатом рассмотрения анализируемого материала современного литературного польского языка.

Для наблюдений привлекались прозаические произведения польских писателей XIX—XX вв., а также некоторые образцы научной прозы.

Основную группу препозитивных имен прилагательных в современном польском литературном языке представляют качественные прилагательные, выступающие в этом положении в функции атрибута. Препозиция качественных прилагательных служит синтаксическим средством выявления тесной лексико-семантической связи между определением и определяемым. В этом положении прилагательное как бы утрачивает всю полноту адъективной функции. Оно входит в тесную смысловую связь с определяемым им существительным; при этом семантическое содержание прилагательного как бы сливается с семантическим содержанием существительного, образуя единое понятие. Такое атрибутивное значение находит свое структурное выражение в препозиции качественных прилагательных (*błękitne niebo, złote słońce, łagodna twarz, blade policzki, śniada cera, młoda kobieta, silna wola, dobry rezultat, nowe normy, prosty lud* и т. п.).

Препозитивное положение качественных прилагательных-атрибутов является для современного литературного польского языка обычным, нейтральным.

Синтаксическая функция атрибута определяет препозицию качественных прилагательных и тогда, когда они употреблены не в прямом, а в переносном значении, т. е. при метафорическом их осмыслении (*ciemna masa, twarde życie, ciężkie pieniądze, żelazna wola, złote ręce, wielkie słowa, szeroka cisza* и т. п.).

Встречающиеся отступления от обычного словорасположения не являются случайными, неоправданными. Если перемещение не вызвано причинами стилистического порядка, то оно обязательно обусловлено грамматически: тем, что атрибутивное значение прилагательного сменяется предикативным. Одновременно это ведет к смысловому и интонационному выделению такого определения. Так, в примере *Od razu można poznać, że to mistrz wielki malował* (М. Dąbrowska, *Noce i dnie*, 4) постановка определения на втором месте подчеркивает причинную связь определения и сказуемого, одновременно усиливая значение определения и наполняя его эмоциональным содержанием, приближающим все предложение к восклицательному.

Большей частью выделительное значение определения, качественного прилагательного, оформляется не только при помощи вариаций порядка слов (т. е. его постпозицией). Оно может сопровождаться и другими конструктивными приемами, усиливающими смысловое и интонационное звучание подчеркиваемого признака.

Такой выделяющий порядок слов представлен, например, в конструкциях противопоставления, перечисления, в составе развернутого обособленного приложения, в случаях, когда за определением следует разъясняющее его определительное придаточное предложение и др. В подобных конструкциях порядок слов выступает параллельно с другими синтаксическими приемами, т. е. правильное понимание смысла предложения и отдельных его компонентов обеспечено всей суммой формальных приемов, среди которых словопорядок играет, несомненно, важную роль.

Грамматическое значение порядка слов в подобных случаях очевидно. Целевая установка высказывания находит в одинаковой мере выражение в особой структуре предложения и в особом расположении членов атрибутивного сочетания — в постпозиции определения. Изменение порядка слов в определительном словосочетании приводит,

конечно, к перестановке обоих компонентов сочетания. Переставленными оказываются одновременно и определение и определяемое им существительное. Поэтому в результате перестановки наибольшую семантическую нагрузку, особую подчеркнутость, сопровождаемую обязательно выделяющей интонацией, может получить любой член словосочетания. В каждом отдельном случае это зависит от того, что именно в данном сообщении является наиболее важным, тем новым, что привлекает наибольшее внимание, что является основной целью сообщения.

Установить, какой из членов определительного словосочетания выступает как главный, несущий на себе основную смысловую нагрузку, помогает смысловая связь данного предложения с предыдущим или последующим изложением. Смысловое подчеркивание определения или определяемого находит обязательное выражение при помощи определенных языковых средств: порядка слов (постпозиции определения) и интонации.

Кроме того, случаи изменения порядка слов в атрибутивном словосочетании могут быть вызваны стилистическими причинами, и тогда мы имеем постпозитивное расположение определения (обычно выступающего перед существительным), не приводящее к изменению его грамматической роли. Так, например, несомненно стилистическим приемом является определенное расположение атрибутов в определительных словосочетаниях в следующем предложении: *Uczuł w sercu szczęście wysokie i radosny spokój* (Żeromski. Wierna rzeka).

Перестановка определения и определяемого вызывает особую приподнятость тона при произнесении сочетания *szczęście wysokie*, сопровождаемую некоторым интонационным выделением слова *szczęście*. Интонация изменяется на более спокойную, снижающуюся к концу предложения, с которой признаются слова *radosny spokój*. Хаотическое расположение определений (постпозиция в первом сочетании, препозиция — во втором) способствует особой ритмичности звучания всего предложения.

Таким образом, вследствие того, что за качественными именами прилагательными в современном польском языке не закрепилось какое-либо одно грамматическое значение (они выступают в двух синтаксических функциях: атрибутивной и предикативной), структурным средством выражения той или иной синтаксической функции выступает место их расположения по отношению к определяемому слову. Находясь в **препозиции**, они выражают грамматическое значение атрибута, давая качественную характеристику предмета. Положение их **после** определяемого слова является носителем значения предикативности; в этой позиции они выступают либо как компоненты составного сказуемого, либо как предикативные определения, т. е. они связаны по смыслу не только с определяемым существительным, но и с глаголом-сказуемым.

В некоторых случаях логическая интонационная подчеркнутость определения имеет место без изменения обычного порядка слов, т. е. при препозиции определения. И здесь понимание того, что в данном предложении, несмотря на отсутствие перестановки, определение должно быть подчеркнуто, достигается установлением смысловой связи с исходным пунктом высказывания, определяется контекстом.

Обычно в таких случаях выступают определенные конструктивные приемы, которые обеспечивают правильное понимание (противопоставление, самый тип предложения и др.). Однако такие случаи очень легко могут потерять своеобразие своего значения: для этого достаточно лишить определение подчеркивающего логического ударения. Это при-

ведет к совершенно иному семантическому и грамматическому его звучанию: оно будет понято как спокойное, объективное сообщение факта.

В случаях, когда правильное понимание конкретного высказывания обеспечено не только интонацией, но и другими средствами, в частности, определенным порядком слов, ведущее значение интонации несомненно ослабевает, поскольку необходимый смысл находит свое выражение в более определенных, более материальных средствах формирования и воплощения мыслей.

Наряду с указанными случаями, в которых определенное синтаксическое понимание определения связывалось с той или иной его локализацией, современный литературный польский язык дает немало примеров, показывающих как бы безразличное использование порядка слов. Одно и то же по значению прилагательное, выступая в одной и той же функции, оказывается то в препозиции, то в постпозиции к своему определяемому. Например, *Szczesny widzi granatowy berecik, płaszczyk jasnoszary, włosy tujne, kasztanowe...* (Jg. Newerly. Pamiątka z Celulozy).

Возможность факультативного использования того или иного порядка слов опирается на то, что для польского языка характерен в общем свободный порядок слов, допускающий многочисленные вариации способов формирования предложения, различную позицию отдельных его членов. Эта особенность словоупотребления является результатом того, что основным способом выражения грамматических отношений в предложении выступают морфологические средства (словоизменение). Тем не менее, для современного польского языка, несомненно, характерны указанные выше закономерности порядка слов в определительном словосочетании, отражающие основные нормы и тенденции дальнейшего развития порядка слов в польском языке.

В ряде случаев место прилагательного фиксировано в зависимости от значения, в котором оно выступает в определенном положении в сочетании с некоторыми существительными (напр.: *panna młoda* — новобрачная; *młoda panna* — молодая девушка).

Кроме того, имеются в языке установленные, ставшие традиционными сочетания, в которых нельзя изменить принятого расположения слов. Это преимущественно названия церковных праздников, церковные термины, титулы и т. п. Степень семантической слитности слагаемых в них очень значительна, что иногда приводит даже к образованию единой акцентной группы (например, *Wielką noc* — пасха, *dobrą noc* — спокойной ночи и т. п.).

Преобладающим положением относительных прилагательных является постпозиция (*klasa robotnicza, władza polityczna, własność socjalistyczna, język polski, chemia organiczna, gramatyka rosyjska* и т. п.). Эта их локализация определяется и поддерживается тем, что указанная последовательность, выражающая атрибутивные отношения, закреплена за разрядом слов, характеризующих предмет определенным образом (выделяющих его из ряда ему подобных, ограничивающих его общее понятие), т. е. за определенным типом словосочетаний. Другими словами, место такого определения обусловлено не конкретным, лексическим значением данного имени прилагательного, а его отвлеченным, грамматическим значением — значением атрибута, выступающего в широком, хотя и связанном с вещественным значением слова, обобщенном использовании — в функции классифицирующего признака. Указанная особенность представляет пример абстракции, вообще характерной для граммати-

ческого строя языка. Следовательно, способы и формы сочетания слов в предложениях выражают грамматические (синтаксические) отношения, благодаря которым лексический запас языка приобретает величайшую значимость.

Указанное специфическое, классифицирующее значение постпозитивных определений, выраженных многими группами относительных прилагательных, привело к использованию подобных определительных словосочетаний особенно часто в языке научном, где они выступают преимущественно в терминологических или близких к ним сочетаниях.

Таким образом, в отношении постпозиции определения для современного польского языка устанавливаются следующие положения:

1. В постпозиции могут выступать определения, передающие грамматические отношения, обычно свойственные препозитивным определениям, т. е. отношения атрибутивные. В этом положении выступают определенные лексические категории имен прилагательных, объединенные внутри группы относительных прилагательных.

Так как этот порядок для многих относительных прилагательных является обычным, то такие определения не получают более сильного смыслового ударения, постпозиция не является для них выделяющей позицией.

В этом способе выражения атрибутивных связей проявляется сложное взаимодействие лексических и грамматических категорий. Оно проявляется в том особом значении, которое получает постпозиция определений, если они выражены относительными прилагательными.

2. Причиной постпозиции определения может быть и особая грамматическая функция, а именно наличие в определении предикативного содержания и, следовательно, особые синтаксические отношения его к определяемому слову, с одной стороны, и к сказуемому — с другой. Такая функция постпозиции характерна для качественных прилагательных.

3. Постпозитивное положение определения может быть также вызвано его особой смысловой подчеркнутостью. Такое расположение обычно препозитивного определения обязательно приводит к увеличению семантической нагрузки определения в составе определительного словосочетания или даже в общем содержании всего предложения в целом.

Следует указать, что синтаксическая и семантическая причины постпозиции определения очень тесно между собой переплетаются и выступают обычно вместе. Это связано с тем, что предикативное значение определения обычно сопровождается особой выделяющей интонацией, обусловленной его семантическим выделением, а смысловая подчеркнутость определения большей частью выступает в связи с выполнением определением атрибутивно-предикативной функции.

4. Наконец, постпозиция определения может быть вызвана также стилистическими причинами, связанными с определенным стилем, жанром произведения, а также с литературным стилем писателя, с его художественным замыслом. Применение автором стилистической инверсии имеет целью сделать изложение более эмоциональным, передать в нем личное отношение автора к описываемым событиям, достичь большей образности, поэтичности изображения.

Как отмечалось выше, в современном польском литературном языке многие группы относительных прилагательных, передавая атрибутивные отношения, выражают их при помощи постпозиции. Но все же основным средством выражения атрибутивности прилагательного все чаще и последовательнее является его препозиция.

В связи с этим мы наблюдаем передвижку некоторых групп относительных прилагательных, выражающих указанное синтаксическое значение (например, притяжательных, обозначающих материал, из которого сделан предмет, и др.) в положение перед определяемым словом. Это отражает основную тенденцию современного польского словоупотребления в определительном словосочетании.

При этом в очень многих случаях отмечаются колебания в том или ином расположении относительных прилагательных.

Эти колебания говорят о все более активно протекающем процессе постепенного становления и закрепления препозиции прилагательных как основного выразителя значения атрибута. Но одновременно эти колебания указывают и на то, что новая норма еще не установилась окончательно, что для современного польского литературного языка все еще принципиально важно отнесение имени прилагательного, выступающего в функции определения, к группе качественных, относительных или притяжательных прилагательных.

Наряду со случаями непосредственного примыкания определения к определяемому, возможны и другие, представляющие дистантное их расположение. Такая позиция, так же как и перестановка определения, служит средством придания ему большего веса в предложении, усиления его значимости.

Локализационный отрыв определения от определяемого может быть также средством выражения обстоятельственного (напр., *Sina z gniewu twarz przybierała barwę miedzianą...* Prus) или предикативного (напр., *A bór stał dokoła cichy i mroczny.* Kopornicka) оттенка значения определения, особенно в случаях, когда такое определение приближается по своему значению к именной части составного сказуемого.

Разрыв компонентов определительного словосочетания представляет собой исключительно активный структурный способ передачи особых смысловых и синтаксических отношений, обуславливающих соответствующую, выделительную интонацию.

Изменение соотносительного порядка членов определительного словосочетания в случаях, когда представлен их отрыв друг от друга, всегда связано со структурными изменениями всего предложения, приводит к перемещению и остальных его членов.

Таким образом, общая структура всего предложения и расположение отдельных его членов, в частности, позиция определения, взаимосвязаны друг с другом, взаимообусловлены. Между ними устанавливается неразрывная связь отдельного и общего. В. И. Ленин так говорил о связи отдельного и общего: «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного»¹.

Рассмотренные в работе случаи показывают зависимость местоположения определения от общей структуры предложения, хотя определительное словосочетание является обычно наиболее самостоятельным компонентом предложения.

Дистантное построение определительного словосочетания, а также имеющая при этом место постпозиция прилагательного по отношению к существительному также определяют его синтаксическую роль. В этой

¹ В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 329.

позиции прилагательное характеризует не только предмет, с которым оно согласовано по форме, но и действие, совершаемое этим предметом. В содержание такого постпозитивного определения вносится временной или другой обстоятельственный оттенок, подчеркивающий его характерность только для данной ситуации.

Предикативный характер определения — наиболее значительный результат постпозиции качественных прилагательных, локализационных условий, определяющих указанную синтаксическую функцию прилагательного. Постпозиция такого предикативного определения характерна не только для польского, но и для других славянских языков.

Следовательно, локализация прилагательного — препозиция или постпозиция по отношению к определяемому, примыкание к нему или отрыв от него — является чрезвычайно важным фактом, определяющим синтаксическую функцию прилагательного.

Таким образом, слова, соединяясь в предложениях по определенным правилам, выработанным в результате действия внутренних законов развития языка, приобретают определенную структурную организованность, которая обуславливает строение всего предложения и тем самым локализацию отдельных его членов, в частности, определения.

1.

N. S. Trubetskoy. *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift- und Formensystem*. Wien, 1954, 197 S. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 228. Band, 4. Abhandlung).

Настоящая работа Н. С. Трубецкого содержит синхроническое описание фонологической и морфологической системы старославянского языка; кроме того, дан очерк старославянской графики.

Во вступительных замечаниях к книге ее редактор Р. Ягодич пишет, что Н. С. Трубецкой готовил свою грамматику старославянского языка для известной серии «Труды Пражского лингвистического кружка». Смерть (в 1938 г.) застала Н. С. Трубецкого над подготовкой грамматики к печати. Началась война, и в силу ряда неблагоприятных обстоятельств грамматика смогла увидеть свет только в 1954 г. Текст грамматики, переданный Р. Ягодичу для редактирования, не был вполне закончен автором. Так, разделы, посвященные глаголу, наречию и словообразованию, отличались эскизным характером. Кроме того, текст не был отделан в литературном отношении, многое было написано на полях рукописи, библиографические данные были неполны, многие цитаты из старославянских памятников не имели указания на источники. Редактор ставил своей задачей устранить из авторского текста явные ошибки, а также выправить неясные места. В остальном редактор старался сохранить авторский текст по возможности в неприкосновенном виде, даже и в тех случаях, когда несколько своеобразный немецкий язык Н. С. Трубецкого не вполне удовлетворял требованиям немецкой стилистики. Текст грамматики читали в гранках Р. Якобсон и чешский лингвист К. Горалек, которые внесли в него ряд исправлений.

Рассматриваемая грамматика во многом сходна с университетским курсом лекций, который был прочитан Н. С. Трубецким в 1932—1933 учебном году в Венском университете. Этот курс лекций (на немецком языке) был издан в литографированном виде в Вене в 1934 г. По сравнению с курсом лекций, в грамматике отсутствует глава, посвященная выяснению понятия древнецерковнославянского языка и разбору связанных с этим понятием терминов; зато грамматика содержит отсутствующий в курсе лекций раздел о словообразовании (правда, некоторые части этого раздела содержатся и в курсе лекций в виде приложения к разделу о склонении) и, кроме того, в грамматике отдельные разделы изложены подробнее. Так как Н. С. Трубецкой оставил свою грамматику не вполне законченной, то редактор восполнил пробел в разделе о спряжении на основании соответствующего текста в курсе лекций (текст грамматики на стр. 175—180 является повторением текста на стр. 137—142 литографированного курса лекций).

Свое предисловие к грамматике Н. С. Трубецкой начинается следующими словами: «В руководствах по древнецерковнославянскому языку нет недостатка. Из руководств, вышедших в свет до первой мировой войны, некоторые и в настоящее время сохраняют свое значение. Но с тех пор появились еще целый ряд новых руководств, принадлежащих Фортунатову (1919), Лосю (1922), Лер-Сплавинскому (1923), Улашину (1928), Ван-Вейку (1931), Дильсу (1932), а также французская (1929) и чешская (1928) переделка руководства Кульбакина. Одни из этих руководств написаны с «филологическим», другие — с «индоевропейским» уклоном. В целом, однако, можно сказать, что между филологическим и индоевропейским направлениями в славистике никогда не было разобщенности (вроде той, которая имела место в латинской и греческой грамматике), так что большинство существующих руководств удовлетворяют требованиям обоих направлений. Поэтому многим специалистам может показаться излишним появление новых руководств по древнецерковнославянскому языку. Но такое мнение будет ошибочным. Все до сих пор вышедшие руководства по древнецерковнославянскому языку страдают одним и тем же недостатком: они пренебрегают общим языкознанием и современной теорией языка. Этот недостаток дает себя знать во всех разделах древнецерковнославянской грамматики, он препятствует разграничению исторической (диахронической) и статической (синхронической) точки зрения, а также выявлению системы языка, самой по себе. Поэтому лингвисты, мыслящие с точки зрения категорий современной теории языка, вряд ли могут пользоваться имеющимися руководствами по древнецерковнославянскому языку» (стр. 7)¹.

Только что приведенные слова автора ясно формулируют задачу работы. Настоящая книга существенно отличается от ранее вышедших не с точки зрения фактического материала, а в отношении метода исследования фактов языка. Необходимо отметить, что до появления работы Н. С. Трубецкого попытку исследовать старославянский язык в синхроническом плане сделал Улашин. Попытку Улашина автор считает неудавшейся, так как Улашин не сумел порвать с традиционным языкознанием. Работа Н. С. Трубецкого характеризуется именно тем, что она решительным образом порывает с традиционными методами анализа языка. После смерти Н. С. Трубецкого появился еще ряд руководств по старославянскому языку, принадлежащих Малёцкому (1947), Лекову и Мирчеву (1949), Лер-Сплавинскому (1949), Слобскому (1950), Селищеву (1951) и некоторым другим авторам. Но все эти руководства не выходят за рамки традиционного изложения старославянской грамматики. В 1948 г. появилось руководство Вайана, в котором дано синхроническое описание старославянского языка, однако автор этого руководства игнорирует фонологию. Таким образом, слова Н. С. Трубецкого о том, что существующие руководства по старославянскому языку пренебрегают современной теорией языка, остаются в силе и в настоящее время.

Подчеркивая методологическое значение своей работы, Н. С. Трубецкой пишет следующее: «Я не считаю необходимым привлекать новый фактический материал. После грамматик Кульбакина, Ван-Вейка и Дильса почти невозможно и, во всяком случае, довольно-таки бесполезно выискивать в памятниках новые факты: картина не может существенно измениться. Привлечение тех русских памятников XI в.,

¹ В скобках даны ссылки на страницы рецензируемой книги.

в которых, по крайней мере, имела место тенденция к правильному употреблению букв ж, ѡ, Ѧ, было бы, с нашей точки зрения, очень желательным. Однако вряд ли в этом случае изменилась бы существенно картина древнецерковнославянской грамматической системы. И так как соответствующие русско-древнецерковнославянские памятники не все одинаково подробно исследованы, то их привлечение потребовало бы филологических экскурсов, которые отвлекли бы меня от моей основной темы. Поэтому я ограничиваюсь «каноническими» древнецерковнославянскими памятниками, которые, наконец, перечислены у Дильса (5—7), хотя и сознаю, что этот выбор произволен, и в принципе я согласен со взглядами Н. Н. Дурново по этому вопросу. Для меня важно не собирание новых фактов, а раскрытие системных связей, определение для каждого отдельного факта правильного места в общей системе, то есть реконструкция древнецерковнославянской фонологической и морфологической системы, насколько это позволяют сделать наши источники» (11).

Указывая на трудность взятой на себя задачи, Н. С. Трубецкой пишет: «... Я вполне сознаю, что эта задача не только трудна, но и неблагоприятна, и что моя работа не встретит большого сочувствия у моих товарищей по специальности. Тем не менее я считаю необходимым исполнить свой долг» (10).

Первый раздел книги посвящен старославянской графике. В этом разделе дается ряд новых толкований глаголических и кирилловских букв. Так, глаголическую букву М принято читать как [g'], но Н. С. Трубецкой считает, что эта буква обозначала слитный звук [ž'd'], служивший звонким парным звуком по отношению к звуку [s't'], который обозначался буквой Ш (кирилловская ш); буквы ѡ, ѡ, ѡ (глаголические Ѧ, Ѧ, Ѧ) принято читать, соответственно, как [jɛ], [ɔ], [jɔ], но автор толкует их как [eN], [oN], [öN] (транскрипционный знак [N] обозначает носовой согласный с неопределенным местом артикуляции).

Результаты анализа старославянской графики служат основой для изложения фонологической системы старославянского языка, которой посвящен второй раздел книги. Н. С. Трубецкой устанавливает в старославянском языке 11 гласных фонем — [u], [ü], [o], [ö], [a], [ä], [e], [y], [i], [ъ], [ь] и 26 согласных фонем — [b], [c], [č], [d], [(f)], [g], [k], [l], [l̥], [m], [n], [ŋ], [N], [p], [r], [r̥], [s], [š], [t], [v], [x], [z], [ž], [z̥], [ʃ], [ʃ̥]. Знак [ʃ̥] применяется для обозначения сочетания [s't̥], а знак [ʃ̥] — для обозначения сочетания [ž'd̥]. Знак [f] взят в скобки, так как фонема, обозначаемая этим знаком, встречалась только в заимствованных словах.

На основании исследования корреляций гласных фонем Н. С. Трубецкой устанавливает следующие шесть гласных архифонем: [A], [O], [U], [Ə], [E], [I].

Важную роль в исследовании гласных фонем играет понятие частной системы. Понятие частной системы вытекает из проблемы сочетаемости фонем. Дело в том, что в разных позициях противопоставляется разное количество фонем. В старославянском языке ни в одной позиции не противопоставлялись сразу все 11 гласных фонем. Позиция максимального различия гласных фонем имела место перед всеми согласными, кроме [N]. В этой позиции существовала частная система гласных, состоящая из 10 фонем. В эту частную систему входили все гласные фонемы, кроме [ö]. Позиция минимального различия фонем имела

место после согласного [N]. В этой позиции существовала частная система, состоящая из трех гласных — [ö], [e], [i]. Н. С. Трубецкой установил в старославянском языке 11 частных систем гласных фонем.

Большое внимание Н. С. Трубецкой уделяет исследованию законов сочетаемости согласных фонем в старославянском языке. Даны также сведения о частоте употребления гласных и согласных фонем. Специальная глава посвящена рассмотрению просодической системы старославянского языка — структуре слога, ударению и количеству. Отдельно рассматриваются диалектные видоизменения фонологической системы старославянского языка.

Фонологическая система, установленная Н. С. Трубецким, обращает на себя внимание своей абстрактностью. В ней отсутствуют принятые во всех руководствах носовые гласные, отсутствует [j]; гласные фонемы сведены в более абстрактные фонологические единицы — архифонемы.

Спрашивается: насколько оправданной можно считать такую концепцию фонологической системы старославянского языка?

В пользу отсутствия носовых гласных в старославянском языке говорит то обстоятельство, что в древнейших памятниках старославянского языка, написанных глаголицей, носовой элемент обозначался специальным знаком Ѣ, который включался в состав лигатур. Далее, в заимствованных словах наряду с написаниями *septeNbra* (Acc.), *poN'ь-skutu* (Син. тр.), *aNφ (e)l* (Син. пс.) встречаются и такие написания: *klimen'a* (К. мисс.), *anφel* (К. мисс.), в которых между согласным [n] и следующим задним согласным не вставлялись редуцированные гласные, — это дает повод думать, что в старославянском языке иностранное [n] отождествлялось со старославянским [N].

Конечно, против этого можно спорить. Вообще говоря, нельзя с уверенностью утверждать, что в старославянском языке не было носовых гласных. Сам Н. С. Трубецкой допускает, что перед гласными и в абсолютном конце слова [N] произносилось как неслоговой носовой гласный. Однако в этом вопросе надо строго различать фонетическую и фонологическую точку зрения. Мы можем придерживаться традиционного взгляда, что в старославянском языке существовали носовые гласные, но, с фонологической точки зрения, мы имеем право рассматривать эти носовые гласные как сочетания чистых гласных с носовым элементом [N]. Вопрос о том, существовали ли в старославянском языке носовые гласные, можно считать спорным, но никто не будет спорить против того, что в состав старославянской фонологической системы входил нейтральный носовой элемент, служащий дифференциальным признаком. А для фонологии самое важное — выявление дифференциальных признаков.

В традиционных руководствах по старославянскому языку указывается согласный [j]. В старославянском языке такой согласный, действительно, существовал. Но этот согласный не был самостоятельной фонемой. Сочетания [jä], [jö], [jü] после гласных и в начале слова, а также сочетания [je], [ji] после гласных служили вариантами фонем [ä], [ö], [ü], [e], [i], поскольку эти фонемы не встречались без [j] в только что указанных позициях; а так как [j] в других позициях вообще не употреблялся, то он не мог быть самостоятельной фонемой. С фонологической точки зрения, старославянский [j] можно сравнить с так называемым твердым приступом в немецком языке — гортанным согласным, который, встречаясь в немецком языке только в начале слова перед гласным, не является в этом языке самостоятельной фонемой. Однако есть языки, где этот звук играет фонологическую роль.

Наконец, рассмотрим вопрос об архифонемах. Как установил Н. С. Трубецкой, в старославянском языке противопоставления [a] — [ǎ], [o] — [ǒ], [e] — [o], [u] — [ǔ], [y] — [i], [ъ] — [ь] нейтрализовались в определенных позициях. В результате, в этих позициях возникали фонологические единицы, которые по своим дифференциальным признакам не были тождественны ни одному из членов нейтрализуемых противопоставлений. Эти фонологические единицы и есть не что иное как архифонемы.

В связи со старославянскими архифонемами надо сделать следующие замечания. Теоретическое определение понятия архифонемы, приводимое в рассматриваемой работе, нельзя считать правильным. Согласно Н. С. Трубецкому, архифонема есть «совокупность общих фонологических признаков двух фонем, связанных друг с другом отношением корреляции» (61). Если принять это определение, то мы должны считать архифонему не реальной фонологической единицей, а просто определенной совокупностью фонологических, или иначе — дифференциальных признаков. С этим согласиться нельзя. Дифференциальные признаки существуют не сами по себе, а как характеристика определенных единиц. Конечно, мы отличаем архифонему от членов нейтрализуемых противопоставлений именно по ее дифференциальным признакам, но сама архифонема представляет собой реальную фонологическую единицу. Правда, архифонемы не равнозначны обыкновенным фонемам, поскольку употребление архифонем ограничено строго определенными позициями. Более того, поскольку каждая архифонема характеризуется совокупностью общих дифференциальных признаков двух фонем, то архифонема представляет собой, в сущности, результат смещения противопоставляемых фонем, и поэтому ее целесообразно называть смешанной фонемой. Однако и как смешанная фонема архифонема всегда является реальной фонологической единицей.

Так как Н. С. Трубецкой не считает архифонемы реальными фонологическими единицами, то это обстоятельство ведет к недоразумениям в его работе. Так, Н. С. Трубецкой (70) говорит об архифонеме [I], которая, будто бы, существовала в позиции перед гласными. Но ведь в этой позиции не было нейтрализации противопоставления [i] — [y], на что указывает, скажем, такой пример: [biðN] — [myðN]. Этот пример, показывающий, что в позиции перед гласными могло употребляться как [i], так и [y], кстати, приведен у самого Н. С. Трубецкого (68). Таким образом, если считать архифонему реальной фонологической единицей, то нельзя говорить о том, будто в позиции перед гласными в старославянском языке существовала архифонема [I].

Далее, так как Н. С. Трубецкой устанавливал архифонемы в старославянском языке на основании общих дифференциальных признаков у двух противопоставляемых фонем, то перечень архифонем оказался у него неполным. Как сказано выше, Н. С. Трубецкой установил в старославянском языке следующие архифонемы: [A], [O], [E], [U], [I], [Ə]. Этот перечень архифонем можно принять не потому, что у членов противопоставлений [a] — [ǎ], [o] — [ǒ], [e] — [o], [u] — [ǔ], [ъ] — [ь] были общие дифференциальные признаки, а потому только, что эти противопоставления нейтрализовались. Но если стать на точку зрения нейтрализации, единственно правомерную при определении архифонем, то перечень архифонем, приведенный в книге Н. С. Трубецкого, необходимо пополнить еще двумя архифонемами. Ведь, как показал сам Н. С. Трубецкой, противопоставления [i] — [ь] и [y] — [ь] нейтрализуются перед гласными, а также и в других позициях. Отсюда

следует, что в результате пейтрализации этих противопоставлений тоже должны возникать архифонемы, — их можно обозначить так: [I] и [Y]. Таким образом, мы приходим к выводу, что в старославянском языке существовало семь архифонем [A], [O], [E], [U], [I], [Θ], [I], [Y].

Если внести в концепцию старославянской фонологической системы, представленную в книге Н. С. Трубецкого, только что предложенное исправление, то в таком виде эту концепцию следует признать вполне обоснованной.

Я уже приводил слова Н. С. Трубецкого о том, что его работа не может встретить большого сочувствия у славистов. Эти слова были написаны более 15 лет назад. Теперь, когда структурная теория языка получила общее признание в мировом языкознании и усиленно разрабатывается во всех крупных мировых центрах лингвистической науки, дело обстоит иначе. Опубликование книги Н. С. Трубецкого найдет отклик среди самых широких кругов славистов и безусловно окажет благотворное влияние на разработку истории славянских языков с точки зрения структурной теории языка. В связи с этим мне представляется целесообразным остановиться на значении фонологического исследования старославянского языка в книге Н. С. Трубецкого.

Как я уже сказал, концепция фонологической системы в книге Н. С. Трубецкого обращает на себя внимание своей абстрактностью. В связи с этим у неискушенного в фонологии читателя может возникнуть вопрос: а не отдаляют ли нас все эти архифонемы и разные другие абстрактные построения от языковой действительности? Не лучше ли нам продолжать изучение старославянского языка в русле доброго традиционного языкознания?

Вспомним слова В. И. Ленина: «Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹.

Эти слова В. И. Ленина показывают, какую важную роль играют научные абстракции в познании действительности. Научные абстракции позволяют исследователю глубоко проникнуть в сущность явлений действительности. Конечно, речь идет о правильных абстракциях. Но правильность фонологических абстракций уже давно проверена исследовательской практикой на материале самых разнообразных конкретных языков. Сила фонологических абстракций в том и состоит, что они позволяют справиться с трудностями, преодолеть которые не в состоянии традиционная фонетика. Приведем пример из старославянского языка.

В старославянском языке имели место колебания между [i], [y] и [ь], [ъ]. Так, в старославянских памятниках встречаются написания — биѣж [biōN] и быѣж [bьōN], выинѣж [vuiноN] и вьинѣж [vьinoN]. Спрашивается: какова причина этих колебаний? Традиционная фонетика не может ответить на этот вопрос. Но фонология, благодаря понятию архифонемы, находит разгадку этого влияния. Данный вопрос рассмотрен в книге Н. С. Трубецкого (70). Если отвлечься от неправильного толкования Трубецким понятия архифонемы, то решение этого вопроса сводится к следующему. В позициях перед гласными противопоставления [i] — [ь] и [y] — [ъ] пейтрализуются. В результате возникают архифонемы [I] и [Y]. Но так как вариантом всякой архифонемы может быть любой член пейтрализованного противопоставления, то вариантом

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 146.

архифонемы [Ī] может быть как [i], так и [ъ], а вариантом архифонемы [Ÿ] — как [y], так и [ѣ]. Отсюда становятся понятными только что указанные колебания в написаниях старославянских слов.

Мы видим, что понятие архифонемы не только не отдаляет нас от языковой действительности, а, напротив, приближает к ней и позволяет проникнуть в сущность изучаемых фактов. Точно так же дело обстоит и с остальными фонологическими абстракциями. Значение фонологических абстракций состоит в том, что они раскрывают сущность звуковой стороны языка. Именно с этой точки зрения следует оценивать фонологическое исследование старославянского языка в книге Н. С. Трубецкого. Фонологическое исследование Трубецкого, в целом, правильно раскрывает сущность звуковой стороны старославянского языка, оно поднимает изучение звуковой стороны старославянского языка на новую ступень.

Н. С. Трубецкой включил в состав своего фонологического исследования анализ альтернатив старославянского языка. Теорию альтернатив Трубецкой называет морфонологией и рассматривает ее как часть фонологии.

Возникает вопрос: можно ли считать правильным включение теории альтернатив в состав фонологии?

Фонологию подстерегают две серьезные опасности: смешение с фонетикой и смешение с морфологией. Учение о фонеме, как известно, возникло еще в конце XIX в. Но долгое время разработка учения о фонеме не делала существенных успехов. Почему? А потому, что исследователи не давали себе ясного отчета в принципиальном различии между звуком и фонемой, в том, что понятие фонемы нельзя сводить к понятию звука. В результате, оба эти понятия смешивались между собой. Конец этому смешению положила функциональная теория фонем, созданная Н. С. Трубецким. Возникновение функциональной теории фонем явилось революцией в учении о фонеме, потому что именно функциональная теория фонем выделила учение о фонеме в самостоятельную науку — фонологию — и противопоставила эту науку фонетике. Но если Трубецкой положил конец смешению учения о фонеме с фонетикой и вывел его на самостоятельную дорогу, то, включив в фонологию теорию альтернатив, он дает повод для смешения фонологии с морфологией. В самом деле, что представляет собой альтернатива? Возьмем старославянские слова *vьk* — волк и *vьčica* — волчица. В этих словах мы находим альтернативу [k] — [č], где [k] связано со значением мужского рода, а [č] — со значением женского рода. В старославянском языке [k] и [č] — это прежде всего разные фонемы; но, как разные фонемы, они не связаны ни с какими значениями и употребляются просто для различения разных слов. Однако, как члены альтернативы, [k] и [č] являются уже не только фонемами, но и морфологическими элементами, поскольку они связаны с определенными грамматическими значениями. Нужно делать строгое различие между [k] и [č] как фонемами и [k] и [č] как альтернантами. Отсюда ясно, что теория альтернативы относится не к фонологии, а к морфологии. Надо сказать, что многие крупные лингвисты смешивали понятие фонемы с понятием альтернанта, — среди таких лингвистов можно назвать Боуэна де Куртенэ, Сэпира, Балли. В результате смешения понятия фонемы с понятием альтернанта, эти лингвисты смешивали учение о фонеме с морфологией. Что касается Н. С. Трубецкого, то он строго различает фонемы и альтернанты. В работе Н. С. Трубецкого теория альтернатив служит всего лишь чисто внешним придатком к фонологии, который логически

с ней не связан. Однако самый факт включения теории альтернатив в фонологию представляет серьезную ошибку Н. С. Трубецкого. Во-первых, это ошибочно в теоретическом отношении, а во-вторых, появляется повод для смешения фонологии с морфологией у лингвистов, склонных смешивать понятие фонемы с понятием альтернанта. А опасность смешения фонологии с морфологией велика, о чем свидетельствуют примеры этого смешения даже у крупных лингвистов. Поскольку теория альтернатив не имеет никакого отношения к фонологии, то следует признать ошибочным и термин «морфонология», который Н. С. Трубецкой употребляет в качестве названия для теории альтернатив. Никакой морфонологии не существует, — есть теория альтернатив, которая составляет часть морфологий.

Все только что сказанное несколько, конечно, не подрывает значения того глубокого анализа старославянских альтернатив, который дан в работе Н. С. Трубецкого. Речь идет только о том, что раздел, посвященный старославянским альтернативам, неправомерно включен Н. С. Трубецким в состав фонологии старославянского языка.

В грамматической части работы Н. С. Трубецкого рассматривается система склонения, система спряжения и система словообразования в старославянском языке.

Как известно, одной из центральных проблем современной теории языка является проблема тождества. Эта проблема подчиняет себе все остальные проблемы как в фонологии, так и в грамматике.

Задача исследователя должна состоять в том, чтобы раскрывать те внутренние закономерности структуры языка, благодаря которым связываются между собой на первый взгляд совершенно разнородные факты. В этом отношении структурная теория языка коренным образом отличается от традиционного языкознания. Так, для эмпирической традиционной фонетики разные звуки — это всегда разные звуки, а одинаковые звуки — это всегда одинаковые звуки. Но для фонологии, раскрывающей сущность звуковой стороны языка, разные звуки могут скрывать в себе тождество, и, напротив, одинаковые звуки — таить в себе глубокие внутренние различия. Все дело не во внешних сходствах и различиях между звуками, а в глубинных внутренних связях между ними. Так же, как в фонологии, мы должны поступать и в грамматике: структурная теория языка требует, чтобы мы не оставались на поверхности фактов не только при изучении звуковой стороны языка, но и при изучении его грамматического строя.

С точки зрения требований структурной теории языка, описание грамматического строя старославянского языка в существующих руководствах нельзя признать удовлетворительным.

Возьмем описание склонения в старославянском языке. Представители традиционного языкознания рассматривают отдельно склонение прилагательных, склонение местоимений, склонение числительных. Спрашивается: есть ли основание для того, чтобы сводить описание склонения в старославянском языке к описанию склонения отдельных частей речи? Как показывает работа Н. С. Трубецкого, никаких оснований для этого нет. Н. С. Трубецкой раскрывает внутреннее тождество между разнородными на первый взгляд категориями склонения и, таким образом, излагает систему склонения в старославянском языке именно как систему, а не как механическую сумму разных категорий склонения.

Прежде всего Н. С. Трубецкой устанавливает рациональную классификацию склоняемых слов в старославянском языке. Для этой классифика-

ции существенна категория рода. С точки зрения категории рода, все склоняемые слова в старославянском языке разделяются на две группы: в первую группу входят слова, имеющие определенный род (мужской, женский или средний), который не зависит от изменения этих слов по падежам; ко второй группе принадлежат слова, не имеющие собственного рода, — они обладают только «синтаксическим» родом, то есть их родовая форма изменяется в зависимости от рода тех слов, которые ими определяются. В первую группу входят все существительные и большинство количественных числительных (кроме *edin*, *dъva*, *oba*, *trie*, *četyre*); ко второй группе относятся все остальные склоняемые слова, кроме личных местоимений, — эти последние занимают особое место: их род изменяется в зависимости от ситуации, но не получает формального выражения. Если слова второй группы Н. С. Трубецкой называет словами, имеющими синтаксический род, то слова первой группы можно назвать словами, имеющими морфологический род.

Слова, имеющие синтаксический род, в свою очередь разделяются на две группы, смотря по тому, существует ли в их падежных формах противопоставление категорий определенности и неопределенности. Это противопоставление категорий определенности и неопределенности имело место у всех прилагательных (кроме собственно прилагательных, образуемых от названий живых существ, у всех порядковых числительных, у всех причастий, у некоторых местоимений (*такъ*, *какъ*, *таковъ*, *каковъ*, *сичевъ*, *толикъ*, *коликъ*, *selikъ* и, вероятно, также *kotorъ*, хотя последнее и засвидетельствовано в старославянских текстах только в определенной форме).

Таким образом, классификация склоняемых слов в старославянском языке может быть представлена в виде следующей схемы:

I. Слова с неизменяющимся, морфологическим родом;

II. Слова с изменяющимся, синтаксическим родом.

A. Без противопоставления категорий определенности и неопределенности.

B. С противопоставлением категорий определенности и неопределенности.

Эта классификация не имеет прямого соответствия с классификацией слов по частям речи. Хотя существительные входят только в первую группу, однако прилагательные, например, распределяются между рубриками II A и II B; одни количественные числительные подходят под рубрику I, а другие под рубрику II A.

Установив рациональную классификацию склоняемых слов, Н. С. Трубецкой далее определяет понятие парадигмы склонения: парадигма склонения есть совокупность форм склонения, которые могут быть образованы от данного слова. Он приводит интересные статистические данные, характеризующие иерархию старославянских парадигм склонения с точки зрения богатства форм. Наиболее богатыми были парадигмы слов, входящих в группу II B; они имели 49 форм склонения, посредством которых выражались 6 падежей в 3 родах, 3 числах, в определенном и неопределенном значении, то есть всего 108 грамматических категорий. Парадигмы группы II A были беднее: посредством форм этих парадигм выражались только 54 грамматические категории; притяжательные местоимения имели 27 форм, а указательные местоимения — 22 формы. Еще беднее были парадигмы группы I, формы которых выражали всего 18 грамматических категорий; количество отдельных форм колебалось в этих парадигмах между 11 (напр., *masъ*) и 14 (напр.: *žeka*, *logъ*). Самыми бедными были парадигмы слов, не

изменявшихся по числам: эти парадигмы имели обычно 5 форм, но некоторые из них имели 6 (напр.: *trie*, *četyre*, *ludie*) или 4 формы (*dъva*, *oba*); посредством форм этих парадигм выражалось от 6 до 18 грамматических категорий.

Типы склонений устанавливаются по чисто формальным признакам: с точки зрения формального тождества и различия между окончаниями, независимо от того, к каким частям речи принадлежат склоняемые слова. Н. С. Трубецкой устанавливает четыре типа склонения в старославянском языке:

I. Все слова, имеющие категорию определенности (т. е. слова группы ПБ: прилагательные, порядковые числительные, причастия и некоторые местоимения). В зависимости от твердости или мягкости основ, окончания в этом типе склонения существовали в двух видах.

II. Склонения местоимений, а также слов *dъva*, *oba*, *edinъ*, *tri*. В зависимости от твердости и мягкости основ, окончания в этом типе склонения существовали в двух видах.

III. Существительные мужского и женского рода с противопоставлением основ по твердости и мягкости, существительные среднего рода, неопределенные прилагательные, некоторые местоимения (*eterъ*, *kakovъ*, *takovъ*, *akovъ*, *sicevъ*, может быть также *kolikъ*, *elikъ*, *tolikъ*, *selikъ*) и некоторые числительные (*szto*, *tyseNъpi*, *tъma*). В зависимости от твердости и мягкости основ, окончания в этом типе склонения существовали в двух видах.

IV. Существительные мужского и женского рода без противопоставления основ по твердости и мягкости. В этом типе склонения окончания существуют только в одном виде. К этому типу склонения относятся некоторые числительные (*peNъ*, *šestъ*, *sedmъ*, *osmъ*, *deveNъ*, *deseNъ*, *trie*, *četyre*).

Рассматривая эти четыре типа склонения, мы видим, что здесь Н. С. Трубецкой оставляет в стороне всякого рода семантические и диахронические соображения и опирается только на принцип формальной однородности окончания в согласии с требованиями структурной теории языка. Возьмем, например, разделение существительных по родам. В старославянском языке род существительных сам по себе был не семантической, а формальной категорией, поскольку родовые различия выражались формальными показателями. Однако формальные различия между парадигмами склонения существительных были связаны не с родовыми различиями, а с принципом противопоставления основ по твердости и мягкости. С точки зрения этого принципа, одни существительные относятся к третьему типу склонения, а другие — к четвертому. Далее, в существующих руководствах по старославянскому языку имеет место смешение синхронической и диахронической точек зрения. Так, например, в особый тип склонения выделяются слова типа *synъ*. С диахронической точки зрения, слова типа *synъ* могут быть выделены в особый тип склонения (склонение слов с основой на *-n-*), но в синхроническом плане склонение этих слов не является самостоятельным. Поэтому, анализируя склонение слов типа *synъ*, Н. С. Трубецкой рассматривает окончания *-u* (родительный и местный падежи единственного числа), *-ovi* | *-evi* (дательный падеж единственного числа) как факультативные варианты соответствующих нормальных окончаний *-ā* | *-a* и *-u* | *-ū*: как факультативные варианты соответствующих нормальных окончаний рассматриваются и остальные специфические падежные окончания слов типа *synъ* во множественном и двойственном числе.

Перейдем к разделу о спряжении в книге Н. С. Трубецкого. Здесь, как и в разделе, посвященном склонению, Н. С. Трубецкой последовательно опирается на принципы структурной теории языка.

Серьезным недостатком в анализе спряжения в существующих руководствах по старославянскому языку является то обстоятельство, что авторы этих руководств нарушают принцип синхронического тождества. Возьмем, например, известную работу А. Вайана — одно из лучших современных руководств по старославянскому языку¹. Остановимся на анализе форм аориста в этой работе. А. Вайан различает пять типов аориста: обычный тип *molixъ*, три типа *jeNsъ*, *väsъ* (вариант *räxъ*, 2 и 3 лицо *vede*, *reče*), *idъ* и новый тип *vedoxъ* (*rehoxъ*, *idoxъ*). Что можно сказать об этой классификации? Прежде всего нет никаких оснований противопоставлять друг другу тип *jeNsъ* и тип *väsъ* — это разновидности одного и того же типа аористов на *-s-*. Далее, тип *räxъ* не есть вариант типа *väsъ*, — тип *räxъ* относится к типу аористов на *-x-*. Последовательно опираясь на принцип синхронического тождества, Н. С. Трубецкой различает четыре главных типа аористов в старославянском языке: асигматический аорист, аорист на *-s-*, аорист на *-x-* и новый тип аориста на *-x-* — аорист на *-ox-*. Продуктивными были два последних типа. В книге приведены обстоятельные статистические данные, показывающие, как аорист на *-ox-* постепенно вытеснял асигматический аорист и аорист на *-x-* у основ на шумные согласные (напр.: *togoxъ*, *idoxъ* вместо *togъ*, *idъ* и *rehoxъ*, *tehoxъ* вместо *räxъ*, *äxъ*).

Необходимым условием последовательного анализа синхронических тождеств и различий является четкое разграничение продуктивных и непродуктивных образований. При описании типов спряжения Н. С. Трубецкой устанавливает иерархию глагольных групп с точки зрения продуктивности. Н. С. Трубецкой различает четыре группы глаголов: 1) продуктивную группу; 2) группу, продуктивность которой является вероятной, но не может быть надежно установлена; 3) непродуктивную группу; 4) группу совершенно неправильных глаголов.

В первую группу входят три типа глаголов:

А. К первому типу относятся глаголы с едиными для всех форм основами на гласные. Сюда принадлежали глаголы с многочисленными основами на *-a-* и на *-ä-* (напр.: *dälati*, *cäläti*), а с односложными основами — только *znati*, *greti*, *späti*, *smäti*. Сюда же принадлежали некоторые глаголы с односложными основами, оканчивающимися на другие гласные: все глаголы с односложными основами на *-y-*, *-i-* (*kry'i*, *myti*, *ry i*, *pi i*, *vi'i*, *biti*, *šiti*); некоторые глаголы с основами на *-u-*, *-ü-* (*duti*, *cü i*); кроме того, глагол *vъpiti* (*vъzъpiti*).

Б. Ко второму типу относятся глаголы с основой на *-u-* | *-ova-* (*-ü-* | *-eva-*), напр.: *kupovati*, *nepъ Ѡeva'i*.

В. К третьему типу относятся глаголы с основой на *-i-* (напр., *prosi'i*). Это *-i-* выпадало в некоторых формах (ср., напр.: *prosiхъ*, *prosiiti*, *prosi-ъ*, *prosilъ*, *prošaax*, *prošenъ*).

Во вторую группу входят тоже три типа глаголов:

А. К первому типу относятся глаголы с основами настоящего времени на мягкие согласные, чередующиеся с соответствующими твердыми согласными в основах аориста (напр.: *räžöN*—*räzaxъ*, *lъžöN*—*lъgaxъ*).

Б. Ко второму типу относятся глаголы с основой настоящего времени на *-i-* и основой аориста на *-ä-* (напр.: *trъplöN*, *trъpiši*, *trъpäxъ*, *-äti*, *-ä-ъ*, *-änъ*, *-ävъ*).

¹ А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. Перевод с французского В. В. Бородин. М., 1952.

В. К третьему типу относятся глаголы с носовым суффиксом. Этот суффикс выступал как *-n-* + задняя гласная фонема в основе настоящего времени, как *-noN-* — в основе аориста и как *-noven-* в страдательном причастии (напр.: *dunoN*, *duneži*—*dunoNxъ*, *dunoN:i*—*dunovenъ*).

В третью группу входят все непродуктивные глаголы, кроме *imatъ*, *datъ*, *byti*, которые как совершенно неправильные Трубецкой относит к четвертой группе.

В своей работе Н. С. Трубецкой строго разграничивает морфологические и лексические явления, которые в существующих руководствах по традиции смешиваются. Так, например, в описание склонения вводится описание степеней сравнения прилагательных, образование порядковых числительных и другие вопросы, которые относятся в действительности к словообразованию. В книге Н. С. Трубецкого все эти вопросы включены в раздел словообразования.

Подведем итог. Книга Н. С. Трубецкого представляет собой первое руководство по старославянскому языку, в котором структурная теория языка последовательно применена к описанию фонологической и морфологической систем старославянского языка. Значение книги Н. С. Трубецкого состоит в том, что она преодолевает разобщенность между структурной теорией языка и конкретными исследованиями в области старославянского языка и тем самым поднимает изучение старославянского языка на новую ступень.

С. К. ШАУМЯН

2.

P. Zwoliński. *Liczebniki zespolowe typu samotrzeć w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim.* Polska Akademia Nauk. «Prace językoznawcze», № 2, Wrocław, 1954.

Монография польского лингвиста П. Зволинского «Совместные числительные типа *samo'rzec'* в польском языке на почве славянской и индоевропейской» посвящена исследованию очень интересных образований от числительных, которые, кроме польского, известны всем другим славянским (за исключением болгарского) и которые, как можно думать, были известны и праславянскому языку.

Несмотря на древность этих форм, их своеобразную семантическую характеристику, они, к сожалению, до последнего времени оставались как-то в тени и только к случаю вспоминались в той или другой связи. Поэтому работа П. Зволинского очень своевременна и представляет определенный научный интерес не только для полонистов, но и для славистов вообще.

Названные формы автором исследуются в историческом плане с точки зрения семантики, словообразования и синтаксического употребления. Кроме богатого польского материала, исследователем использован значительный инославянский материал и данные некоторых других индоевропейских языков (санскрита, древнегреческого и немецкого).

Рецензируемая работа состоит из «Введения» (стр. 3—7) и шести разделов: «Совместные числительные в славянских языках» (стр. 8—10), «Совместные числительные в польском языке» (стр. 11—64), «Совместные числительные в южнославянских языках» (стр. 65—67), «Совместные числительные в восточнославянских языках» (стр. 68—71), «Совместные числительные в западнославянских языках» (стр. 72—76), «Совместные

числительные в других индоевропейских языках» (стр. 77—82). В конце работы приведен список использованной литературы (стр. 83—91).

Такое размещение материала, на наш взгляд, может вызвать некоторые замечания. Очевидно, лучше было бы анализ описываемых форм в других западославянских языках дать сразу же после польских, а уже затем — в восточнославянских и, наконец, южнославянских. Целесообразность такого размещения подсказывается самим исследуемым материалом (близость форм и т. п.), не говоря уже о близости между разными славянскими группами языков.

Первый раздел рецензируемой работы посвящен общей характеристике описываемых форм в славянских языках. Славянские формы типа *самъ другъ* образовались в результате соединения местоимения *самъ* и нечленной (а позже и членной) формы порядкового числительного. Употреблялись эти формы только относительно лиц и обозначали «один среди такого количества, на которое указывает числительное»: *самъ четвертъ* — «я [ты, он] и еще три». Раньше оба компонента этих сочетаний (и местоимение и числительное) склонялись отдельно, согласуясь между собой в роде, числе и падеже.

Как иллюстрацию к этому положению автор дает единственный пример из Супрасльской рукописи: самого третьего. Заметим, что примеры такого употребления этих сочетаний, кроме старославянского, имеются еще в древнерусском и древнечешском языках, о чем автор не упоминает. А это следовало бы сделать. Положение о древней грамматической организации этих сочетаний было бы более аргументировано и убедительно. Кстати, и древнерусские и древнечешские примеры автору исследования известны (см. стр. 68—69, 72—73).

В древнепольском и других славянских языках в таком виде эти формы не сохранились, здесь произошло слияние компонентов в одно слово (лексикализация): *Jakom ja nieotbijał Marcinowi samow'or żyta siłą.* (1400 г., стр. 11) и др. Эти лексикализованные (как раньше и нелексикализованные) формы употреблялись в атрибутивной (чаще при подлежащих) и атрибутивно-предикативной функции (в роли именной части составного сказуемого). Будучи определением к подлежащему или присвязочным сказуемым, эти формы обычно стояли в именительном падеже. Употреблялись они и в косвенных падежах, правда, значительно реже, когда выступали определениями к дополнению: *Jakom ja nie postać syna samoosma odbić ciężej rządzczynej czeledzi* (1436 г., стр. 39). Со своей стороны отметим, что аналогичные примеры имеются и в древнерусском: *А мостнику самому другу ѡхати на дву конехъ съ отрокомъ* (Русск. правда); *мы сказуем Петру самому третью присягнуть* (Стат. Казим., 1347 г.) и др.

Как верно отмечает автор в другом месте (стр. 43), описываемые формы по своей синтаксической функции близки к наречиям-обстоятельствам. Независимо от того, относились ли эти формы к сказуемому (и были именной частью составного сказуемого) или к подлежащему (а мы добавим: «или к дополнению»), они одинаково тяготели к сказуемому. Это обстоятельство и было причиной последующей адвербиализации их в большинстве славянских языков (в польском, русском, белорусском, украинском, сербском). В некоторых языках, обычно в диалектах, еще и до сего времени сохраняются формы типа имен прилагательных (в украинском, чешском, словацком, словенском). В отдельных случаях от этих форм числительных образовались имена существительные (см. ниже).

Во введении, отметив отсутствие исследований в этой области, автор подымает вопрос о месте этих форм в системе имени числительного и о названии их. Квалификация этих форм Я. Лосем как порядковых сложных имен числительных автору кажется слишком общей¹, а определение их Г. Гаертнером как сложных смешанных числительных — нечетким, ибо под это название подходят и такие образования, как *póttora*, *półtrzecia*². Хотя описываемые формы и близки по значению к собирательным числительным, П. Зволинский справедливо отмечает, что их нельзя отнести к этим последним по двум причинам: во-первых потому, что они отличаются формой и синтаксическими функциями; во-вторых потому, что они отличаются семантикой, т. е. могут употребляться только относительно лиц, в то время как собирательные могут употребляться и применительно к животным и применительно к неживым предметам³. В связи с этим П. Зволинский предлагает свое название для этих форм — совместные (групповые) числительные — *liczebniiki zespolowe* (стр. 7). По его мнению, эти совместные числительные в общей системе имени числительного следует поместить в группе сложных количественных недробных рядом с основными и собирательными. По нашему мнению, предложенный П. Зволинским термин, вообще удачный и целесообразный, может быть принят лишь с некоторыми уточнениями. Он подходит только для неадвербиализованных форм типа старославянских *самъ другъ*, *самъ третий*; старопольских *samowtor*, *samotrzeci*, *samoczwarti*; древнерусских *самъ третій*; украинских диалектных *самодругий*, *самонїатий* (см. ниже)⁴; словацких *samodru'ij*, *samotretij*; словинских *san drugi*, *sam tretji* и т. п. Эти формы можно назвать числительными. И в связи с тем, что они характеризуются определенными лексико-грамматическими особенностями в отличие от других форм имени числительного, целесообразно их выделять в отдельную группу и иметь для них отдельное название. Предложенный новый термин совершенно не подходит для современных польских *sam wtór*, *sam trzec'*; русских диалектных *сам-друг* (-вдвоем) и т. п.; белорусских диалектных *сам-друг* (-вдвое), *самтретць* (-втрое); украинских диалектных *самодруг*, *самотреть*, *самотрїть* (см. ниже) и т. п.; сербохорватского диалектного *sam sedmo*, которые всегда употребляются как обыкновенные наречия. Не подходит этот термин и для имен существительных, образованных от этих числительных, например: чешского и словацкого *samodruhá*, украинского диалектного *самодру́га*, нижнелужицкого *samodruha*, словинского *sanodruha* — везде со значением «беременная»; древнечешского *sam dru'ij* в значении «добрый друг» (блуждающий рыцарь, который ездит со слугой), шутовское «вор».

В книге все это не учитывается и, кроме собственно совместных числительных, этот термин применяется и к наречиям и к существительным, которые этимологически восходят к этим числительным.

Следовательно, если уж принимать предложенный П. Зволинским термин, его следует относить только к формам типа имен прилагатель-

¹ J. L o ś. Gramatyka polska, III. Lwów—Warszawa—Kraków, 1927, str. 137.

² H. Gaertner. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Lwów—Warszawa, 1938, str. 160.

³ Например, И. Панькевич украинские закарпатские формы *самодругий*, *самотретий* и тому подобные без всяких оговорок называет собирательными. Безусловно, это требует уточнения. См. И. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, I. Прага, 1938, стр. 295—296.

⁴ Украинские диалектные примеры даются украинской фонетической транскрипцией.

ных. Что же касается места этих форм (типа прилагательного) в системе имени числительного, то, на наш взгляд, их скорее следует поставить между собирательными и порядковыми. С первыми они сближаются в какой-то мере семантикой, со вторыми формой и синтаксическим использованием.

Основным и наиболее удачным разделом книги является второй, где рассматриваются описываемые формы в польском языке (стр. 11—64). Этот раздел богат интересным иллюстративным материалом, старательно собранным автором из многих древнепольских памятников и произведений более позднего периода. Автор показывает, что в древнепольском такие образования чаще всего употреблялись от числительных «два» и «три», реже от «четыре—шесть», еще реже от «семь—одиннадцать» и совсем редко от больших чисел. Наивысшим числом для таких образований засвидетельствовано числительное «двадцать» — *samodwudziest* (около 1500 г.) и *samodwadziest* (1549 г.).

До XV в. описываемые образования имели нечленные формы, в начале XV в. появляются членные, которые уже в XVI в.¹ полностью вытесняют нечленные, за исключением формы именительного падежа единственного числа мужского рода. С половины XVII в. эти формы типа прилагательного **начинают** адвербиализоваться и постепенно отмирают. Это отмирание проявляется и в сужении количества форм: употребляются формы от *samowtór*, *samosiódni*, позже — *samosiódni*, и, наконец, осталось только две первых: *samowtór* и *samotrzec'*. В конце раздела автор останавливается на употреблении этих форм в XVIII—XX вв. В XVIII в., как он свидетельствует, они совсем не употребляются, в XIX в. фиксируются только *samowtór* и *samotrzec'*, но уже только как наречия. В произведениях писателей XX в., в частности таких, которые увлекаются языковыми архаизмами, эти формы возрождаются, но часто употребляются в необычных для них (старых) значениях.

При анализе древнепольских форм автору следовало бы отметить, что употреблялись они, как правило, в формах единственного числа, причем чаще всего относились к первому и реже ко второму и третьему лицу.

В последующих трех разделах характеризуются эти формы в других славянских языках. Хотя указанные разделы носят вспомогательный характер, являясь как бы фоном, в общем плане исследования они очень важны и читаются с интересом. Однако досадно то, что П. Зволинский здесь ограничился, главным образом, данными словарей (кстати, не в полной мере) и не обратился к памятникам, этнографическим, фольклорным и другим сборникам. В результате этого в данных разделах часто встречаются пропуски и даже неверные утверждения.

Так, говоря об употреблении этих форм в других западнославянских языках (стр. 72—76), автору не следовало совершенно обходить словацкий и полабский языки. В плане подобного исследования, безусловно, заслуживают внимания такие словацкие членные формы совместных числительных, как *samodruhý*, *samotretí*² словацкое субстантивированное *samodruhá*, которое употребляется как синоним к *t'ahotná*,

¹ Именно в это время в польском языке проходит общее вытеснение нечленных форм имени прилагательного членными. См. J. Loś. *Gramatyka polska*, III, str. 136.

² См. J. Hvozdič. *Zovrubný slovník slovensko-maďarský*. Praha—Prešov, 1937, str. 1165, 1167.

taršená, l'archavá, l'archova (-беременная)¹; ср. упоминаемые автором чешское *samodružá*, нижнелужицкое *samodružga*, словинское *samodružga*, украинское *самодрўга*. При анализе польских *samojedem, samjedem* (стр. 35—37) следовало бы вспомнить словацкие *samojedna, sama svoja, samosvoja* (-девушка), а также и полабское *same dwa (same twa)*, засвидетельствованное Ф. Л. Челаковским².

При анализе русских форм автор отмечает, что количество их примерно такое, как в польском, но от польских они отличаются формально. Отметим, что П. Зволинский уделил недостаточно внимания семантике русских форм *сам-друг* и т. п. Он указывает только на употребление их применительно к сбору урожая (во сколько раз собрано больше, чем посеяно): *Пшеница уродилась только сам-друг* (-в два раза). А ведь это только одно из значений этих форм, при этом более позднее.

Следовало бы отметить, что в русском языке (в диалектах) эти формы сохраняют и более давнее значение, например: *Я сам-друг с тобой, слуга и хозяин* (А. Кольцов); *Остался во тьме морозной младая дева с ним сам-друг* (А. Пушкин); *Остался Семен с женою сам-друг* (Гаршин)³; ср. употребление подобных форм в древнерусском, древнепольском и других языках.

Обзор состояния древних украинских форм П. Зволинский проводит на основании тех примеров из памятников, которые дает Ф. Миклошич⁴ в своем сравнительном синтаксисе (правда, автор ссылается на первоисточники). Для характеристики современного состояния этих форм в украинском языке используются данные словарей Е. Желехивского, Б. Гринченко, Э. Кузели и Я. Рудницкого. Такое ограничение источников (при этом отметим, что не все из них дают надежный материал, особенно последний словарь) не дало возможности исследователю выяснить действительное положение этих форм в украинском языке. Следует заметить автору, что в украинском литературном языке, как и в русском и белорусском, эти формы не употреблялись ни во времена выхода словаря Е. Желехивского, ни в наше время. Известны они главным образом западноукраинским диалектам, особенно закарпатским. Закарпатские формы, в частности, интересны тем, что они, как нам кажется (см. ниже), наиболее полно сохранили свою давнюю славянскую семантику и употребление. О них автор при желании мог бы получить справку хотя бы из названной монографии И. Панькевича, работ И. Верхратского, фольклорных записей В. Гнатюка и др.

Автор верно отмечает, что в украинских памятниках издавна фиксируются и нечленные и членные формы этих числительных (стр. 71). Говоря же об адвербиализации их, он пишет: «Наречное значение могло возникнуть самостоятельно на украинской почве, но более

¹ См. M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1924, str. 594.

² См. Ф. Л. Челаковский. Остатки языка славян полабских. Сб. ОРЯС, XX, № 3, отд. отт., СПб., 1901, стр. 14.

³ Примеры взяты из словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 29. Отметим, что в этом словаре такие формы (*сам-девят, сам-десять, сам-друг*) называются неизменяемыми прилагательными. Очевидно, это не совсем точно. Примеры из словаря Д. Н. Ушакова и словаря В. Даля свидетельствуют, что это обыкновенные наречия, которые восходят к именительному падежу единственного числа мужского рода; ср., например, у В. Даля: *рожь в сусек пришла сам-пят*; у Д. Н. Ушакова: *Пшеница уродилась только сам-друг* и другие, где нет согласования в роде, необходимого для прилагательного.

⁴ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, S. 68—69.

вероятным является польское влияние, тем более, что этот процесс (адвербиализация. — И. Д.) не распространился на всю категорию, а только на то числительное (*самотріть*. — И. Д.) вместе с *самодруг*, которое в языке Желеховского было еще прилагательным, а теперь, как указывает Куз. Рудн., стало наречием» (стр. 71).

Ни с одним из этих утверждений П. Зволинского нельзя согласиться. Начнем с польского влияния, которое автор предполагает потому, что в украинском языке, по его словам, есть только две (как и в польском) наречные формы: *самодруг* и *самотріть*. Автор просто недостаточно знаком с фактами. В украинских диалектах в отличие от польских, кроме *самодруг*, *самотріть*, известны еще и наречия *самочверть*¹, *самопять*, *самошість*², т. е. ряд не кончается на первых двух формах. Следовательно, этот аргумент отпадает. Кроме того, следует отметить, что такие наречные формы известны не только галицким украинским диалектам, но и закарпатским, в отношении которых вообще и говорить не приходится о каком-то более или менее осязаемом влиянии польского языка.

Наблюдения показывают, что нет определенного основания и для категорического утверждения относительно совсем недавнего возникновения указанных наречных форм в украинском языке. Очевидно, как и соответствующие им русские формы, они образовались давно, может быть, еще от нечленных форм таких числительных. В современных украинских диалектах, в частности закарпатских, известны и наречные формы и формы типа имен прилагательных (см. ниже). Выводы П. Зволинского относительно современного состояния интересующих нас форм в украинском языке явно поспешные. Он ограничился данными украинско-немецкого словаря З. Кузели и Я. Рудницкого, вышедшего в 1943 г. в Лейпциге. Этот словарь методологически порочен, ненаучен и не дает верного представления о развитии и состоянии словарного состава современного украинского языка вообще и этих форм, в частности.

В связи с тем, что украинские закарпатские формы очень важны для изучения интересующих нас числительных во всех славянских языках и что они надлежащим образом еще вообще не описаны, в порядке дополнения дадим важнейшие сведения (по нашим наблюдениям) об их употреблении в этих украинских диалектах.

В большинстве говоров Закарпатской области эти формы имеют вид членных прилагательных (факультативно употребляются и наречные формы), причем широко фиксируются образования не только от числительных 2, 3, 4 — *самодругий*, *самотретий*, *самочетвертый*, но и от больших чисел: *самопятьый*, *самошестый*, *самосемый*... *самодес'ятый* и т. д. Употребляются они здесь в атрибутивной (чаще в качестве определений при подлежащем; реже при дополнении) и атрибутивно-предикативной функции (именная часть составного сказуемого). В большинстве говоров они сохраняют свою древнюю славянскую семантику — указывают на группу людей, в состав которой входит и тот, о ком идет речь: *йа спущіа́й дрова́ ў хі́щчи самодес'я́тый* (село Кривое,

¹ Кроме диалектов, эта форма встречается даже в произведениях художественной литературы. Например, в «Калевале», перевод Е. Тимченко, читаем: *Ти тоді в покій ввійдеш, там увійдеш ти самочверть; на руці відро з водою, на плечі залізний віник, тріску маш ти у роті, а сама четверта ввійдеш*. Сгр. 144.

² Эта форма зафиксирована и в известных П. Зволинскому словарях Е. Желеховского (см. т. II, стр. 852), Б. Гринченко (см. т. IV, стр. 101). См. также: Е. Огоновски. Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache. Lwow, 1880, S. 158.

Тячевский район), т. е. «я и еще девять человек [всех десять] спускали [с горы] дрова в лесу». Преимущественно в говорах восточных районов Закарпатской области (Раховский, Тячевский, Хустский) эти формы претерпели известное смещение в семантике и употребляются только относительно мужчин и женщин, вообще старших в семье, указывая на количественный состав семьи: *Маріка самопйата*, т. е. «семья Марии состоит из пяти человек: она, муж и трое детей» (ср. аналогичное значение подобных форм и в русском языке)¹. В некоторых селах Тячевского района эти формы употребляются преимущественно тогда, когда речь идет о вдове или вдовце, которые остались с определенным количеством детей: *Ивѣн устѣйс'а самочетвѣртый*, т. е. вдовцом с тремя детьми.

В закарпатских говорах совместные числительные употребляются, как правило, в формах единственного числа, но изредка фиксируются и формы множественного числа: *говѣриме собѣ самодрѣгѣ, йдемѣ на рабѣту самопйати*.

В некоторых говорах Закарпатья формы типа имен прилагательных вышли из употребления, а наречные образования *самодрѣг*, *самопрѣт*, *самочетвѣрт* или *самочвѣрт*, *самопйат* и так далее продолжают употребляться. В говоре села Угля Тячевского района засвидетельствовано несколько примеров контаминаций совместных числительных с собирательными: *сидимѣ туй самодвѣйе* (-вдвоем); *ходѣлис ме на пѣле самопйат-теро*; ср. польские *samodwój samoczwór* (стр. 49).

Последний раздел рецензируемой книги содержит обзор анализированных форм в других индоевропейских языках: санскрите (*ātmanādivītiya*, *ātmanā'rītiya*, *ātmanaturtha* и т. д.), древнегреческом (δεύτερος αὐτός, τρίτος αὐτός и т. д., где порядок компонентов обратный славянскому) и немецком (*selbänder*, *selbdritt* и т. д.).

В балтийских языках, как это отмечает и автор, подобных форм нет. По мнению П. Зволинского, «овладение категорией совместных числительных было бы очень интересной чертой, что соединяет славянские языки с германскими и отделяет их от балтийской группы чертой, которую можно было бы добавить к списку, предложенному Лер-Сплавинским в его работе о происхождении и праотечестве славян»².

Несмотря на указанные недочеты, работа П. Зволинского является ценной и полезной, ибо по сути дела — это первая серьезная попытка описания славянских образований, до сего времени совсем неизученных

И. А. ДЗЕНДЗЕЛЕВСКИЙ

¹ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 29.

² T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, str. 33.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО СЛОВАЦКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Начало систематического изучения диалектов словацкого языка относится к 20-м годам нашего столетия, когда Словакия вошла в состав Чехословацкой республики. До этого времени словацкие диалекты привлекали внимание Л. Штура (1815—1856) и его сотрудников, создавших в середине прошлого века словацкий литературный язык, а также отдельных ученых, прежде всего Ф. Пастернка (1853—1940) и С. Цамбеля (1856—1910), посвятивших ряд работ описанию словацких говоров.

Первый период в изучении словацких диалектов связан с деятельностью ученика Пастернка, проф. В. Важного (род. в 1892 г.), и охватывает десятилетие с 1921 по 1931 г. В это время вся диалектологическая работа была сосредоточена в языковедческом отделении Словацкой Матицы. В. Важный применил принципы лингвистической географии к изучению словацких говоров. В 1921—1931 гг. он разработал 26 диалектологических анкет, состоящих из 268 вопросов, и собрал большой материал из всех районов Словакии. Ответы на его вопросник прислали около 1100 корреспондентов из 800 населенных пунктов.

Полученный таким образом материал В. Важный систематизировал и постепенно опубликовал. Основной недостаток анкетной информации заключался в ненадежности известной части полученного материала, так как многие корреспонденты не обладали достаточной подготовкой. Кроме этого, он лично детально обследовал турчанские, оравские и некоторые западнословацкие говоры. Изучение отдельных языковых явлений (преимущественно фонетических и морфологических) в связи с их территориальным размещением было главной задачей В. Важного.

Второй период диалектологического изучения словацкого языка, закончившийся к началу второй мировой войны, характеризуется более широким размахом работы и усовершенствованием методов исследования. С 1931 г. В. Важный переносит свою деятельность в словацкий семинар Братиславского университета. Сбор материалов, систематизация и обработка его, а также оценка полученных анкет производятся уже студентами-славистами и учителями средних школ, получившими филологическую подготовку. Появляются первые монографии по словацкой диалектологии: В 1933 г. выходит обширная работа Я. Станислава «Liptovské nářečia», содержащая подробную характеристику липтовских говоров. Диалектологический материал, собранный В. Важным и его учениками, послужил основой для обобщающей работы по словацкой диалектологии. Такой работой явился обзор В. Важного «Nářečí slovenská», помещенный в чехословацкой энциклопедии «Československá Vlastivěda» (т. III, 1934). Этот очерк, систематизирующий диалектологический материал, содержит характеристику трех диалектов словацкого языка (среднесловацкого, западнословацкого и восточнословацкого)

и указывает границы распространения основных фонетических, морфологических и иных особенностей, характеризующих названные диалекты. Работа В. Важного сохраняет значение до настоящего времени, хотя последующие работы внесли немало дополнений и поправок к ней. В указанный период более детально изучаются отдельные говоры и группы говоров во всех областях Словакии.

Работы словацких (В. Важный, Я. Станислав Е. Паулини, И. Штольц, И. Орловский и др.) и заграничных (Н. Ван-Вейк, З. Штибер, Я. Мелих и др.) диалектологов публиковались главным образом в таких периодических изданиях, как «Sborník Matice Slovenskej» (1923—1941, всего 19 выпусков), «Bratislava» (орган научного общества им. Шафарика, 1927—1937, всего вышло 11 томов), «Slovenská reč» (с 1932 г.), «Linguistica slovacica» (I—II, 1939—1940; III, 1941), в чешских, польских и немецких славистических журналах «Slavia», «Slavia occidentalis» «Lud słowiański», «Zeitschrift für slavische Philologie» и других, а также в отдельных сборниках, посвященных Пастркичу (1923), Зубатому (1926), Шкультетому (1933), в сборниках «Ríša Vel'komoravská» (1933), «Carpatica» (1936, 1938) и др.

В. Важный неоднократно ставил вопрос о создании диалектологического атласа словацкого языка. Однако лишь после освобождения Чехословакии и установления народной власти словацкие лингвисты смогли провести необходимую работу в этом направлении. В 1947 г. Е. Паулини и И. Штольц составили новый вопросник, содержащий перечень 750 фонетических, морфологических и лексических явлений, подлежащих картографированию. Вплоть до 1952 г. продолжалась работа по осуществлению этой программы. Были обследованы все населенные пункты Словакии и собрана обширная картотека, содержащая документальный материал для подготовляемого атласа. В настоящее время изучаются переходные словацко-украинские, словацко-польские и словацко-венгерские говоры и вносятся коррективы в собранный прежде материал. Вся работа по словацкой диалектологии возглавляется Институтом словацкого языка Словацкой Академии наук. Следует отметить, что собранный материал приобретает особую ценность потому, что ныне, в связи с огромными социальными и культурными преобразованиями и индустриализацией Словакии, происходит быстрое стирание диалектных особенностей под влиянием норм литературного словацкого языка.

В послвоенный период появилось несколько монографических исследований о словацких говорах. Работа Е. Паулини «Nárečie zátorových osád na hornej Orave» (1947) содержит всестороннее описание языка населенных пунктов, жители которых в связи со строительством Оравской гидроэлектростанции переселились в другие районы. И. Штольц описал словацкие говоры в северной Венгрии (так называемое южно-словацкое наречие) в монографии «Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku» (1949). Восточнословацким говорам посвящен очерк И. Лишки «K otázke pôvodu východoslovenských nárečí» (1944) и книга Ф. Буффы «Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese» (1953). В. Важный в своей книге «Z mezislovenského jazykového zeměpisu» (1948) дал детальный разбор и оценку диалектологического материала, опубликованного в работе М. Малэцкого и К. Нитша «Atlas językowy polskiego Podkarpacka» (1934).

Исследования и статьи, записи текстов и отдельные заметки по словацкой диалектологии печатались в журналах «Linguistica slovacica» (IV—VI, 1946—1948), «Slovo a tvar» (1947—1950, 4 выпуска), «Jazy-

kovedný sborník» (ныне «Jazykovedný časopis», с 1946 г.), «Slovenská reč» и в некоторых других изданиях.

Таким образом, в плане работ словацких диалектологов на ближайшее время основное место занимает диалектологический атлас словацкого языка, а также монографическое описание отдельных говоров и их групп, составление диалектного словаря и решение ряда сложных вопросов исторической диалектологии, связанных с проблемами развития языка словацкой народности и национального языка.

Предлагаемая библиография работ по словацкой диалектологии составлена с учетом всех доступных изданий и призвана оказать помощь при использовании материалов словацкой диалектологии.

I. Общие работы по словацкой диалектологии. Сообщения по организации диалектологической работы. Хроника. Персоналии

- A r a n y Z. Zprávy o činnosti Mad'arskej komisie jazykového odboru USŠ a členov Mad'arského seminára Univerzity Komenského v Bratislave. «Carpatica», IA, sv. 2. Praha, 1939. str. 242—253.
- A r a n y Z. K porovnávaciemu jazykovému výskumu na Slovensku. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 389—422.
- B a r t e k H. Kapitoly z dejín slovenského hláskoslovía. «Sborník Matice Sloveuskej», r. VIII, 1930, str. 131—134.
- B a r t e k H. Príspevok k dejinám slovenčiny. Trnava, 1936.
Рец.: Novák L'. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 147—150.
- B é d e r J. Zpráva o zbieraní nárečového materiálu na západnom Slovensku v okrese Hlohovec v r. 1938. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 152—153.
- B e d n á r i k R. L'udové pol'ovníctvo na Slovensku. Turč. Sv. Martin, 1943.
- B ě l i č J. Pomer mezi češtinou a slovenštinou. «Slovo a slovestnost», r. XIV, 1953, str. 29—46.
- B ě l i č J. Poznámky o mizení nářečí. «Vlastivědný věstník moravský», I, 1946, str. 193—202.
Рец.: Šmilauer. «Časopis pro moderní filologii», 1947, str. 248.
- B l a n á r V. Bibliografia jazykovedy na Slovensku v rokoch 1939—1947. Bratislava, 1950, 209 str.
- C h a l o u p e c k ý V. Kniha Žilinská. Bratislava, 1934.
- C h a l o u p e c k ý V. Staré Slovensko. Bratislava, 1923.
- C h a l o u p e c k ý V. Středověké listy ze Slovenska. Sbirka listů a listin, psaných jazykem národním. Bratislava—Praha, 1937.
- C z a m b e l S. Slováci a ich reč. Budapest, 1903, 269 str.
Рец.: Pastrnek. «Archiv für slavische Philologie», r. XXVI, Berlin, 1904, str. 290—304.
- Druhý mezinárodný sjezd slovanských filológů ve Varšavě. I Část linguistická. Slovenčina. «Casopis pro moderní filologii», r. XXI, 1935, str. 89—96.
- F a b i á n V. Československý lid. «Ottáv slovník naučný», dod. 1, 1931, str. 1084—1087.
- F e r i a n c O. O pôvode slovenských vtáčích mien. «Slovenska reč», r. VII, 1938—1939, str. 81—88.
- Ф л о р и н с к и й Т. Лекции по славянскому языкознанию, ч. II. СПб.—Киев, 1897, стр. XVI + 703.
Рец.: J. Polívka. «Listy filologické», XXV, Praha, 1898, str. 208—215; Pastrnek Fr. «Listy filologické», XXV, str. 215—238.
- G r ü n e n t h a l O. Zum westslavischen akzent. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 13—29.
- H a b o v š t i a k A. L'udové prvky v románe Fr. Hečku «Drevená dedina». «Slovenská reč», r. XVII, 1951—1952, str. 193—201.
- H a b o v š t i a k Anton. O nárečových výskumoch pre «Atlas slovenského jazyka». «Naša veda», r. I, 1954, str. 269—271.

- H a b o v š t i a k A. Slovenská dialektológia v rokoch 1938—1953. «Jazykovedný časopis», r. VIII, 1954, str. 69—107.
- H á l a B. Základy spisovné výslovnosti slovenské v srovnání s výslovností českou. Praha. 1929, 133 str.
- H a l a g a O. R. Slovanské osídlenie Potistia a východoslovenskí gréckokatolíci. «Svojina», 1947, 137 str.
Peč.: Blanár. «Slovo a tvar», r. II, 1948, str. 30—32; Ratkoš. «Historický sborník Matice Slovenskej». V, 1947, str. 514—526.
- H e ř m a n s k ý Fr. Činnost' jazykového odboru Matice Slovenskej. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 27—31.
- H o r á k G. Dialektologická exkurzia Slovenského seminara SU. «Slovo a tvar», r. IV, 1950, str. 142.
- H o r á k G. Dve dialektologické exkurzie. «Jazykovedný sborník», r. IV, 1950, str. 209—238.
- H o r á k G. Pokus o štylistický rozbor nárečového prehovoru. «Jazykovedný sborník», r. V, 1951, str. 128—134.
- H o r á k G. Reprodukcia v nárečových prehovoroch. «Jazykovedný sborník», r. VI, 1952, str. 95—121.
- H o r á k Jur. Drobné príspevky národopisné. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 12—15.
- H o r á k J. Zo štúdií o ľudových piesňach slovenských. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 69—74.
- H o š e k Ignác. O poměru jazyka písní národních k místnímu nářečí. Praha. 1897, 23 str.
Peč.: F. Pastrnek. «Listy filologické», XXV, Praha, 1898, str. 157.
- H r o z i e n ě i k J. Zpráva o zbieraní olejkárskej a šafranicekej tradície v Turci na strednom Slovensku v r. 1938. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 162.
- H r o z i e n ě i k J. Lexikografické príspevky. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 219—227.
- H ú s e k J. Die West-und Ostgrenze des slovakischen Sprachgebiets. «Slovenská čítanka», 2 vyd. Praha, 1925, str. 70—84.
- J e s e n s k á Z. Niekoľko poznámok o preklade «Tichého Donu». «Slovenská reč», r. XVII, 1951—1952, str. 301—307.
- J ó n a E. O zapisování nárečových textov. «Slovenská reč», r. III, 1934, str. 27—29.
- J ó n a E. Prof. Václav Vážný šest'desiatročný. «Jazykovedný sborník», r. VI, 1952, str. 174—175.
- J ó n a E. Timravina reč. «Slovenská reč», r. XVII, 1951—1952, str. 129—138.
- J ó n a E. Václav Vážný a jeho práce o slovenčine. «Naše řeč», XXXVI, 1953, str. 80—87.
- J ó n a E. Zprávy o štúdiu novohradských nárečí. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 174—176.
- K á l a l M. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. S praktickou mluvniciou česko-slovenskou, I. Banská Bystrica, 1924, 672 str.
Peč.: Zubatý. «Naše řeč», IX, 1925, str. 15—20.
- K á l a l M. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1926, 1112 + GIII str.
Peč.: Frinta. «Slovanský Přehled», 18, 1926, str. 639; Vážný. «Listy filologické», LIV, 1927, str. 164—170.
- K e l l n e r Ad. Vážný jako dialektolog. «Naše řeč», XXXVI, 1953, str. 75—80.
- K e l l n e r A. Zpráva o štúdiu polských a slovensko-polských nárečí v okrese Čadca r. 1938. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 154.
- K n i e z s a Š. Stredoveké české listiny. Budapest, 1953.
- K n i e z s a Š. Zur Geschichte der Jugoslawismen im Mittelslowakischen. «Études slaves et roumaines», I, 1948, p. 139—147.
- К о н д р а ш о в Н. А. Очерк истории словацкой диалектологии. «Славянская филология», вып. 1, МГУ, 1951, стр. 98—107.
- К о н д р а ш о в Н. А. Категория личности имен существительных в словацком языке. «Славянская филология», вып. 2, МГУ, 1954, стр. 38—67.
- K o š í k V. Slovník lidových názvů rostlin. Praha, 1941, 140 str.

- Peč.: Šmilauer. «Naše řeč», XXVI, 1942, str. 90—93; Machek. «Slovo a slovestnost», r. VIII, 1942, str. 55—56.
- Laubert J. O štúdiu nárečia zvolenského Horehronia. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 163—169.
- Liška J. Úlohy a cesty východoslovenskej jazykovedy. «Svojina», I, 1946—1947, str. 83—87.
- Machek V. Drobnosti ze slovenštiny. «Listy filologické», LVI, 1929, str. 28—32, 175.
- Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Maľeckí M. Do genezy gwar mieszanych i przejściowych. «Slavia occidentalis», XII, 1933, str. 81—90.
- Maľeckí M. Język polski na południe od Karpat (Spisz, Orawa, Czadeckie Wyspy językowe). Kraków, 1938.
- Peč.: J. Szabó. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 383—384.
- Maľeckí M. O možnosti chronologizacjii cech w gwarach przejściowych. «Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ», София, 1933, стр. 301—306.
- Martínka J. Cudzie názvy záhradných rastlín. «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 222—224; r. VIII, 1940—1941, str. 26—27, 211—213; r. IX, 1941—1942, str. 66—67.
- Mina L. J. Dr. Samo Gzambel. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 191—193.
- Niederle L. Národopisná mapa uherských Slovákov na základe seítání lidu z r. 1900. Praha, 1903.
- Novák L'. Slovenské a podkarpatské nárečia vo svetle eurupskej fonologickej geografie. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 85—112.
- Novák L'. Výskum slovenských nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 187—188.
- Olteanu P. K fonetickému súvisu medzi rumunčinou a západnou slovenčinou. Jazykovedný sborník, r. I—II, 1946—1947, str. 63—106.
- Pastrnek F. O slovenském jazyce a jeho nárečích. «Slovenská čítanka», Praha, 1911, str. 55—60.
- Pastrnek F. O slovenském jazyce a jeho nárečích. «Slovenská čítanka», 2 vyd. Praha, 1925, str. 64—69.
- Pastrnek F. Slovenský jazyk. «Slovenské pobl'ady», XIII—XVII, 1893—1897.
- Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948, 100 str.
- Pauliny E., Štolc J. Dotazník pre výskum slovenských nárečí (Atlas slovenskeho jazyka). Bratislava, 1947.
- Pauliny E. Dve kapitoly o spisovnom jazyku a nárečí. Bratislava, 1946, 47 str.
- Peč.: E. Jóna. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 194—195; A Gregor. «Listy filologické», LXX, 1947, str. 269—270; Horecký. «Slovo a tvar», r. I, 1947, str. 26—27.
- Pauliny E. K vývinu spisovného jazyka a nárečí. «Jazykovedný sborník», r. IV, 1950, str. 41—44.
- Pauliny E. O úlohách slovenskej dialektológie. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 260—264.
- Pauliny E. Prehľad prác o slovenských nárečiach za uplynulých dvacat' rokov. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1940, str. 377—422.
- Pauliny E. Skice k štúdiu formy u Kukučína a Timravý. «Slovenský jazyk», r. I, 1940, str. 284—289.
- Pauliny E. Zprávy o zbierateľskej činnosti dialektologickej v stolici Zvolenskej a v Tekovskom Pohroní. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 170—173.
- Petřík S. Dva příspěvky k hudobnej stránke slovenskej vety. «Carpatica» IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 329—398.
- Petřík S. K hudobnej stránke slovenskej vety. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 239—302.
- Petřík S. K otázkam přízvuku a intonácie v slovenčine a v češtine. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 219—221.
- Petřík S. Zpráva o činnosti za r. 1936. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1936, str. 155.
- Polák Václav. Z zagadnień ogólnej teorii dialektu. «Lingua posnaniensis», II, 1950. Poznań, str. 51—66.
- Polívka J. K dialektologii československé. «Listy filologické», XXXIV, 1907, str. 22—42.

- Polívka J. Súpis slovenských rozprávok, sv. I—V. Turč. Sv. Martin, 1923—1931.
- Polonec O. Terminológia detských kolísk, sedaní a behul'ov na Slovensku. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 17—20.
- Pranda A. Doterajšie koncepcie výskumu sloveník a hl'adisko dialektológie. «Jazykovedný zborník», r. IV, 1950, str. 163—173.
- Ryšánek F. Slovník k Žilinské knize. Bratislava, 1954.
- Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při «Slovanském ústavu v Praze». «Carpatica», sv. 1, Ř. A., Praha, 1936; sv. 2, Ř. A., Praha, 1939.
- Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941, стр. 183—202.
- Реу.: J. Stanislav. «Jazykovedný zborník», r. I—II, 1946—1947, str. 118—121.
- Slovenský atlas jazykový. «Časopis pro moderní filologii», XVI, 1930. (Chlumský J., str. 192—193; Vážný V., str. 331—332; Chlumský J., str. 332).
- Solčány J. Príspevok k štúdiu slovenského hláskoslovía. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 156—159, 216—218.
- Stanislav J. Československá mluvnica pre odborných učiteľ'ov a vysokoškolákov. Praha—Prešov, 1938, 236 str.
- Stanislav J. Juhoslavizmy v strednej slovenčine a pôvod slovenského národa. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 37—45.
- Stanislav J. K chronológii zmeny *g—γ—h* v slovenčine. «Pocta Trávníčkovi a Wollmanovi», Brno, 1948, str. 368—377.
- Stanislav J. K južnej a východnej hranici slovenského osídlenia v stredoveku. «Spisy vedeckej spoločnosti pre zachranených Slovákov», sv. I, Bratislava, 1944.
- Реу.: Šmilauer. «Český časopis filologický», 3, 1944—1945, str. 40—41.
- Stanislav J. K sporným otázkám slovenského hláskoslovía. «Časopis pro moderní filologii», r. XXI, 1935, str. 215—217.
- Stanislav J. Niektoré otázky spisovnej výslovnosti a návrh na nové Pravidlá. «Kultúrny život», č. 3, 1953.
- Stanislav Ján. Slovenský jub v stredoveku, I, 664 str.; II, 673 str. Turč Sv. Martin, 1948.
- Реу.: Dostál A. «Slavia», r. XX, 1951, str. 442—454.
- Stanislav J. Spisovný jazyk slovenský. «Slovanské spisovné jazyky v době přítomné», Praha, 1937, str. 63—106.
- Реу.: Novák L'. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 194—196.
- Stanislav J. Úlohy slovenskej jazykovedy. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 5—12.
- Stanislav J. Z úloh slovenskej sociálnej jazykovedy. «Jazykovedný zborník», r. IV, 1950, str. 44—50.
- Stieber Z. Z zagadnień podziałów dialektycznych grupy zachodniostowiańskiej. «Lud słowiański», I, N 2, A, Kraków, 1930, str. 217—244.
- Szabó J. Zprávy o zbieraní nárečového materiálu v Gemeri, v Muránskej u Rátokvskej doliny a v Horchozí. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 184—187.
- Šárga J. Zprávy o štúdiu sotáčkeho nárečia. A. Informačná. B. Dva zjavy v sotáčkej morfológii. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 204—241.
- Šembera A. V. Základové dialektologie československé. Vídeň, 1864.
- Šimovič Z. Z kníh mesta Skalice zo XVI. a XVIII. stor. «Linguistica slovac», III, 1941, str. 134—146.
- Šimovič Z. Zpráva o štúdiu nárečia v Terchovej v hornom Trenčiansku a na okolí; Zpráva o zbieraní nárečového materiálu v sev. Orave. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 156—161.
- Škultéty J. Über das Sammeln des dialektologischen Materials. «Časopis Musejní společnosti», r. 13, 1921, str. 61—71.
- Šmilauer V. Vodopis starého Slovenska. «Práce učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě», sv. 9, Praha—Bratislava, 1932, str. 564.
- Štolc J. Atlas slovenského jazyka. Zpráva. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 427—432.
- Štolc J. Niekoľko myšlienok o národnom jazyku a nárečiach. «Jazykovedný zborník», r. IV, 1950, str. 50—53.
- Štolc J. O prameňoch spisovnej normy. «Kultúrny život», VII, 1952, č. 51—52.
- Štolc J. Zpráva o činnosti jazykovedného ústavu Slovenskej akadémie vied a umení. Nárečový výskum. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 439.

- Štolc J. Zprávy o dialektologickej činnosti vo Spiši. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 197—203.
- Tó b i k Š. Zprávy o výsledkoch prázdninových štúdií gemerských nárečí. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 177—183.
- Trá v n í č e k F. Historická mluvnice československá. Praha, 1935.
- Trá v n í č e k Fr. K otázce o vývoji slovenštiny. «Průdy», 9, 1926, str. 435—441.
- Trá v n í č e k F. O českém jazyce. Praha, 1924, str. 120.
- Trá v n í č e k F. Příspěvky k českému hláskosloví. «Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně», č. 16, 1926, str. 169.
- Trá v n í č e k Fr. Příspěvky k dějinám českého jazyka. «Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně», č. 19, 1927, str. 126.
- Trá v n í č e k Fr. O slovenskem jazyce. «Slovenská zem», I, 1921, str. 76—81.
- Trá v n í č e k Fr. Vzájemný vztah mezi češtinou a slovenštinou ve světle stalinových jazykovědných prací. «Naše řeč», XXXVI, 1953, str. 28—34.
- Van W i j k N. Die älteste Gruppierung der čechoslovakischen Mundarten. 1932.
- Van W i j k N. Cechias-slavoaks-Cechoslavoaks. Amsterdam, 1928.
- Van W i j k N. Die čechisch-polnischen Übergangsdialekte und die älteren Beziehungen des polnischen Sprachgebietes zum čechisch-slovakisch. Amsterdam, 1928, 36 S.
- Van W i j k N. Kilka uwag o stosunkach pokrewieństwa miedzi językami zachodnioślaviańskimi. «Práce filologické», IX, 1927, 113 str.
- V á ž n ý V. Dialektologické dotazníky pre Slovensko. (Skúmanie slovenských nárečí), č. 1—26. Turč. Sv. Martin, 1921—1930.
- V á ž n ý V. Glossarium bohemoslavicum. Slovník k středověkým listům ze Slovenska s jazykovým rozbořem. Bratislava, 1937.
- V á ž n ý Václav. Nářečí slovenská. «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934, str. 219—310.
- Peč.: Novák L'. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 145—148.
- V á ž n ý Václav. O počátcích jazykového zeměpisu na Slovensku. «Sborník Matice Slovenskej», r. VII, 1929, str. 134—144.
- V á ž n ý V. O zbieraní nárečového materiálu na Slovensku metódou dotazníkovou. «Slovenské pohľady», r. XXXVIII, 1922, str. 99—104, 162—174, 227—235, 298—302; «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 23—26, 94—96, 184—188; r. III, 1925, str. 164—166; r. IV, 1926, str. 86—87; r. VIII, 1930, str. 159—169.
- V á ž n ý V. Slovenica v Travníčkové «Historické mluvnici československé». «Bratislava», XI, 1937, str. 68—75.
- V á ž n ý V. Zprávy o využití prázdninových stipendií, poskytnutých členům dialektologické komise jazykovědného odboru Učené společnosti Šafaříkovy na studium slovenských nárečí v letech 1936—1938. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 147—151.
- Weingart M. O nejstarších jazykových památkách slovenských (k vydání «Knihy Žilinské»). Časopis pro moderní filologii, r. XXI, 1935, str. 113—126.
- Weingart M. Příspěvky k studiu slovenštiny. «Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě», r. 1, č. 17, 1923, str. 138.
- Weingart M. Učitel'ská, vědecká a organizační činnost Fr. Pastrnka «Časopis pro moderní filologii», r. XX, 1933, str. 1—15.
- Zpráva o činnosti Ústavu slovenského jazyka SAVU do konce roku 1951. Dialektologické oddelenie. «Jazykovědný sborník», r. VI, 1952, str. 170—172.
- Zprávy z jazykového odboru Matice Slovenskej. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 161.
- Z u b a t ý J. Slovenčina a čeština. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 33—39.

II. Лингвистическая география

- Bartek H. Le passage de *g* á *h* en slovaque. «Revue des études slaves», XI, 1931, p. 41—49.
- Bartek J. Magyarisches *gy* in slovenisches *dz*. «Bratislava», IV, 1930, str. 152—154.
- Bartek H. Slovenské slová. «Slovenská řeč», r. VII, 1938—1939, str. 31—39.

- Bartek H. Slovenské výsledky praslovanských prízvukných akútových dlžok. «Sborník na počesť J. Škultétyho», Turč. Sv. Martin, 1933, str. 653—664.
- Blanár V. *Ked' — kedy*. «Slovenská reč», r. XVII, 1951—1952, str. 103—105.
- Boutelje A. Západoslovenské **dobrégo*, **dobrému* — *stedoslovenské dobré*. «Sborník na počesť J. Škultétyho», Turč. Sv. Martin, 1933, str. 570—575.
- Diels P. Zum Schicksale der Halbvokale im Slowakischen. «Archiv für slavische Philologie», XXXV, Berlin, 1914, S. 324—329.
- Dvonč L. Kvantita substantív na *-el'* a *-e*. «Slovenská reč», r. XVIII, 1952—1953, str. 193—204.
- Dvonč L. Nom. pl. vzoru *chlap*. «Slovenská reč», r. XVI, 1950—1951, str. 77—80.
- Dvonč L. Skloňovanie substantív typu *dlaň* a *kost'*. «Slovenská reč», r. XIV, 1948—1949, str. 36—44.
- Enderle J. Príspevky k jazykovej a národnostnej charakteristike spišsko-gemerského pomedzia. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 188—196.
- Ferianc O. Slovenské názvoslovie rýb Československej republiky a susediacich krajov. «Prirodovedecký zborník», II, 1947, str. 65—152.
- Ferianc O. Slovenské ornitologické názvoslovie s obrázkovým kľúčom pre určovanie slovenského vtáctva. Turč. Sv. Martin, 1942.
- Habovštiak A. O výslovnosti skupín *le*, *li*. «Slovenská reč», r. XVIII, 1952—1953, str. 225—234.
- «Hláska *ä* v slovenčine». «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 32.
- Jánošík A. Predložka *pre* v slovenčine. «Slovenská reč», r. IX, 1942, str. 226—234, 271—272.
- Jánošík A. Zmena *s > š* v skupinách *sl*, *st*, *sk* a *sp*. «Slovenská reč», r. XIII, 1947—1948, str. 273—303; r. XIV, 1948—1949, str. 24—35.
- Jóna E. «*Treba*» a «*načim*». «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 226—239.
- Knieža Š. Notes sur l'histoire des consonnes palatales du slovaque. «Études slaves et roumaines», I, Budapest, 1948, p. 2—6.
- Machek V. Slovesá na *-ýňat'*. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 38—39.
- Mazúr S. Dol. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 67.
- Melich J. Über die Halbvokale im Slovakischen. «Zeitschrift für slavische Philologie», V, 1929, S. 319—339.
- Meliš-Čuga L'. K vývinu neutier s príponami *-isko* a *-iste* v slovenčine. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 141—155.
- Menšík J. Drobnosti etymologické a mluvnické (Slovakizmy v polštine. K bohemizmom v slovenčine. Slovenský lokál pl. na *-iech*). «Sborník Matice Slovenskej», r. III, 1925, str. 1—14, 15—21, 21—22.
- Mihál J. Vokatív v slovenčine. «Slovenská reč», r. I, 1932, str. 7—10.
- Noha M. Dva slovenské tvary. «Časopis pro moderní filologii a literaturu», r. XII, Praha, 1925, str. 1—6.
- Novák L'. Le changement *e > a* dans les mots slovaques empruntés au hongrois et à l'allemand. «Časopis pro moderní filologii», r. XX, 1934, str. 242—250.
- Novák L'. Případy *rat-*, *lat-* — za praslovanské. **ort*, **olt* v slovenčine. «Sborník na počesť J. Škultétyho», Turč. Sv. Martin, 1933, str. 576—606.
- Novák L'. Slovenské *ô* a *ä* v písme a vo výslovnosti. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 172—183.
- Novák L'. Zmena *g > h* v slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. VIII, 1930, str. 7—26.
- Orlovský Z. Predminulý čas v slovenčine. «Slovenská reč», r. XIII, 1947—1948, str. 223—227.
- Orlovský J. Vkladhé samohlásky v slovenčine. «Slovenská reč», r. XIII, 1947—1948, str. 86—92.
- Pauliny E. K dvom príspevkom Štefana Kniezsu o dejinách slovenčiny. «Jazykovedný zborník», r. IV, 1950, str. 156—162.
- Pauliny E. Rod pomnožných miestnych mien v spisovnej slovenčine. «Studie a práce lingvistické» (Na počesť 60 narodenin akad. B. Havránka), I, Praha, 1954, str. 154—161.
- Pauliny E. Vývin skupín *d'*, *t'*, *ň*, *l' + e*, *i* v slovenčine. «Jazykovedný zborník», r. V, 1951, str. 140—151.

- Peciar Št. Fonologický pomer spoluhlások *-f -v* v slovenčine. «Slovenská reč», r. X, 1943, str. 270—281.
- Peciar Št. K etymológii *horký, horky, horkyže*. «Slovenská reč», r. X, 1942, str. 43—49.
- Peciar Št. K etymológii slovenského *načim-način*. «Slovenská reč», r. IX, 1942, str. 196—202.
- Peciar Št. K slovenským nárečovým zmenám *-m > -n* a *-n > -m*. «Linguistica slovacca», IV—VI, 1946—1947, str. 121—133.
- Peciar Št. Slovenské *ã* nie je samostatnou fonémou. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 33—41; str. 141—147.
- Peciar Št. Slovenská kvantita a rytmický zákon. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 137—152, 217—224.
- Peciar Št. Úvaha nad slovenskými slovesami na *-úvat'*. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 294—299.
- Pogorielov V. Bulharizmy v karpatoruských nárečiach. «Spisy Filozofickej fakulty slovenskej univerzity v Bratislave», 1939, str. 57—67.
- Polák V. Pôvod a význam slovenského slova *korčule*. «Jazykovedný zborník», r. V, 1951, str. 187—189.
- Polák V. Pôvod a význam slova *bozk, bozkat'*. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 97—102.
- Polák V. Zo štúdiu o slovenskom slovníku etymologickom. *Baňa* a príbuzné slová. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 44—51; Sloven. *gana, hruda*. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 172—177.
- Поливка Ю. Творительный падеж единственного числа в словацких наречиях «Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому». ч. 1. СПб., 1907, стр. 104—113.
- Považan S. K tvaru *mačina*. «Slovenská reč», r. XI, 1943—1944, str. 337.
- Ramovš F. Poznámka k slovenským a juhoslovenským jazykovým stykom. «Ríša Vel'komoravská», 2 vyd., Praha, 1935, str. 441—452.
- Robert L. Rudolf. Die slovakischen Lehnwörter im Inseldeutschen in der Slowakei. «Linguistica slovacca», I—II, 1939—1940, str. 151—168.
- Roche K. Zákon dvou délek a koncovka *-m* v 1. os. sg. v slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. IX, 1931, str. 178—182.
- Sobolevský Š. Asimilačné zmeny koncovej spoluhlásky slova *načim-način*. «Slovenská reč», r. XI, 1944, str. 260—262.
- Stanislav J. *Kocel'*. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 165—172.
- Stanislav J. Osobné mená miestnymi názvami. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 129—139.
- Stanislav J. Staré slovenské mená. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 205—211, 290—298.
- Stanislav J. Zo slovenských miestnych názvov. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 34—40, 92—97.
- Stieber Z. Kilka uwag o «jugoslawizmach» w języku słowackim. «Lud słowiański», IIA, str. 42.
- Stieber Z. Z badań porównawczych nad słownictwem Karpat. «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», XLVI, Cracovie, 1945, str. 148—151.
- Šmilauer V. Slovenské střídnice jerové a změna *e, ě > a, o*, I. «Práce učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě», Praha, 1930, 71 str.
- Peu.: J. Stanislav. «Časopis pro moderní filologii», r. XVII, 1931, str. 223—224; Meillet. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 31, 3, 1950, p. 203.
- Stolc J. Slabičné *r, l* na pomezí stredoslovensko-východoslovenskom. «Jazykovedný zborník», r. I—II, 1946—1947, str. 317—389.
- Tóbbik Št. Prechodná jazyková oblasť stredoslovensko-východoslovenská. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV 1937, str. 104—130.
- Trávníček Fr. Gramatické drobnosti. (Chronologie stahování. Stredoslovenské *dobrô, dobrô*). «Časopis pro moderní filologii», r. XX, 1934, str. 226—232.
- Trávníček Fr. Slovenské a staročeské *nie*. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 39—43.
- Trávníček Fr. Slovenský lokál plur. *f Turach*. «Časopis pro moderní filologii», r. XVI, 1930, str. 117—123.

- Trávníček Fr. Slovenská spojka *kým*. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 154—157.
- Uhlár V. *Laz-lazy-chutor*. «Slovenská reč», r. XVII, 1951—1952, str. 298—301.
- Uhlár V. Predložka *u* a *pri* v slovenčine. «Slovenský jazyk», I, 1940, str. 49—53.
- Uhlár V. Slovenské *l*. «Slovenská reč», r. VIII, 1941, str. 204—211.
- Vavro J. Predložka *o* v slovenčine. «Slovenská reč», r. X, 1943, str. 327—335.
- Vážný V. Dativ — lokál jednotného čísla ženských jmen podstatných tvrdých kmenů na *-a* (vzor *ryba*) v nářečích slovenských. «Sborník věnovaný Fr. Pastrnkovi», Praha, 1923, str. 171—175.
- Vážný Václav. Dva slovenské tvary. «Sborník Matice Slovenskej», r. VI, 1928, str. 30—54, 80—89, 107—135; r. VII, 1929, str. 59—71, 125—134.
- Vážný V. Nové doklady starých konzonantických tvarov lokálu plur. miestnych mien kmeňov na *-n*. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 80—82.
- Vážný V. O dialektických slovenských tvarech slovesných na *-ch*. «Mnema. Sborník Zubatého», Praha, 1926, str. 329—338.
- Vážný Václav. O niektorých významných formách v nárečiach slovenských. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 109—115.
- Vážný V. O záporných podobách slovesných. *Nie som, ňeni či, ňeňi som, nine som, nej sem* a i. v slovenských nárečiach. (S mapou). «Sborník Matice Slovenskej», r. VIII, 1930, str. 124—130.
- Vážný V. Predložky *pre* a *pro* i predpony *pre-*, *pria-*, *pró-*, *pro-*, *prů-*, v slovenských nárečiach a v spisovnej slovenčine. «Zpráva československej reálky v Bratislave za šk. r. 1930/31», str. 3—9.
- Vážný V. Príspevky k slovenskému dialektickému slovníku (s mapou). «Sborník Matice Slovenskej», r. II, 1924, str. 10—16, 73—78, 100—111, 180—199.
- Vážný V. Slovenské lidové názvy šídla a vážky. «Česky časopis filologický», r. I, Praha, 1942—1943, str. 103—115.
- Vážný V. Slovenský lokál pl. na *-ech*. «Sborník Matice Slovenskej», r. III, 1925, str. 151—156.
- Vážný V. Slovo *čert'až* alebo *ciert'až* v slovenštině. «Bratislava», r. VI, 1932, str. 462—466.
- Vážný V. Z výsledků semasiologické a jazykové zeměpisné studie o jménech motýlů v slovenských nářečích. «Věstník české Akademie», r. 53, 1944, str. 66—74.

III. Западно-словацкие говоры

- Aran y. Fonologický systém nárečia Kolenian (Úvod do strukturálnej dialektológie). Bratislava, Concordia, 1944, 185 str. (Работа написана по-венгерски. Kolon nyelvjarásának fonológiai rendszere (Bevezetés a szerkezeti nyelvjarásanba).
- Bartek H. Moravská slovenčina. «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 74—79.
- Bělič J. Hlásokloví obce Nechvalína u Kyjova. Praha, 1947.
- Bělič J. Slovesné tvary třetí osoby pl. praes. v moravské slovenštině. «Pocta Trávníčkoví a Wollmanovi», Brno, 1948, str. 54—70.
- Černá Maria. Zápisky Pavla Vajaje, učitele v Horních Zelenicích z doby bojů proti Napoleonovi v r. 1809. «Bratislava», III, 1929, str. 1033—1061.
- Dordić Petar. K poznání čakavského nárečia na Slovensku. «Bratislava», V, Praha, 1931, str. 90—93.
- Drozd Š. Conscripto Domini Trenchin anni 1722 orig. «Linguistica slovacca», IV—VI, 1946—1948, str. 302—306.
- Dubay Á. Príspevok k jazykovej charakteristike Kiripolca. «Sborník spolku záhorských akademiků», II, str. 72—103.
- Folprecht J. Die mährisch-slovakische Mundart. «Moravské Slovensko», sv. 2, č. 1, Praha, 1921, str. 537—548.
- Folprecht J. Přispěvky k mluvě lidu slováckého na moravském Podluží, N 297, 1907.
- Реч.: Šimek. «Listy filologické», XXXV, 1908, str. 77—78.
- Folprecht J. Slovník k pojednání o mluvě lidu slováckého na moravském Podluží, N 433, r. 1908.
- Реч.: Šimek. «Listy filologické», XXXVI, 1909, str. 312—313.

- Gálik M. Skloňovanie substantív v Myjavskom nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 99—111.
- Gálik M. Striednice za praslovanské *ę* v nárečí Myjavskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 99—101.
Peč.: Vážný V. «Bratislava», IX, 1935, str. 450.
- Holuby J. L. Rozprávečky z Bošáckej doliny. «Český lid», r. X, 1900, str. 67.
- Holuby J. L. Slovenské písně z Bošácké doliny. «Český lid», r. XVI, 1906, str. 150—157.
- Holuby J. L. Slovenské písně z Bošácké doliny. «Český lid», r. XVIII, 1908—1909, str. 243—244, 268, 449—450.
- Holuby J. L. Slovenské písně z Bošácké doliny. «Český lid», r. XIX, 1909—1910, str. 144.
- Holuby J. L. Svatební písně slovenské z Bošácké doliny. «Český lid», r. XI, 1901, str. 184—186.
- Húsek J. Fonetické a ethnografické studie z moravsko-slovenské vsi. Bratislava, 1923.
- Húsek J. Hranice mezi zemí Moravskoslezskou a Slovenskem. Studie ethnografická. Knihovna sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatskej Rusi při slovanskem ústavu v Praze, č. 5. Praha, 1932.
Peč.: Václavík. «Časopis Matice Moravské», 57, 1933, str. 339—355.
- Húsek J. Hrtanové hlásky 'ah v moravkoslovenském nářečí Nové Vsi v Uherském Ostrohu, «Sborník věnovaný Fr. Pastrnkovi», Praha, 1923, str. 160—164.
- Húsek J. Moravskoslovenská ves. Bučovice, 1916.
- Húsek J. Moravskoslovenská vesnice Nová Ves u Uherského Ostroha, I, II. «Jahresbericht des Landes-Realgymnasiums und der Landes-Realschule in Butschowitz für das Jahr 1914/1915, S. 3—21; 1915/1916, S. 3—13.
Peč.: Hujer. «Listy filologické», XLIV, 1917, str. 300—302.
- H y k e š Fr. Odchylky řeči lidové na Blatensku. «Český lid», r. XVIII, 1908—1909, str. 38—40, 95—98.
- Jánošík A. Z bánovského nářečia. «Sborník na počest' J. Skultétyho», Turč. Sv. Martin, 1933, str. 643—652.
- Jánošík A. Zámenné skloňovanie v bánovskom nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIX, 1941, str. 403—419.
- Jánsky L. Prechádzka po západnom Slovensku. Ukážky z nářečia. «Sborník spolku záhorských akademiků», 1932—1942, str. 125—135.
- Kašík A. Popis a rozbor nářečí středo-bečevského. 1908.
- Kellner A. K charakteristice čadeckých nářečí. «Linguistica slovacca», I—II, 1939—1940, str. 220—229.
- Kellner A. K palatalisaci v čadeckých nářečích. «Linguistica slovacca», IV—VI, 1946—1948, str. 134—144.
- Kovář F. Poviedky z Lábu v Prešporskej stolici. «Časopis Museálnej Slovenskej Spoločnosti», 17, 1914, str. 20—28.
- Kožíár. Z hornotrenčianskeho nářečia. «Slovenské pohľady», XX, 1909—1910, str. 149—151.
- Krasňánsky J. Piesne z Dolného Hričova. «Slovenské pohľady», XXI, 1911, str. 225—227, 467—468.
- Krasňánsky J. Piesne z Dlhého pol'a. «Slovenské pohľady», XXI, 1911, str. 526.
- Landsfeld H. Kterák džbánkář Mišo Odler sa nésel na dzivákovi (Ukážka vypravování starého džbánkaře Habána). «Český lid», r. XXXI, 1931, str. 13—16.
- Lelek C. Slova slezskomoravského nářečí r. 1863. «Český lid», r. XVI, 1906, str. 382—383.
- Lilge K. Stará Pazova, Myjava, D. Pažický. 1932, 261 str.
Peč.: Ormis. «Slovenské pohľady», XLVIII, 1932, str. 511—513.
- Małeckí M., Nitsch K. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934.
Peč.: Vážný V. «Z mezislovanského jazykového zeměpisu», Praha, 1948; «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 149—151.
- Małeckí M. Polskie teksty gwarowe z Czadeckiego. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 103—105.
- Marek J. Dz v moravsko-slovenských nářečích. «Časopis pro moderní filologii», r. XIII, 1927, str. 100—102.

- Noháč J. Slovákcké nářečí na Podluží. «Český lid», r. XX, 1910—1911, str. 213—218.
- Orlovský J. Hláskoslovný system karloveského nářečia. «Slovenská Bratislava», I/II—III, 1950, str. 239—274.
- Orlovský J. Nářečové slová a výrazy. Stráže nad Myjavou (Nitrianska). «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 178—181, 249—252, 282—284.
- Orlovský J. Nářečové texty z Nitrianskej. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 228—239.
- Orlovský J. Ukážky z nářečového slovníka. Stráže nad Myjavou (Nitrianska). «Sborník spolku záhorských akademiků», str. 108—124.
- Petřík Stanislav. K fonológii západoslovenskej vety v Trnavskom nářečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 102—123.
Рец.: Vážný V. «Bratislava», IX, 1935, str. 450—451.
- Podjavorinská L'. Zvláštnejšie príslovia a porekadlá z Hor. Bzniec. «Slovenské pohľady», XX, 1910—1911, str. 540—542.
- Ptáček Vojtěch. Shody ve slovníku slovenštiny a hanáckého nářečí středomoravského, «Vlastivědný sborník střední a severní Moravy», 8, 1929—1930, str. 77—80.
- Rízner L'. V. Ukážky z dialektického slovníka Bošáckej doliny. «Slovenské pohľady», XXX, 1920, str. 262—264.
- Ríznerová—Podjavorinská L. Slovenské písně (Horní Bzience). «Český lid», r. XVIII, 1908—1909, str. 147—148.
- Sabršúľ J. Kvantita podjavorinského nářečia. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 230—236.
- Sabršúľ Ján. Nářečové ukážky z Podjavorinského nářečia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 128—135.
- Sabršúľ J. Tvaroslovie podjavorinského nářečia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 45—63.
- Sima Frant. Z lexikálnych vplyvov slovenčiny na maďarské nářečia nitrianské. «Linguistica slovac», sv. 4, Bratislava, 1940, str. 5—182.
- Sima F. Z lexikálnych vplyvov slovenčiny na maďarské nářečia nitrianske. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 169—182.
- Smetana S. S. O nářečí myjavskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 82—85.
- Smetánka E. Frequentativa v nářečích moravských a slovenských. «Rozprawy filologické, venované Janu Gebauerovi», Praha, 1898.
- Stanislav J. Názvy pririeknutých obcí pri Bratislave. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 242—250.
- Stanislav J. Stará slovenskosť Žitného ostrova a okolia Galanty. «Náš národ», II.
- Stránská D. Dolná Porubná. Příspěvky k národopisné monografii slovenské vsi. «Sborník Matice Slovenskej», r. V, 1927, str. 12—65.
- Studénka A. Příspěvky k hláskosloví nářečí pomoravských. Programm des Staats-Gymnasiums in Stražnitz, 1914.
Рец.: B. Vydra. «Časopis pro moderní filologii», r. IV, str. 360—361.
- Šimovič Z. Nářečové texty z oblasti nářečia terchovského, «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 152—160.
- Šimovič L. Z hláskoslovia hornotrenčianskej obce Terchovej. «Carpatica», IA, sv. 2, Praha, 1939, str. 255—301.
- Šimovič L. Z tvaroslovia hornotrenčianskej obce Terchovej. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 30—44.
- Václavík A. Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané. «Musejní spolek», Luhačovice, 1930, 673 str.
- Váša J. Über Wörter und Phrasen, durch welche S. Czambel im Slovakischen Čechismen ersetze. «Časopis pro moderní filologii», r. III, str. 15—23, 112—122.
- Vážný V. Čakavské nářečí v slovenském Podunaji. «Sborník filologické fakulty univerzity Komenského v Bratislave», V, str. 47.
- Vážný V. Ikavismy a ekavismy v kajkavském chorvatském nářečí Horvatského Gróbu na Slovensku. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 65—70.
- Vážný V. O dnešním jazykovém stavu v chorvatských koloniích v republice Československé. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 182—185.

- V á ž n ý V. O l'udovej reči v Ponitří. «Ríša Vel'komoravská», 1935, str. 473—490, 643—652.
- V á ž n ý V. O niektorých variantoch horvatských alebo slovenských piesní l'udových v Horvátskom Gróbe. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 23—32.
- V á ž n ý Václav. O niektorých zvláštnych formách slovesných v západoslovenských nárečiach a ich rozšírení (s mapou). «Sborník Matice Slovenskej» r. II, 1924, str. 127—129.
- V á ž n ý Václav. Príspevky k štúdiu nárečí západného Slovenska (s mapou). «Sborník Matice Slovenskej», r. III, 1925, str. 56—70.
- V á ž n ý V. Z mezislovanského jazykového zemepisu. Praha, 1948, 257 str.
Pecy.: Š. Peciar. «Slovo a tvar», r. III, 1949, str. 109—111. J. Štolc. «Jazykovedný sborník», r. IV, 1950, str. 311—317.
- V o z a r V. Sobůlky. Vlastivědná a národopisná studie slovácké dědiny na Kyjovsku. Kyjov, 1949, 363 str.

IV. Средне-словацкие говоры

- A r a n y A. Nárečia doliny Slanskej. «Carpatica», 1936, 195 str.
- A r a n y A. Striednice typu \bar{a} , \bar{a}^v v nárečí nižnoslanskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 17—25.
- B é d e r J. Nárečové ukážky z Lukáčoviec (okr. Hlohovec). «Linguistica slovac», III, 1941, str. 147—153.
- B e l á č i k P. Nárečové slová. Pečenice (Hont). «Slovenská reč», r. X, 1942—1943, str. 180—186.
- B o t t o J. Nárečie gemersko-malohontské. «Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti», XVII, 1914, str. 7—10.
- B o u t e l j e A. E. Zwei Gemermundarten... «Věstník Královské české společnosti třídy filos.-hist.-filol.», č. I. 1929, str. 122.
Pecy.: Šmilauer. «Bratislava», IV, 1930, str. 460—465.
- B ú l y o v s k ý M i l o s l a v. Príslovia, porekadlá a úslovia z Turca a Liptova. «Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti», IV, str. 9—12, 27—29, 51—52, 65—66, 78—80, 100—101.
- C z a m b e l - D a n i e l o v i č S. Slová zo Zvolenskej stolice a z iných krajov. «Slovenské pohľady», XXVII, 1917, str. 564—565.
- Č a p l o v i č V l a d o. Niekoľko rozprávok z Oravy. «Sborník Matice Slovenskej», r. VII, 1929, str. 107—114.
- D u b a y A. Kremnické listy z rokov 1564—1569. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 307—352.
- D u b a y A. Štyri záznamy so stredoslovakizmami zo XVI stor. «Sborník spolku záhorských akademiků», str. 217—228.
- D u b a y A. Z jazyka kremnických listov z r. 1564—1569. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 307—331.
- F e n d r i c h o v á L'. Nárečové ukážky z Párnice (Dolná Orava). «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 144—151.
- G a r a j J. Ešte raz o autochtonnosti niektorých jazykových zjavov Hornoipeľ'ských. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 153—160.
- G a r a j J á n. K chronologii zmien $y > e$, $y > ei$, $'u > i$ v hornoipeľ'skom nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 124—130.
- H a b o v š t i a k A n t o n. Nárečové ukážky z Oravy. «Jazykovedný sborník», r. III, 1948, str. 86—89.
- H a b o v š t i a k A n t o n. Stredoslovenské \bar{a} , \bar{a}^v na rozhraní dolnej a strednej Oravy. «Jazykovedný sborník», r. III, 1948, str. 17—23.
- H o r á k G. Poznámky o nárečí Liptovskej Tepličky. «Jazykovedný časopis», r. VII, 1953, str. 105—125.
- H u s k a A. Hŕstka prstonárodných povestí z Liptova a z Oravy. «Sborník Matice Slovenskej», r. VI, 1928, str. 57—71.
- H u s k a A. M. Paralely v živej tradícii slovenskej a slovanskej. «Sborník Matice Slovenskej», r. VII, 1929, str. 114—125.

- I l í k Ratková (ukážky nářečí ratkovského). «Slovenské pohľady», XX, 1909—1910, str. 40—43, 91—93, 206—208.
- I r e m s k y. Horal'ské spevky. I. Horal'ské nářečie. Krátké upozornění na zvláštnosti nářečí slovenských «horalů» v horní Oravě, v severním Spiši a v několika osadách lipťovských. II. Horal'ské piesne z Oravy. «Sborník musealnej Slovenskej spoločnosti», VI, str. 178—193.
- J ó n a E. Ešte raz o takzv. bohemizmoch v nářečiach Novohradu a Gemera. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 151—153.
- J ó n a Eugen. O povahe velár v strednej slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 34—38.
Peč.: V. Vážný. «Bratislava», IX, 1935, str. 446.
- J ó n a Eugen. Príspevok k otázke takzv. bohemizmov v nářečiach Novohradu a Gemera. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 131—140.
- J ó n a Eugen. Ukážky z ipel'ského nářečia v Novohrade «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 107—115, 473—476.
- J ó n a E. Ukážky z nářečových textov. «Slovenská reč», r. III, 1934, str. 30—32.
- K o h ú t I. Hlásokoslovná sústava nářečia východnianskeho. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 174—201.
- K o n č e k Ladislav. Povery na Rédovej. (Ukážky nářečí rédovského). «Slovenské pohľady», XX, 1909—1910, str. 93—94, 299—300.
- M a ł e c k i Mieczysław. O wpływie słowackim na polskie gwary na Orawie. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 44—52.
- M a r t i š R. Nářečový obraz najjužnejšej časti stredného Požitavia v porovnaní s nářečím Komjatíc ako reprezentantným nářečím stredného Ponitria. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 145—153.
- M a z ú r S. Deverbatíva na -áci, -áca, -áce v pukanskom nářečí a spisovnej slovenčine. «Slovenská reč», r. X, 1943, str. 257—260.
- M e l i š - Č u g a L. K pôvodu miestneho názvu Bytča. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 45—49.
- M i h á l J. Nářečové ukážky zo zvolenského Horehronia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 183—185.
- M i h á l Ján. Slovensko-l'upčiansky protokol. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 188—192.
- M i h á l J. Tvaroslovné zvláštnosti z okolia slovenskej L'upče. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 84—98.
- M i h á l J. Z frazeológie slovenskej L'upče a okolia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIX, 1941, str. 456—461.
- * M i h á l J. Zo slovníka nářečia slovenskej L'upče a okolia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIX, 1941, str. 420—455.
- M i h á l Ján. Zvláštnosti zvolenského hlásokoslovia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 92—98.
Peč.: V. Vážný. «Bratislava», IX, 1935, str. 449—450.
- Nářečové slová a výrazy (Turiec), I. «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 27—29, 53—56, 120—123, 176—179; II. «Slovenská reč», r. X, 1942—1943, str. 241—246, 290—299, 335—360; III. «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 106—116, 177—181.
- N o v á k L'. Česká listina so slovakizmami z r. 1594. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 124—127.
- N o v á k L'. Suum cuique a problém juhoslovanských prvkov v strednej slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 152—156.
- N o v á k L'. Ešte raz: Suum cuique a problém juhoslovanských prvkov v strednej slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 223.
- N o v á k L. Kontrakcia v strednej slovenčine. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 15—34.
Peč.: V. Vážný. «Bratislava», IX, 1935, str. 445—446.
- N o v á k L. K otázke jerových striednic a kontrakcie v strednej slovenčine. «Práce učené společnosti Safarikovy v Bratislavě», sv. 8, Praha, 1932, str. 54.
- N o v á k L. K otázke jerových striednic a kontrakcie v strednej slovenčine. «Bratislava», V, 1931, 634—680.
- N o v á k L. Oravská listina z r. 1574. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 172—180.

- Okál' J. Nářečové slová. Gombáš. (Liptov). «Slovenský jazyk», r. I, 1940, str. 30—32, 229—231, 198—204.
- Okál' J. Nářečové slová. Gombáš. (Liptov.). «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 198—204.
- Okoličianska listina z roku 1435 (a) Latinská osnova. b) Slovenská osnova. «Sborník Matice Slovenskej», r. VI, 1928, str. 55—56.
- Orlovský J. Hláskoslovie nářečí Muránskej doliny. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 154—173.
- Orlovský J. Jelsávské mestné zápisy. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 130—134.
- Orlovský J. Nářečové slová z Kobeliarova. «Slovenská reč», r. IX, 1941, str. 125—127.
- Orlovský J. (Szabó). Nářečové slová. Tisovský Hámor (Gemera). «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 260—266.
- Orlovský J. Nářečové texty z Gemera. «Linguistica slovac», IV—VI, 1946—1948, str. 332—346.
- Orlovský J. Nářečové texty z Gemera. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 138—143.
- Orlovský J. Ukážky zo sémantiky a z nářečového slovníka gemerského. «Elán», XV, č. 7, 1941—1942.
- Orlovský J. Zemepisná rosloha gemerského *ia* za prasl. *e*, *ě* v dlhých polohách v časti juhozápadného Gemera. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 13—16.
- Orlovský J. Z kmeňoslovia gemerských nářečí muránskej doliny. «Linguistica slovac», III, 1941, str. 110—119.
- Pauliny E. «Mäkké» nářečie Banskej Bystrice a okolia a jeho vznik. «Carpatica», IA, sv. 2. 1939, str. 309—317.
- Pauliny E. Nářečie zátopových osád na hornej Orave. Turč. sv. Martin, 1947, 127 str.
Peč.: (M. Marsinová.) «Slovenská reč», r. XIV, 1948—1949, str. 182—184; «Slovo a tvar», r. II, 1948, str. 54—55.
- Pauliny E. Niekoľko zvolenských izogľós. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 26—29.
- Pauliny E. Niekoľko zvolenských izogľós z Tekova. K jazykovej hranici medzi tekovským Pohroním a Požitavím. «Carpatica», IA, sv. 2, 1939, str. 303—306.
- Pauliny Eugen. Príspevok k určeniu niektorých významných izogľós, týkajúcich sa nářečia detvianskeho. «Bratislava», IX, 1935, str. 389—397.
- Pauliny Eugen. Skloňovanie substantív v nářečí Detvianskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 141—153.
- Pauliny E. Stredoslovenský tvar nom.-akuz. sing. typu *znamenia*. «Jazykovedný časopis», r. VII, 1953, str. 51—62.
- Pauliny E. 3. osoba pl. *jesú* a jej pôvod. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 21—26.
- Pauliny E. Ukážky z Detvianskeho nářečia. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 180—182.
- Pauliny E. Výber z detvianskych sloviess. «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 85—88, 123—125, 315—317.
- Pauliny Eugen. Zmeny *ě* > *š*, a *t'*, *d'* > *č*, *ž* v gemerských nářečiach. «Jazykovedný časopis», r. VIII, 1954, str. 108—117.
- Ratkoš P. Toponymia Liptova do konca XIII storočia. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 200—219.
- Slavíková-Welsová K. Lidové hovory (nářečím uhersko-slovenským). «Květy», r. XXIII, kniha XLVI, 1901, str. 121—128, 248—255, 376—384, 490—498, 675—680, 776—783; kniha XLVII, str. 115—125, 263—272, 377—386.
- Stanislav J. Dobšiná. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 134—137.
- Stanislav J. Liptovské nářečia. Turč. Sv. Martin, 1932, str. 562.
Peč.: Novák L'. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 141—145; Weingart M. «Časopis pro moderní filologii», r. XX, 1933, str. 83—89.
- Stanislav J. Niekoľko názvov zo starého Liptova. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 74—81.

- Stanislav Ján. Niekoľko rozprávok z východnej tretiny Liptova. «Sborník Matice Slovenskej», r. VII, 1929, str. 1—48.
- Stanislav J. Poznámky o pomere jazyka šturovej «Nauky reči slovenskej» a lipovského nárečia. «Slovenská miscellanea», Bratislava, 1931, str. 164—179.
- Stanislav. Problém juhoslovanských prvkov v strednej slovenčine. «Slavia occidentalis», t. 12, Poznaň, 1933, str. 148—157.
- Stanislav Ján. Stará slovenskosť južnej časti stredného Slovenska. «Náš národ», II.
- Stanislav J. Striednice za praslovanské nosové ξ v nárečiach východnej tretiny Liptova. «Bratislava», I, 1927, str. 362—374.
- Stieber Zd. Jugoslawizmy w dialektcie śródkowosłowackim. «Lud słowiański», I, Kraków, 1930, str. 230—244.
Peč.: Stanisław J. «Bratislava», V, Praha, 1931, str. 358—360.
- Stieber Zd. Prasłowiańskie ξ i 'a w gwarach śródkowosłowackich. «Slavia occidentalis», t. 11, 1932, str. 7—17.
- Szabó J. Jelšanské mestké zápisy. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 130—134.
- Szabó J. Kobeliarovské nárečie. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 97—104.
- Szabó J. Ku Gemerskej dialektológii. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 77—83.
- Szabó J. Mad'arské elementy v slovenských nárečiach v Gemi. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 183—190.
- Szabó Jozef. Mad'arské elementy v slovenských nárečiach v Gemi. «Linguistica slovac», sv. 4, 1940, str. 19—28.
- Szabó J. Nárečové texty z gemerského Horehronia. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 353—356.
- Szabó J. Ukážky z Gemerských nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 209—213.
- Šmilauer V. K Novákove kritice «slovenských striednic jerových». «Bratislava», V, str. 634—680; «Bratislava», VI, Praha, 1932, str. 164—168.
- Šmilauer V. Osídlení a nárečí Liptova. «Bratislava», VII, 1933, str. 321—329.
- Tóbiš Št. Charakteristické zjavy hláskoslovné v nárečiach juhozápadného Gemera. I. «Bratislava», VIII, 1934, str. 67—75; II. «Bratislava», IX, 1935, str. 368—378.
- Tóbiš Št. Kvantita gemerských nárečí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 109—130.
- Tóbiš Št. Striednice za praslov. **ort*, **olt* v gemerských nárečiach. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 208—219.
- Tóbiš Štefan. Striednice za praslov. **ort*, **olt* v gemerských nárečiach. «Linguistica slovac», sv. 5, 1940, str. 23—36.
- Tóbiš Štefan. Tvary na -ch v nárečiach juhozápadného Gemera. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 89—92.
- Trávníček Fr. Příspěvek k slovenskému nářečí v Orave. «Národopisný věstník československý», r. XV, č. I, 1921, str. 59—67.
Peč.: V. Vážný. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 123—126; V. Vážný. «Slovenské pohľady», XXVIII, 1922, str. 299; F. Trávníček. «Naše věda», IV, 1922, str. 150—151.
- Vavro J. Nárečové slová a výrazy Prievidza. «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 22—29, 88—90.
- Vážný V. Odpoveď Fr. Trávníčkovi. (Ešte niekoľko slov o «Příspěvku k slovenskému nářečí v Orave», od Fr. Trávníčka). «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 123—126.
- Vážný Václav. Razená neznělá spoluhláska hlasivková v strednej slovenčine, hlavne v nárečí Turčianskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 39—48.
- Vážný V. Slovenská nárečia v Orave. «Sborník Matice Slovenskej», r. I, 1922—1923, str. 1—12, 74—83, 155—160, 171—179.
- Vážný V. Zo skloňovania v nárečí turčianskom. «Sborník Matice Slovenskej», r. IV, 1926, str. 157—181.
- Zgúth P. Nárečové slová. Mošovce. (Turiec). «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 117—120.

- Zgúth P. Nářečové slová a výrazy. (Turiec). «Slovenská reč», r. VII, 1938—1939, str. 290—297.
- Zgúth P. Nářečové slová a výrazy. (Turiec). «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 27—29, 53—56, 120—123, 176—179.
- Zgúth P. Nářečové slová (Turiec, II), «Slovenská reč», r. X, 1942—1943, str. 241—246, 290—299, 335—360.
- Zgúth P. Nářečové slová a výrazy. (Turiec, III). «Slovenská reč», r. XIII, 1947, str. 106—116, 177—181.

V. Восточно-словацкие говоры

- Bazovský L'udovit. Nářečie viaceré zo Zemplína a Šariša. «Slovenské pohľady», XX, 1909—1910, str. 205—206, 254—255.
- Broch O. Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im nördlichen Ungarn. «Viedenskabsse skabets Skrifter», Hist.-fil. Kl., N 5, Kristiania, 1897.
Рец.: «Listy filologické», XXV, 1898, str. 406—407.
- Брох О. Угросуское нарѣчје села Ўбли (Земплинского комитата). Изслѣдованія по русскому языку. СПб., 1900.
- Broch Olaf. Zum Kleinrussischen in Ungarn. «Archiv für slavische Philologie», XVII, 1895.
- Broch O. Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze. «Viedenskabsse skabets Skrifter». Hist.-fil. Kl., N 1, Kristiania, 1899.
- Buffa Ferdinand. Nářečie Dihej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, str. 5—247.
- Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. Sv. Martin, 1906, 624 str. (č. I, Východoslovenské nářečie).
Рец.: Ю. Поливка. ИОРЯС, XII, кн. 3, 1907.
- Чередииченко И. Г. Синтаксические явления закарпатских украинских говоров. «Вопросы славянского языкознания», II, 1949, стр. 199—207.
- Czekanowski Jan. Polszczyzna w dolinie Topli. «Język Polski», XXX, 1950.
- Fedák J. Zo šarišského hláskoslovía. «Sborník na počest' Jozefa Škultétyho», Turč. Sv. Martin., 1933, str. 499—560.
- Fedák J. Zo šarišského tvaroslovía. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 63—72.
- Fedák J. Zo šarišského časovania. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 87—97.
- Fedák J. Zo šarišského skloňovania a stupňovania prídavných mien a čísloviek. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 32—34.
- Fedák J. Zo šarišského skloňovania zámenného. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 72—74.
- Fedák J. Nářečové texty zo Zemplína. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 135—144.
- Fedák J. Nářečové texty zo Zemplína. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 111—120.
- Gerovskij G. Jazyk podkarpatské Rusi. «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934, str. 460—517.
- Gerovskij G. Zur Behandlung der Lautverbindungen *-tl, -dl* — im südkarpatorusischen (Ugrorussischen). «Zeitschrift für slavische Philologie», VI, 1929, S. 77—85.
- Hágo vská M. Miesto východoslovenčiny v rodine západoslovanských jazykov. «Svojina», II, Košice, 1947—1948, str. 43—46, 97—101, 186—189.
- Hágo vská M. Poznáte východnú slovenčinu? «Svojina», I, 1946—1947, str. 38—39.
- Hágo vská M. Tvorenie a význam východoslovenských podstatných mien. «Svojina», III, 1949, str. 37—40, 149—152, 182—186.
- Hágo vská M. Tvorenie a význam východoslovenských slovies. «Svojina», IV, 1950, str. 90—93.
- Hágo vská M. Tvorenie a význam východoslovenských prídavných mien. «Svojina», IV, 1950, str. 31—37.
- Hágo vská M. Zákon ľubozvučnosti vo východnej slovenčine. «Svojina», I, 1946—1947, str. 136.

- H o u d e k Fedor. Nárečia slovenského východu. I. Nárečí z mesta Ubrež stolice, Unžské, II, nárečí markovského v stolici Zemplinské. «Slovenské pohľady», XXI, 1901; I, str. 596—599, II, str. 729—731.
- H o u d e k Fedor. Ukážka podrečia z Tašoli v Ungu. «Sborník museálnej slovenskej spoločnosti», VI, str. 74—76.
- H ú s e k. Národopisná hranice medzi Slovákmi a Karpatorusy. «Prúdy», Bratislava, 1925, 511 str.
Peč.: M. Weingart. «Bratislava», I, 1927, str. 274—284; A. Fischer. «Lud», 26, 1927, str. 94—96.
- J a k m l u v í č e s k o s l o v e n s k ý l i d (ukážky nárečí československých i podkarpatoruských). «Lidové noviny», příloha, Brno, 24. V 1931.
- J a v o r s k í J. A. Novyja rukopisnyja nachodki v oblasti starinnoj Karpatoruskoj pismennosti XVI—XVIII věkov. Praha, 1931.
- K e l l n e r Adolf. Nářeční ukážky z Liptovsko-spišského pomezí. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 201—208.
- K e l l n e r Adolf. Nářeční severozápadního Šariše. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 35—49.
- K e l l n e r A. Polské nářeční ukážky ze Spiše. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 92—102.
- K e l l n e r Adolf. Příspěvek k bližšímu poznání nářečí lučivňanského. «Bratislava», r. VI, 1932, str. 467—489.
- K e l l n e r Adolf. Příspěvek k jazykové charakteristice Plavnice. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 73—88.
- K l e i n - T e s n o s k a l s k ý B. Slovenské veršové pamiatky Šariša. «Slovenské pohľady», XLVII, 1931, str. 120—125, 189—196.
- K l í m a St. Ruskoslovenská hranice na východě Slovenska. «Slovanský Přehled», IX, Praha, str. 60—63, 112—121.
- K l í m a St. Východoslovenské pohádky (připovídky). «Národopisný Věstník československý», IV, Praha, str. 212—219.
- K o p e r d a n M. Deverbativa na *-ci, -cia, -cie (-ci, -ca, -ce)* v spišskom nářečí. «Slovenská reč», IX, 1941—1942, str. 58—62.
- K o p e r d a n Michal. Porovnávací gramatika východoslovenského nárečia. Príručka pre učiteľ'ov. Turč. Sv. Martin, 1940, 43 str.
Peč.: Koperdan Š. «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 91—94; J. Štolc. «Linguistica slovacca», sv. 3, 1941, str. 169—171.
- K o v a l č í k Ján. Dva kmotrove. Slovenská poviedka z Gánoviec ve Spiši. «Sborník museálnej slovenskej spoločnosti», VI, str. 82—87.
- K o v a l č í k Ján. Tri prádky. Slovenská poviestska, jak ju na Hnilcu rozpravajú. Ukážka nárečí hnileckého. «Slovenské pohľady», XX, 1910—1911, str. 393—397.
- K u r a s z k i e w i c z Wł. Uwagi o Liemkowskiej gwarze Polanek i komłoszy na Szaryszu. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 54—62.
- K u r a s z k i e w i c z W. Zemkowskie teksty gwarowe ze Szarysza. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 92—94.
- L i š k a J. K otázke pôvodu východoslovenských nárečí. Turč. Sv. Martin, 1944, str. 88.
Peč.: J. Frička. «Slovenská reč», r. XII, 1946, str. 61—63.
- L i š k a J. Rozriešime si otázku pôvodu východnej slovenčiny? «Slovenská reč», r. IX, 1941—1942, str. 48—58, 159—168, 209—215, 276—281, 306—310; «Slovenská reč», r. X, 1942, str. 22—28, 65—71, 104—107, 167—173, 230—241.
- L i š k a J. Zachovajú sa východoslovenské nárečia? «Slovenská reč», r. VIII, 1940—1941, str. 293—298.
- M a ł e c k i Mieczysław. Archaizm Podhalański. «Monografie polskich cech gwarowych», č. 4, Krakov, 1928.
Peč.: Stanislav J. «Bratislava», IV, Praha, 1930, str. 167—169.
- M a ł e c k i M. Kilka słów o «lachach». «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 74—76.
- M a ł e c k i Mieczysław. Kilka uwag o polskiej gwarze Ciepliczki i Pogoreły w Niżnych Tatrach. «Sborník Matice Slovenskej», r. IX, 1931, str. 73—79.
- M a ł e c k i M. Polskie teksty gwarowe ze Spisza. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 136—140.

- Małeckci M. Polskie wyspy językowe na słowaczynie, I. Zužna. «Język Polski», r. XIII, 1928, str. 129—134, 164—171.
Peč.: Stanislav J. «Bratislava», IV, Praha, 1930, str. 181—183.
- Martinka J. Meno Košíc. «Slovenské pohľady», XLVI, 1930, str. 308—320.
Peč.: J. Zubatý. «Naše řeč», XIV, 1930, str. 164.
- Mazúr S. Z miestnopisných názvov Šariša. «Slovenská reč», r. XV, 1949—1950, str. 8—17.
- Miškovič Aloiz, Pogorielov Valerij. Spišské cyrilské úlomky XII—XIII storočia. «Bratislava», III, Praha, 1929, str. 80—87.
- Mušík Št. Slovenské povesti ze Spišskeho Hnilca. «Sborník museálnej slovenskej spoločnosti», XVIII, 1913.
- Niederle L. Nová data k východní slovenské hranici v Ubrách. (S dvěma mapami). «Národopisný Věstník československý», II, 1—3, Praha, str. 139—140.
- Ogienko Ivan. Як повстали українські й словацькі форми N¹ на -'а середнього роду. «Bratislava», VI, Praha, 1932, str. 83—84.
- Ogienko Ivan. Словацько-українська спільнота в лемківським говорі половини XVIII столетия. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 64—73.
- Панькевич I. Дві лемківські грамоти з початку XVI столетия. «Slavia», r. XXIII, 1954, str. 23—46.
- Панькевич Иван. Говір села Валашковець бувшої земплинської жупи на Закарпатті. «Записки наукового Товариства ім. Шевченка», XCIX, 1930, стр. 337—375 + карта.
Peč.: Stanislav J. «Bratislava». V, Praha, 1931, str. 352—353.
- Paňkevič Ivan. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi. Sb. «Podkarpatská Rus», Praha, 1922, str. 130—150.
- Paňkevič J. Z jazykových dějin nejvýchodnějšího Slovenska. «Časopis pro moderní filologii», r. XXX, 1946—1947, str. 258—261.
- Панькевич Иван. З морфології говору села Завадки на південнім Спиші на Словаччині. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 48—53.
- Paňkevič Ivan. Перезвук етимологичного *o*, *e* на *y* (*ю*) *ü*, *i* наших говорів та их географичне поширення. «Подкарпатська Русь», № 5—6, 1927.
- Панькевич I. Пісня про Штефана воеводу як пам'ятка лемківського шариського говору. «Linguistica slovaca», IV—VI, 1946—1948, str. 354—367.
- Панькевич I. Тексти говору села Завадки на південнім Спиші на Словаччині. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 95—97.
- Панькевич I. Українські говори підкарпатської Русі і сумежних областей. (5 диал. карт.) Praha, 1938, XXXIII + 546 стр.
Peč.: Kuraszkievicz. «Rocznik slawistyczny», XV, 1939, str. 84—103; Weingart. «Časopis pro moderní filologii», r. XXV, 1939, str. 197—206.
- Панькевич I. Фолварська грамота Алексія Мироловича 1607 р. як пам'ятка українського лемківського говору на Спиші. «Linguistica slovaca», IV—VI, 1946—1948, str. 368—380.
- Панькевич Иван. Фонетика говору села Завадки на південнім Спиші на Словаччині. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 77—86.
- Pastrnek F. Rusíni jazyka slovenského. «Статьи по славяноведению», вып. II, СПб., 1906, стр. 60—78.
- Petříková Z. K hudobnej stránke nárečia abaujského. Praha, 1947.
- Plicka K. Východo-slovenské piesne «do Kolesa». «Slovenské pohľady», XLVIII, 1932, str. 130—134.
- Polívka J. Příspěvek k dialektologii spišské stolice. «Listy filologické», XXX, 1903, str. 415—422.
- Radzikowski, Eljasz S. Gierlachov málo známá slovenská vesnice v Tatrách. (Kroje, řeč, podání). «Český lid», X, 1900, str. 305—308.
- Stanislav Ján. Nando Steller-Šteliar. O košickom nárečí «Bratislava», II, Praha, 1928, str. 453—458.
- Stanislav J. Niekol'ko poznámok k Stieberovej práci. «Bratislava», IV, Praha, 1930, str. 170—172.
- Stanislav J. Pôvod východoslovenských nárečí. «Bratislava», IX, 1935, str. 51—82.
Peč.: Unbegaun B. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 37, 1936, p. 155; Weingart. «Časopis pro moderní filologii», r. XXII, 1936, str. 364—365;

- Stieber Z. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 221—223; Novák. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 189—191.
- Stíbal J. Jak se připravuju v Šariši na hody. «Český lid», XXXI, 1931, str. 28.
- Stíbal J. Rozpraveně starého dzeduša (Šariš). «Český lid», XXXI, 1931, str. 69.
- Stieber Z. Geneza gwar wschodniosłowackich. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 221—223.
- Stieber Zd. Gwara Stropkowa w Zemplinie. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVI—XVII, 1938—1939, str. 30—31.
- Stieber Z. Gwarowe teksty wschodniosłowackie. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 106—110.
- Stieber Z. Gwary okolicy Bardjowa, I. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 98—108.
- Stieber Z. Gwary okolicy Bardjowa, II. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 63—71.
- Stieber Z. Jeszcze o dialektcie wschodniosłowackim. «Lud słowiański», II, Krakow, 1930—1931, str. 32—41.
- Stieber Zdzisław. Problém pôvodu východoslovenských nářečí. «Svojina», IV, 1950, str. 57—71.
- Stieber Zdzisław. Problem językowej a etnicznej odrębności Podhala. Łódź, 1947. *Peu.*: Halaga O. R. «Svojina», IV, 1950, str. 99—113.
- Stieber Z. Przyczynek do dialektologii Zemplina. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 60—63.
- Stieber Z. Stosunek słowackich gwar Spisza do dialektu środkowo-słowackiego polszczyzny i małopolszczyzny. «Lud słowiański», IA, IIA.
- Stieber Z. Wieś ruska w Gemerze. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 151.
- Stieber Z. Ze studjów nad dialektami wschodniosłowackimi. «Lud słowiański», III, Kraków, 1933, str. 140—151.
- Stieber Z. Ze studjów nad gwarami słowackimi południowego Spisza. «Lud słowiański», I, Kraków, 1929, str. 61—138.
- Stieber Z. Ze studjów nad gwarami słowackimi południowego Spisza. «Lud słowiański», I, zeszyt 1, Kraków, 1929, str. 61—138; «Bratislava», IV, Praha, 1930, str. 169—170.
- Šárga J. Nářečové slová. Vel'opolie, sev. Zemplín. (Sotáci). «Slovenský jazyk», r. I, 1940, str. 151—154.
- Šmilauer V. Bol Spiš v XIII storočí pol'ský? «Sborník Bujnákoví», Bratislava, 1933.
- Štolc J. Dialektické členenie spišských nářečí. «Linguistica slovac», I—II, 1939—1940, str. 191—207.
- Štolc J. Dialektické členenie spišských nářečí. «Linguistica slovac», sv. 5, Bratislava, 1940, str. 3—21.
- Štolc J. Jazyk levočských slovenských prísah zo XVI—XIX storočia. «Jazykovedný zborník», V, 1951, str. 197—247.
- Štolc Jozef. Nářečové texty zo Spiša. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIV, 1936, str. 193—200.
- Štolc J. Nářečové texty zo Spiša. «Sborník Matice Slovenskej», r. XVIII, 1940, str. 121—137.
- Štolc J. Niektoré zvláštnosti spišských slovies. «Bratislava», IX, 1935, str. 379—388.
- Štolc J. Zmeny $o > u$ a $ie > i$ v nářečí spišskom, I. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 75—96.
- Štolc J. Zmeny $o > u$ a $ie > i$ v nářečí spišskom, II. «Sborník Matice Slovenskej», XVI—XVII, 1938—1939, str. 50—76.
- Van Wijk N. Abermals zum Ostslowakischen. «Slavia», X, 1931—1932, str. 685—693.
- Van Wijk N. Die älteren und jüngeren r , l im Ostslowakischen. «Zeitschrift für slavische Philologie», VII, 1930, S. 362—372.
- Van Wijk N. Die Stellung des Ostslowakischen innerhalb des Čechoslovakischen. «Sborník na počest' J. Skultétyho», Turč. Sv. Martin, 1933, str. 561—570.
- Van Wijk N. Ostslowakisch und Lachisch. «Sborník Matice Slovenskej», r. XIII, 1935, str. 52—60.

- Van Wijk N. Zum Ostslowakischen. «Slavia», r. IX, 1930—1931, str. 1—18.
Рец.: (Stieber.). «Lud słowiański», II, 1931, str. 32—41.
- Van Wijk N. Zum Ostslowakischen *khas*, *kheža obit*, *obedu*. «Sborník Matice Slovenskej», r. XV, 1937, str. 197—198.
- Vilikovský J. Poznámky o původu tak zvaných «východoslovenských kázání». «Literárnohistorický sborník», II—III, 1945—1946, str. 95—98.
- Víra Jozef. Hláskosloví Osturňského hovoru, «Sborník Matice Slovenskej», r. VIII, 1930, str. 69—124.
- Víra J. Výsledky dosavadních badání o vokalizmu karpato-ukrajinských hovorů se zvláštním zřetelem k hovorům území Č. S. R. Program I, státného československého, reálného gymnasia v Brně, 1930—1931.
- Werchratskij J. Die Mundart der Gegend von Uherei bei Lisko. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 27, Berlin, 1903, S. 407—424.
- Верхратский Я. Говор Замішанців. «Записки наукового товариства ім. Шевченка», III, Львов, 1894, стр. 153—156.

VI. Словацкие говоры за пределами Чехословакии

- Auerhan Jan. Československá větev v Jugoslavii. «Knihovna československého ústavu zahraničního», sv. I, Praha, 1930, str. 403.
Рец.: Koláček Fr. «Naše věda», 11, 1930, str. 174—175; E. Č. «Naše Čechy», 13, 1930, str. 162. A. Bl. «Sociologická revue», 2, 1930, p. 90—92.
- Blanár V. Jeden případ medzislovenských jazykových vplyvov. Nárečie malej slovenskej jazykovej skupiny v Pšurke. «Studie a práce linguisticke», I (na počest 60 narodenin akad. B. Havránka), Praha, 1954, str. 353—368.
- Blanár V. Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestnych mien v Maďarsku. Bratislava, 1950, 139 str.
- Blanár V. Vplyv bulharčiny na jazyk Slovákov a Čechov v Bulharsku. «Jazykovedný sborník», r. V, 1951, str. 97—122.
- Boor, U. O dolnozemských Slováčích. «Slovanský Přehled», IX, Praha, str. 245—249, 305—309.
- Ondrus Pavol. K neutralizácii konsonantov *m*, *n*, *ň* v novohradskom nárečí v Maďarsku. «Jazykovedný sborník», r. III, 1948, str. 23—27.
- Ondrus P. K otázke kombinácie foném v korenej morféme slov novohradského nárečia v Maďarsku. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 432—447.
- Pastrnek F. Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn. «Sitzungsberichte der Akademie. Phil.-hist.», CL—CXV, Wien, 1888.
- Suchý K. Der Dialekt der Marchebene in Ungarn. «Věstník Královské české společnosti nauk», Praha, 1916, str. 84.
- Štolc Jozef. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949, 541 str.
Рец.: J. Horák. «Slovo a tvar», r. III, 1949, str. 149—150; «Listy filologické», LXXV, 1951, str. 146—149; Stieber. «Język Polski», III, 1950, str. 177—188.
- Štolc J. O nárečiovom výskume medzi Slovákami v Maďarsku. Zpráva. «Linguistica slovacca», IV—VI, 1946—1948, str. 432—436.
- Štolc J. Slovenské nárečia v Juhoslávii. «Kultúrny život», č. 21, 1947.
- Štolc J. Slovenské nárečia v Maďarsku. «Kultúrny život», č. 14—15, 1946.
- Štolc Jozef. Výskum slovenských nárečí v Maďarsku. «Jazykovedný sborník», r. I—II, 1946—1947, str. 134—136.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков (проспект)	3
В. В. Бородич. Наречия времени типа <i>нощес, вечерта</i> и <i>нощем, вечер</i> в современном болгарском языке	27

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

Н. И. Толстой. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке	37
Е. И. Демина. Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII—XVIII веков	46
А. С. Посвянская. К вопросу о порядке слов в польском языке	58

РЕЦЕНЗИИ

С. К. Шаумян. Рецензия на книгу N. S. Trubetskoj. Altkirchenslavische Grammatik. Schrift- und Formensystem. Wien, 1954	68
И. А. Дзедзелевский. Рецензия на книгу P. Zwoliński. Liczebniki zespolowe typu samotrzeć w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim. Polska Akademia Nauk. «Prace językoznawcze», № 2, Wrocław, 1954	79

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. Кондрашов и Н. Б. Троепольская. Библиография по словацкой диалектологии	86
---	----

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. М. Цейтлин*
Технический редактор *А. А. Павловский*
Корректор *Л. Ю. Розенберг*

РИСО АН СССР № 56—76В Сдано в набор 24/XII 1955 г.
Подписано в печать 16/VI 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 6,75=9,25. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 1500 экз.
Т-04833. Изд. № 1533. Тип. зак. № 395

Цена 5 р. 70 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Изд-ва Академии наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

